

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2021

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацero** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 2 от 26.03.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 1/2021

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Першина К. В.</i> В.М. Калинин и ономастика: поиски и достижения	6
<i>Артамонова И. М.</i> Формирование повестки дня редакции в период пандемии COVID-19	12
<i>Герасименко И. А.</i> Идентифицирующие и условные обозначения внутригородских пространственных объектов Донецкого края	18
<i>Супрун В. И., Крюкова И. В.</i> Словари славянских имён собственных в ономастической журналистике	23
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина)	33
<i>Касьяненко Н. Е.</i> Из истории русской терминографии XIX в.: «Врачебный словарь» А. Н. Никитина	39
<i>Лешкова Н. В.</i> Прагматика языковых средств реализации глобальной фидеистической стратегии современной православной проповеди	45
<i>Миннуллин О. Р.</i> Священный исток художественного творчества в контексте русской религиозной философии (И.А. Ильин, Н.О. Лосский)	53
<i>Мозговой В. И.</i> Денотаты, референты, онимная норма, или феномен В.М. Калинкина	65
<i>Мохоусова М. Н.</i> Системный анализ лексики со значением вкуса (на материале немецкого языка)	73
<i>Сорокин А. А.</i> Особенности проявления онимов в очерке «Железный Миргород» С.А. Есенина	81
<i>Сенчина Л. Т.</i> К вопросу о жанровых разновидностях элегии в творчестве В. К. Тредиаковского	87
<i>Шокотько Л. Е.</i> Семантическое варьирование усилительных частиц в русском языке XVII века (на материале «Жития протопопа Аввакума»)	91
<i>Шульдишова А. А.</i> Ролевые игры в онлайн-формате при организации внеаудиторной работы с иностранными студентами	96

<i>Ярошенко Н. А.</i> Лексико-семантические группы отонимных сложных номинаций лица в русском языке	101
<i>Ладнова Е. В.</i> Структурно-семантические и лингвокультурологические особенности топонимикона Большого Донбасса (на материале топонимов г. Юнокоммунаровска ДНР и г. Зверево РФ)	117
<i>Мишина Н. В.</i> Этнокультурная специфика фразеологизмов с фитонимами	125
<i>Оборнева О. В.</i> Прагматика и поэтика своих и чужих личных имен в этнокультурном аспекте	130
<i>Русенко Т. И.</i> К вопросу о роли одоративных номинаций в «Донских рассказах» М. А. Шолохова	134
<i>Элизбарашвили Л. Г.</i> Формирование и развитие топонимии города Донецка в историческом аспекте	144
<i>Кудрейко И. А.</i> Термины родства в славянских языках (на материале русского, украинского, белорусского языков)	149
<i>Правила для авторов</i>	157

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 1/2021

CONTENTS

Philology

<i>Pershina K.V.</i> V.M. Kalinkin and onomastics: seeking and achieving	6
<i>Artamonova I.M.</i> Formation of editorial agenda during COVID-19 pandemic	12
<i>Gerasimenko I.A.</i> Identifying and Conventional Designations of Donbass Intraurban Objects	18
<i>Suprun V.I., Kryukova I.V.</i> Dictionaries of Slavic proper names in onomastic journalism	23
<i>Dmitrieva J.L.</i> Parameters of spatial model of the world (on the material of poems by S. Esenin)	33
<i>Kasyanenko N.E.</i> From the history of Russian nineteenth-century terminography: "Medical Dictionary" by A. N. Nikitin	39
<i>Leshkova N.V.</i> Pragmatics of language means of implementing the global fideistic strategy in modern orthodox preaching	45
<i>Minnullin O.R.</i> Sacred source of art in the context of Russian religious philosophy (I.A. Ilyin, N.O. Lossky)	53
<i>Mozgovoi V.I.</i> Denotations, referents, onomastic norm, or V.M. Kalinkin's phenomenon	65
<i>Mokhosoeva M.N.</i> Systemic analysis of lexical units with the meaning of taste in the German language	73
<i>Sorokin A.A.</i> Onyms in the essay «Iron Mirgorod» by S. A. Yesenin	81
<i>Senchina L.T.</i> To the question of genre varieties of elegy in the works by V. K. Trediakovsky	87
<i>Shokotko L.Ye.</i> Semantic variation of emphatic particles in the Russian language of the XVII century (based on «The life of Protopope Avvakum»)	91
<i>Shuldishova A.A.</i> Online role-playing games in extracurricular activities with foreign students	96

<i>Yaroshenko N. A.</i> Lexical-semantic groups of Russian compound nominations of person derived from onyms	101
<i>Ladnova E. V.</i> Structural, semantic and linguo-cultural peculiarities of godonyms in Greater Donbass (on the material of godonyms of Yunokommunarovsk, DPR, and Zverevo, RF)	117
<i>Mishina N. V.</i> Ethnocultural specificity of phraseological units with phytonyms	125
<i>Oborneva O. V.</i> Pragmatics and poetics of own and alien personal names in ethnocultural aspect	130
<i>Rusenko T. I.</i> Odor nominations in «Tales of the Don» by Mikhail Sholokhov	134
<i>Elizbarashvily L. G.</i> Formation and development of Donetsk toponymy in historical aspect	144
<i>Kudreiko I. A.</i> Terms of kinship in Slavic languages (on the material of the Russian, Ukrainian, Belarusian languages)	149
<i>Guidelines for authors</i>	157

*К 75-летию доктора филологических наук,
профессора Валерия Михайловича Калинкина*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 373.1

В. М. КАЛИНКИН И ОНОМАСТИКА: ПОИСКИ И ДОСТИЖЕНИЯ

© 2021 К. В. Першина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена творческой деятельности профессора В. М. Калинкина. Описывается его вклад в становление и развитие поэтической ономастики – особого направления изучения собственных имён, сосредоточенного на их функционировании в текстах произведений художественной литературы. Уделяется внимание базовым методологическим установкам учёного, особенностям его научного почерка, фактологической базе исследований. Характеризуется редакторская и научно-организационная деятельность и подготовка научных кадров.

Ключевые слова: В. М. Калинкин, собственное имя, поэтоним, поэтонимология.

Валерий Михайлович Калинкин сегодня – признанный учёный, много сделавший для формирования, развития и утверждения в филологическом пространстве особого раздела ономастики, который он вначале называл *поэтика онима*, а в последующем стал называть *поэтонимология*. Отправная константа его ономастического мировоззрения – особенность, качественная инаковость онимов, функционирующих в разножанровых текстах художественной литературы, по сравнению с собственными именами в общем языке. Это свое убеждение он стал отстаивать с самого начала своего ономастического пути в науке, со времени подготовки кандидатской диссертации, посвящённой поэтике собственных имён в произведениях романтического направления, которая была успешно защищена в 1988 году. Такое понимание природы собственных имён в литературных произведениях обусловило создание В. М. Калинкиным термина *поэтоним*, который получил признание специалистов. Е. С. Отин, учитель и наставник В. М. Калинкина на ономастическом поприще, так отзывался об этом термине: «Удачно созданный <...> термин поэтоним сразу же вошел в научный обиход ономатологов, его без каких-либо сомнений и колебаний включает во второе издание своего «Словаря русской ономастической терминологии» (1988 г.) Н. В. Подольская» [14, с. 6].

Особенность поэтонимов, по убеждению исследователя, является следствием изменения качества дискурса, в котором они функционируют; в поэтонимы преобразуются (в большинстве случаев) обычные собственные имена языка; попадая в иную ментальную среду, иное ментальное измерение – поэтический мир того или иного произведения художественной литературы – они начинают подчиняться законам существования этого мира, создающегося творческой волей автора.

В. М. Калинкин утверждает, что исследование собственных имён в литературных произведениях требует чёткого понимания природы имени собственного и его семантики как в общем языке, так и в языке художественной литературы. Семантика поэтонимов рассматривается им как постоянно развивающаяся категория, что является следствием коммуникативной природы поэтонима. А эта природа, в свою очередь, обусловлена коммуникативной природой языка художественного произведения. По этому поводу В. М. Калинкин говорит следующее: «Язык художественного

произведения не фиксирует, а воспроизводит жизненные явления. Поэтоним, входя в словесную ткань художественного произведения, имеет коммуникативную природу и в его контексте может представлять собой целостный коммуникативный акт [6, с. 3]. Надо отметить, что это было обдумано и сформулировано еще в 80-е годы XX ст., когда только намечались подступы к поэтонимной теории. Методологически важным является утверждение о том, что коммуникативный характер поэтонима возникает на основе символического значения, которое собственное имя приобретает в процессе общественно-исторического и художественного отражения человеческой деятельности. Из этого вытекает необходимость учета разных функционально-содержательных характеристик онимов, трансформирующихся в поэтонимы.

Ещё одним важным компонентом методологического арсенала В. М. Калинкина является положение о динамическом характере семантики поэтонимов. «Обладая качеством непрерывной семантической текучести, способностью к содержательному насыщению, поэтоним на пространстве текста художественного произведения наращивает интенсивность образной сферы, что дает ему в конечном итоге возможность выйти за пределы текста и превратиться в коннотоним» [5, с. 371]. Указанное содержательное насыщение поэтонимов обусловлено их включенностью в словесный мир произведения, а также включенностью в контекст культуры: «В художественном произведении поэтоним вступает в разнообразные смысловые связи с контекстом культуры и, благодаря способности сохранять информацию, приобретает бесконечную смысловую валентность» [6, с. 3]. Важность этого утверждения состоит в том, что оно прямо указывает на необходимость вводить анализ поэтонимов в коммуникативную и лингвокультурологическую парадигмы, ставшие приоритетными в ономастике только к началу XXI века. Учёный подчёркивает, что «семантика поэтонима специфична, она отличается как от семантики собственных имен, так и от семантики апеллятивов», научное её описание обязательно предполагает сопоставление содержательности поэтонима «в данном конкретном употреблении с семантикой собственного имени в аналогичных условиях, но в нехудожественной речи» [5, с. 371].

В. М. Калинкин вошёл в «поэтонимное поле», когда его стал возделывать целый ряд видных ономастов (С. И. Зинин, В. Н. Михайлов, Э. Б. Магазанник, В. А. Никонов, Ю. А. Карпенко и др.), и сумел занять в нём своё место, утвердить свою исследовательскую индивидуальность. Её отличительная черта – синтез лингвистического и литературоведческого подходов, объединение филологической интуиции и рациональности лингвистического анализа. К исследованию онимии художественных произведений В. М. Калинкин приступил в 70-е годы XX ст., уже имея определенный исследовательский багаж в области сравнительно-исторического языкознания и славянской мифологии, представляющих, как известно, и в настоящее время сложное поле для исследований. В своей дипломной работе (1973 г.) он предпринял попытку реконструировать утраченные фрагменты раннеславянского мифа о Перуне. Выбор такой темы свидетельствует о научной смелости, умении ставить перед собой большие цели и добиваться их достижения. Это свойство характера проявилось и в масштабности задач, которые В. М. Калинкин определил для себя с приходом в оноистику и успешно их решил. Филологичность исследовательского почерка Валерия Михайловича закладывалась в студенческие годы на филологическом факультете Донецкого университета, её формированию способствовали одинаково уважаемые и почитаемые преподаватели и лингвистических, и литературоведческих дисциплин, творческое общение студентов и преподавателей на лекциях и семинарах, при написании курсовых работ, подготовке докладов на научные студенческие

конференции, которые были важными событиями студенческой жизни, дружба с талантливыми и одаренными сокурсниками и старшекурсниками (со многими из них она продолжается по сей день), общая атмосфера творческой заинтересованности и научного энтузиазма.

Филологический почерк проф. В. М. Калинин формировался и в процессе творческого освоения богатого наследия русской языковедческой науки, связанного с изучением языка художественной литературы, в особенности работ В. В. Виноградова, блестящего исследователя языка художественных произведений русской классической литературы. В монографии «Поэтика онима» специально рассматриваются те положения виноградовской теории поэтической речи, которые были избраны В. М. Калинкиным в качестве исследовательских аксиом поэтики онима и впоследствии действительно вошли в аксиоматику поэтонимологии.

Нельзя не сказать и об обширности и разнообразии фактологической и теоретической базы, лежащей в основе указанного монографического исследования; основными источниками иллюстративного материала выступают произведения русской и мировой художественной литературы разных жанров от XII до XX ст.; список использованной литературы включает более 300 наименований исследований русских и зарубежных авторов [5, с. 377–405].

Докторская диссертация В. М. Калинин, ставшая итогом его размышлений над особенностями жизни онимов в художественном мире литературных произведений, две его монографии – «Поэтика онима» и «Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина)» были оценены специалистами как прорыв в новую исследовательскую реальность, как новый этап в становлении литературной ономастики. Ю. А. Карпенко, сам много сделавший для привлечения внимания учёных к собственным именам в художественной литературе, отмечает, что диссертация В. М. Калинин – это комплекс интересных, глубоких и хорошо аргументированных мыслей, которые организованы в развернутую и стройную теорию поэтической ономастики [13, с. 334]. Специально этот известный ономаст отмечает глубокую эрудицию автора диссертации, позволившую ему очень квалифицированно определять место поэтической ономастики в кругу наук, безусловно, положительно оценивает прием формулирования ономастических аксиом, на которых выстраивается теория, приветствует уровневый подход к анализу средств выразительности онимов, называет целый ряд других достоинств исследования. Высокую оценку научной деятельности В. М. Калинин дает Е. С. Отин: “Для поэтической ономастики нашего времени Валерий Калинин сделал примерно то же, что и А. В. Суперанская в 70-е годы прошлого века для отечественной ономатологии своей, ставшей уже классической книгой «Общая теория имени собственного»” [14, с. 6].

В последующие годы В. М. Калинин продолжает разрабатывать проблемы статуса поэтонима, организации поэтонимного пространства как отдельных произведений, так и всего творчества писателей и поэтов (К. Ф. Рылеев, А. П. Чехов, В. Г. Распутин) [11; 7; 12], много внимания уделяет метаязыку поэтической ономастики [2], занимается теорией и практикой лексикографирования поэтонимии [3]. Все эти направления работы представляют собой комплекс, нацеленный на создание стройного здания поэтонимологии. В. М. Калинин неоднократно в своих работах подчёркивает, что разработка терминологии ономастики представляет собой важную проблему, поскольку не всегда обычные лингвистические термины адекватно отражают суть процессов в области проприальной лексики, её организации, способов образования. Постоянное внимание к лексикографическому описанию поэтонимии объясняется теми возможностями концентрации наиболее важной информации о каждом отдельном собственном имени,

которые предоставляет этот жанр научной работы. Лексикографическая часть деятельности В. М. Калинкина связана с описанием поэтонимного состава произведений А. С. Пушкина (“Из опыта лексикографии поэтонимов романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин””, 1998; «На подступах к пушкинской ономографии», 2011), Н. В. Гоголя («Словарь языка Н. В. Гоголя и проблемы ономографии», 2007; «Конкорданс к онимии текстов Н. В. Гоголя в контексте словаря языка писателя, 2013; “Н. В. Гоголь как языковая личность: из введения к проблеме «Задачи ономографии в словаре языка писателя”», 2014). Описание поэтонимов в текстах произведений Н. В. Гоголя привело В. М. Калинкина к постановке проблемы способов объединения в рамках словаря языка писателя апеллятивной и онимной составляющих лексического состава произведений. Общетеоретические вопросы лексикографирования онимов рассматриваются в работах «Проблемы и перспективы развития лексикографии поэтонимов», 1999; «Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина)», 1999, «Онимогенез и лексикография собственных имен», 2005, «Онимография и поэтонимография как самостоятельные научные направления», 2018.

В последние годы В. М. Калинин приступил к разработке методики реконструкции с опорой на поэтонимию структуры языковой личности автора. По его мнению, эта методика должна включать в себя изучение биографических данных, истории создания произведения, анализ языка и стиля произведения, словарь (словари) языка писателя, научные исследования конкретных произведений и всего творчества писателя. Конечную цель такой реконструкции В. М. Калинин видит в установлении взаимодействий и взаимовлияний в сознании автора реального и воображаемого миров [4].

Важной частью деятельности В. М. Калинкина как учёного является подготовка научных кадров, прежде всего в области исследования различных аспектов функционирования собственных имён в произведениях художественной литературы. За два десятилетия под его руководством было подготовлено и успешно защищено 9 кандидатских диссертаций, посвящённых поэтонимной составляющей творчества различных авторов. Кроме этого, в двух диссертациях проанализированы процессы, протекающие в зоне взаимодействия онимной и апеллятивной лексики, ещё в одной работе проанализированы процессы развития в сфере служебных слов и частиц, имевшие место в русском языке XVII в. В работах, связанных с поэтонимией, ставятся и решаются разнообразные вопросы отбора собственных имён писателями и поэтами, организации поэтонимного пространства, семантического развития онимов в дискурсе анализируемых произведений, их связи с жанрово-стилистическими особенностями произведений, их потенциал как средств образной выразительности, коннотонимные потенции поэтонимов, особенности их лексикографирования.

Свидетельством высокого уровня научной квалификации и компетенции В. М. Калинкина является его деятельность в роли консультанта при подготовке успешно защищённых докторских диссертаций, посвящённых лингвокультурному статусу собственных имён и синтагматической структуре речи.

В. М. Калинин сформировал одну из ветвей Донецкой ономастической школы, основателем которой является его учитель и наставник профессор Е. С. Отин. Валерий Михайлович не только его ученик, но и соратник, помощник и продолжатель начинаний, популяризатор творческого наследия ученого. В связи с этим надо отметить подготовку обширных сборников статей Е. С. Отина, опубликованных в разное время в разных изданиях, помощь в подготовке выпусков «Востокукринского лингвистического сборника», номеров специализированного ономастического журнала «Логос ономастики», многочисленные выступления на различных конференциях и

публикации, посвящённые исследованиям Е. С. Отина («Отин – подвижник науки и человек», 2015; «Е. С. Отин – основоположник и организатор ономастического обследования Большого Донбасса и его окрестностей». 2019; «Е. С. Отин – гидронимограф, собиратель и исследователь, летописец и «местоблюститель» вод и земель Большого Донбасса и его окрестностей», 2019 и др.), организацию и проведение Святогорских ономастических чтений, а с 2015 года – Международных ономастических чтений имени Е. С. Отина. В поле зрения профессора В. М. Калинкина постоянно находятся вопросы пополнения состава исследователей Донецкой ономастической школы, расширения круга рассматриваемых проблем, усиления связи с потребностями школьного преподавания русского языка, активизации разработки лингвокраеведческого аспекта ономастикона Донбасса.

Важной страницей в научной биографии В. М. Калинкина является изучение и популяризация творческого наследия его предшественников на «поэтонимной ниве». О принципиальной необходимости такого изучения он говорит следующее. «Много лет назад в частной беседе крупнейший специалист в области литературной ономастики <...> профессор Ю. А. Карпенко сказал <...>, что ни одна наука попросту немыслима без опоры на историю собственного развития. Нет прошлого – нет и будущего» [1, с. 5]. К этому В. М. Калинкин добавляет, что к началу XXI века стало ясно: необходимо подвести итоги, осмыслить и оценить сделанное, наметить будущие направления исследований в области поэтической ономастики. Вопрос о традициях и преемственности заявил о себе во весь голос, поскольку увеличилось количество молодых исследователей; его решение требует знакомства с текстами научных работ, многие из которых стали в настоящее время библиографической редкостью. В таких условиях стало необходимостью создание «Антологии поэтонимологической мысли». Первый том этого труда был создан и издан при активном участии В. М. Калинкина и посвящён наследию В. Н. Михайлова, потому что, по словам профессора В. М. Калинкина, поэтонимологи «выросли из михайловской диссертации» [1, с. 7; 10]. Ряд работ посвящён вкладу в становление и развитие литературной ономастики Ю. А. Карпенко [8; 9].

В качестве лирического заключения скажу следующее. Валерий Михайлович родился в первый послевоенный год, рос в трудное для страны время. Но это было время, пронизанное оживотворяющим духом Победы в Великой Отечественной войне. Он принадлежит к поколению детей, родители которых навсегда вошли в историю как победители, отстаившие страну и жизни будущих поколений, как победившие послевоенную разруху и создавшие мощную державу. Валерий Михайлович вместе с ровесниками впитывал в себя этот жизненный настрой на преодоление, на победу во всем. Мне думается, что жизнь не раз говорила Валерию Михайловичу словами К. Симонова: «Учись, брат, барьеры брать! Держись, мой мальчик: на свете два раза не умирать. Ничто нас в жизни не может вышибить из седла!». И он эти барьеры брал, и испытывал счастье на очередной покоренной вершине, и видел новую вершину, которую надо покорить.

Жизнелюбие и жизнестойкость, открытость новому, общительность, готовность и умение помочь и словом, и делом, спокойная мудрость, верность убеждениям и преданность делу, которому служит – это всё он, Валерий Михайлович Калинкин. Желаю ему здоровья, успешного завершения очередной монографии о науке поэтонимологии, творческого вдохновения, одаренных и работоспособных аспирантов и последователей. Пусть его поэтонимологическая копилка постоянно пополняется новыми идеями и новыми публикациями. Новых ему достижений и побед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология поэтонимологической мысли / отв. ред. Е.С. Отин; сост., подгот. текста В.М. Калинин; коммент., указатели М.В. Бувеская и др. – Донецк : Юго-Восток, 2008. – Т. 1: В.Н. Михайлов: избранное. Михайловские чтения 2007–2008. – 418 с.
2. Калинин В.М. К вопросу о проблемах терминологии и метаязыке ономастических исследований / В.М. Калинин // Русский язык в поликультурном мире: Сб. ст. I Международного симпозиума (8–12 июня 2017). – Симферополь, 2017. – Ч. 1. – С. 93–101.
3. Калинин В.М. На подступах к пушкинской ономографии / В.М. Калинин // К «Оправданию филологии», или Вариации на тему общего дела: Сб. науч. тр. / В.М. Калинин (отв. ред.) и др. – Донецк, 2011. – С. 257–312.
4. Калинин В.М. Необъяснимому возможно ль объяснение? / В.М. Калинин // Культура в фокусе научных парадигм. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 210–218.
5. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
6. Калинин В.М. Поэтика собственных имен в произведениях романтического направления : Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Одесса, 1988. – 16 с.
7. Калинин В.М. Поэтонимосфера рассказа А.П. Чехова «Трагик» / В.М. Калинин // Филологические исследования: Сборник научных работ. – Вып. 12. Чеховский сборник. – Донецк, 2014. – С. 110–125.
8. Калинин В.М. С точки зрения Ю.А. Карпенко: I. Начало (1961–1981 гг.) / В.М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Отин. – Вып. 13. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – С. 53–60.
9. Калинин В.М. С точки зрения Ю.А. Карпенко: II. Восхождение (1981–1986) // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Отин. – Вып. 13. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – С. 97–108.
10. Калинин В.М. У истоков поэтонимологии: раздумья о научном наследии В.Н. Михайлова / В.М. Калинин // Антология поэтонимологической мысли / отв. ред. Е.С. Отин; сост., подгот. текста В.М. Калинин; коммент., указатели М.В. Бувеская и др. – Донецк: Юго-Восток, 2008. – Т. 1: В.Н. Михайлов: избранное. Михайловские чтения 2007–2008. – С. 246–253.
11. Калинин В.М. Функции собственных имен как выразительного средства поэтики К.Ф. Рылеева / В.М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Отин. – Вып. 12. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – С. 83–110.
12. Калинин В.М. Языковые средства выразительности в рассказе В. Распутина «Изба» / В.М. Калинин // Царицынские рождественские чтения: Сборник материалов конференции. – Вып. 4. – Волгоград, 2019. – С. 114–123.
13. Карпенко Ю.О. Феномен Валерія Калінкіна / Ю.А. Карпенко // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Отин. – Вып. 10. – Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – С. 333–340.
14. Отин Е.С. Вступление / Е.С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.С. Отин. – Вып. 10. – Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2006. – С. 5–6.

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

V. M. KALINKIN AND ONOMASTICS: SEEKING AND ACHIEVING

K.V. Pershina

The article is a tribute to professor V.M. Kalinkin and his creative activity. The focus is made on his contribution to the formation and development of poetic onomastics, which is a special branch in the study of proper names in fiction. A special attention is paid to the scholar's methodological basics and his research style. His activity as an editor of manifold scientific publications, as a manager of science, as a scientific supervisor is highlighted.

Key words: V. M. Kalinkin, proper name, poetonym, poetonymology.

Першина Клавдия Васильевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: pershinakv@mail.ru

Pershina Claudia Vasilyevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: pershinakv@mail.ru

УДК 316.77:616-036.21

ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ ДНЯ РЕДАКЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2021 *И.М. Артамонова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается планирование оптимальной повестки редакции региональной телекомпании в связи с преобразованием информационного пространства по многим параметрам в период пандемии: расширение его границ, перераспределение в нем роли различных СМИ, проявление нового качества информации и способов ее получения. Все это существенным образом влияет на стратегию работы редакции по взаимодействию с аудиторией региональной телекомпании в период режима повышенной готовности.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, планирование, взаимодействие с аудиторией, повестка редакции, региональная телекомпания, режим повышенной готовности.

Введение. В начале 2020 года началось стремительное распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в Азии, Америке, Европе и на других континентах.

Первая вспышка COVID-19 произошла в декабре 2019 года в Китайской Народной Республике с эпицентром в городе Ухань (провинция Хубэй). Международный комитет по таксономии вирусов 11 февраля 2020 г. присвоил официальное название возбудителю инфекции – SARS-CoV-2.

К моменту активного заноса возбудителя заболевания на территорию Российской Федерации вирусом по всему миру были заражены почти 10 тысяч человек: 213 скончались, 171 пациент полностью излечился. Инфекция проявилась в США, Великобритании, некоторых европейских странах и государствах Юго-Восточной Азии [1].

По мере того, как все больше людей в мире заражались коронавирусом, власти стран вынуждены были принимать жесткие меры по сдерживанию распространения новой инфекции. В большинстве стран, которые затронула пандемия, были введены ограничения на передвижение населения и работу предприятий.

Отразилась пандемия и на медиапотреблении: исследовательская компания Mediascope зафиксировала увеличение времени, которое жители страны тратят на просмотр телевизионных программ на 4% (<https://mediascope.net/news/1113962/>). В основном это касалось новостных и информационно-аналитических программ, их среднесуточное время просмотра выросло на 20%.

Актуальность темы исследования обуславливается продолжающейся в мире пандемией новой коронавирусной инфекции, а также возможностью появления других возбудителей и повторения ситуации с SARS-CoV-2, в том числе вследствие применения бактериологического оружия.

В связи с этим новизна исследования детерминруется преобразованием информационного пространства по многим параметрам: расширение его границ, перераспределение в нем роли различных СМИ, проявление нового качества информации и способов ее получения. Интернет, аккумулируя в себе все традиционные СМИ и порождая новые, создает особое информационное пространство, оснащенное

мультимедийным арсеналом. Все это существенным образом влияет на процесс получения информации и ее потребление аудиторией.

Цель данного исследования – стратегии и тактики формирования оптимальной повестки работы редакции по взаимодействию с аудиторией региональной телекомпании в период пандемии COVID-19.

Отсюда предметом исследования является формирование эффективной повестки редакции на примере региональной телекомпании «Таврида» в период пандемии COVID-19, YouTube канал «Вести Крым», выпуски новостей и сюжеты ГТРК «Таврида», а также аккаунты «Вести Крым» в социальных сетях и аудитория телеканала «Россия-1» в республике Крым.

Практическая значимость представленного исследования состоит в том, что оно поможет работникам СМИ быстро сориентироваться в ситуации режима повышенной готовности и правильно сформировать повестку и спланировать рабочее время, выявить приоритетные направления повестки редакции, программы региональной телекомпании; определить роль взаимодействия с аудиторией во время пандемии.

Основная часть. С началом пандемии COVID-19 правительство каждой из стран принимало меры, которые, по их мнению, должны были, если не остановить, то замедлить распространение новой инфекции, чтобы в первую очередь не перегружать систему здравоохранения государства, которая во многих странах, как отмечают в ВОЗ [2], не справляется с большим количеством тяжелых пациентов. Ориентируясь на опыт других государств, которые раньше столкнулись с пандемией COVID-19, регионы РФ в соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 03.07.2019) [3], начали вводить на территории субъектов «Режим повышенной готовности».

2 апреля 2020 года Правительство РФ утвердило правила поведения населения при введении «Режима повышенной готовности и ЧС» [4]. При этом президент России Владимир Путин предоставил региональным властям полномочия самим принимать решение о введении ограничительных мер на территории субъектов РФ [5], таким образом, не ограничивая полномочия субъектов Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. N 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [6].

Как и любое предприятие, работающее во время режима повышенной готовности, СМИ обязаны соблюдать все нормативно-правовые акты государства и региона, обозначающие особенности ведения деятельности во время действия особого режима. В Российской Федерации основным таким документом является «Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 "Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации"» [7], согласно которому любые организации, которые работают во время особого режима, обязаны следовать определенным правилам.

В первую очередь обязанности журналиста и телекомпании, как и предприятия, регулируются нормативно – правовыми актами государства, на территории которого СМИ осуществляет свою деятельность. В России это «Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.03.2020) "О средствах массовой информации"» [8].

«Союз Журналистов России» разработал рекомендации [9], как журналистам работать во время пандемий и карантин, касающиеся: выбора тем во время пандемии, обращению с информацией и работы с источниками, иллюстрации материалов и ответственности за публикацию недостоверной информации (фейков).

В работе «Научные и образовательные проблемы гражданской защиты» [10] в качестве задач, стоящих перед ведомством в области информационного обеспечения, выделяют: оперативное доведение до населения, обеспечение максимальной точности и достоверности информации, сохранение доверия к исполнительной власти в период кризисной ситуации, включая своевременное распознавание и создание условий для пресечения и противодействия распространению недостоверной и заведомо ложной информации.

В своей работе «Теория массовой коммуникации» Денис МакКуэйл дает определение коммуникации как процессу: массовая коммуникация – саморегулирующийся процесс, управляемый интересами и потребностями аудитории. Мерой эффективной работы СМИ при таком подходе считается степень удовлетворенности аудитории [11].

В соответствии с этим утверждением СМИ должны проинформировать аудиторию о фактах и событиях, связанных с пандемией, помочь осмыслить и преодолеть происходящие в обществе процессы.

Успешность работы средств массовой информации зависит от целого ряда факторов. К ним относятся: подача материалов и источник их возникновения, возможность подавления помех, препятствующих его восприятию аудиторией. В целом, эффективность медиаплана можно определить при помощи основных параметров, а именно:

- основная идея обращения;
- параметры источника;
- используемые носители информации.

Структура обращения к аудитории включает в себя несколько элементов. Сюда можно отнести эмоциональную окраску, наличие визуальных изображений, заголовки, логотип. Эти составные части определяют характер сообщения, объединены основной идеей. В некоторых случаях основная мысль имеет достаточно четкое и ясное выражение, в других создает общий фон восприятия.

Параметр источника указывает на то, как будет подано сообщение. Будут ли приглашены для его передачи известные люди, будет ли использован аудиовизуальный ряд или же только визуальный канал подачи. Выбирая параметр источника, необходимо дать ответ всего на один вопрос: способен ли данный источник распространения обращения обеспечить необходимый результат?

Соответственно, в процессе работы происходит оценка следующих параметров: изменение отношения потребителей, вызванное этим источником; степень доверия к источнику, его привлекательность, а также вероятность, что источник не «подавит» само обращение.

Исходя из того, что основной задачей телекомпании в период режима повышенной готовности является оперативное доведение до населения, обеспечение максимальной точности и достоверности информации, сохранение доверия к исполнительной власти в период кризисной ситуации, включая своевременное распознавание и создание условий для пресечения и противодействия распространению недостоверной и заведомо ложной информации.

В связи с этими задачами шеф-редактор выбирал темы, которые стоило расширить и оперативно снять сюжет, а также наиболее значимые темы для ежедневного, так называемого «коронавирусного» дайджеста, с которого начинался выпуск. Стоит отметить, что ГТРК в других регионах моделировали эфиры подобным образом (<https://youtu.be/BKggXoJPmzg>; <https://youtu.be/7NRVfBCdII>;

<https://fireman.club/literature/metodika-ocenki-effektivnosti-primeneniya-razlichnyx-sredstv-massovoj-informacii-smi-dlya-populyarizacii-kultury-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-bzhd-fgbu-vnii-gochs-fc-skachat-v-doc-formate/>).

Помимо отработки оперативной повестки (<https://youtu.be/ajloeD7tB9k>), большое внимание уделялось проблематике периода режима повышенной готовности. На начальном этапе пандемии активно освещался дефицит средств индивидуальной защиты и антисептиков в аптеках и торговых сетях. Корреспонденты «Вести Крым» лично проверяли наличие этих товаров первой необходимости в магазинах (<https://youtu.be/tw-DbLT3uPw>). Зачастую съемка велась скрытой камерой: естественно, в таком случае данные не разглашались. Все торговые марки и лица тех, кто попал в объектив – «замыливались».

Подобные репортажи позволяли обратить внимание на проблему отсутствия средств индивидуальной защиты (СИЗ) и не давали местным властям замолчать ситуацию. Во взаимодействии с МВД также выявлялись лица, которые пытались спекулировать на сложившейся ситуации.

Также освещались проблемы и меры поддержки бизнеса, который столкнулся с жесткими ограничениями (<https://youtu.be/h1lQ47NuAWg>). В то же время выявлялись и те, кто эти ограничения не соблюдает. Было проведено несколько расследований, в том числе с помощью скрытой съемки с дальнейшим предоставлением результатов правоохранительным органам (<https://youtu.be/ZUvzeRESTrA>).

Спортивная жизнь республики, которая прекратилась в обычном режиме после введения режима повышенной готовности, продолжилась удаленно, спортсмены продолжали тренироваться дома (<https://youtu.be/-09OQ8bR0hE>). С одной стороны, подобные материалы привлекали внимание властей к проблемам профессиональных спортсменов, с другой стороны, помогали людям, находящимся в самоизоляции, двигаться и поддерживать минимальную физическую форму. В целом, упор был сделан на то, что жизнь продолжается несмотря ни на что, необходимо лишь преодолеть временные трудности, при этом неукоснительно соблюдая все предписания Правительства и Роскомнадзора.

При этом нужно отметить, что внимание уделялось всем социальным группам: как входящим в группу риска в связи с пандемией (например, людям старше 65 лет), так и социально не защищенным (например, бездомным). Не забывали и темы, не связанные с коронавирусом: внимание уделялось наиболее значимым и ярким событиям, особенно если они имели позитивную окраску, негатива в эфире в связи с пандемией COVID-19 и так было предостаточно.

Во время введенного в Крыму с 03.04.2020 режима обязательной самоизоляции большая часть зрителей вынуждена была оставаться дома. В эфире программы «Вести Крым» был запущен проект «Сидим дома», чтобы, с одной стороны, морально поддержать аудиторию, а с другой – внести вклад в профилактику распространения COVID-19 на территории полуострова. Суть его заключалась в том, что артисты, актеры, лидеры мнений, призывали людей оставаться дома и исполняли какой-либо номер. Технически это было реализовано следующим образом: продюсеры связывались с потенциальным героем и просили записать его видеоролик по определенному техническому заданию, которое было заранее подготовлено в виде видеоролика-примера. Обязательным условием была фраза в конце ролика: «Сидим дома и смотрим Вести-Крым».

Данный формат был в эфире с 31.03.2020 г. по 28.04.2020 г. За это время в нем поучаствовали артист Александр Морозов, певица Юлия Чичерина, лидер группы «7Б» Иван Демьян, скрипач Денис Карлов и другие.

Для поддержки зрителей, находящихся на самоизоляции, обратной связи с аудиторией и понимания ситуации в городах полуострова и настроений различных социальных слоев, был запущен проект с рабочим названием «Переключка».

Поиск героев также был возложен на продюсеров. Ежедневно, в утреннем эфире, три человека из разных городов полуострова рассказывали о ситуации в их населенном пункте: как они переживают самоизоляцию, чем занимаются, какие проблемы у них возникают и как они их решают. Проект был в эфире в период с 01.04.2020 г. по 22.04.2020 г. При помощи подобной обратной связи шеф-редактор мог понять актуальность той или иной проблемы и скорректировать текущую повестку, предложить изменения в план съемок.

Для снижения негативной реакции на решение Правительства о введении режима обязательной самоизоляции, повышения лояльности аудитории к телекомпаниям и персонализации аудитории, был запущен проект с рабочим названием «Самоизоляция», рассчитанный на людей, у которых был выявлен COVID-19, которые контактировали с зараженными или прибыли из-за рубежа. Важно отметить, что проект стартовал еще до решения Правительства об обязательной самоизоляции. Технически это было реализовано следующим образом: корреспондент отправился на самоизоляцию и провел две недели на съемной квартире. При этом он готовил сюжеты для выпусков, в которых рассказывал о том, каким образом можно провести время на самоизоляции, где и каким образом заказать продукты, не выходя из дома, брал интервью с помощью программ видеосвязи у психологов и врачей, сдавал анализ на коронавирус. Помимо этого корреспонденту был предоставлен доступ к инстаграм-аккаунту телекомпаний, где он вел прямые трансляции, в которые приглашал различных профильных специалистов. При этом, естественно, в период карантина и всеобщей самоизоляции не стоит забывать об аккаунтах в социальных сетях. Несмотря на то, что, по данным Mediascope, доля телеаудитории с началом пандемии COVID-19 выросла в разы, количество просмотров на других площадках также резко увеличилось (<https://mediascope.net/news/1112736/>). Люди ищут информацию в любых источниках и важно именно телекомпаниям ее им предоставить.

Анализ произведенного контента выявил резкое увеличение общего числа просмотров с конца марта. Именно в эти дни на полуострове вводятся максимальные ограничения из-за пандемии коронавируса, пик приходится на 1 апреля, когда на Крымском мосту появились блокпосты. При этом стоит отметить, что 1-го апреля в эфир вышло всего два выпуска «Вести Крым» в 9:00 и 20:45. Несмотря на это, благодаря освещению резонансных событий и оперативной работе корреспондентов («Вести Крым» первыми в стране осветили появление блокпостов на Крымском мосту), этот день лидирует как по количеству просмотров выпусков на канале YouTube, так и по количеству реакций зрителей.

Схожая картина, по данным Mediascope, зафиксирована в целом по стране. «В понедельник, 30 марта, жители России провели у телевизоров на четверть больше времени, чем в начале месяца. Аудитория также растет во всех возрастных группах и сильнее всего – среди молодежи и людей среднего возраста» (<https://mediascope.net/news/1112736/>).

Заключение. Данное исследование обращает внимание на важность, казалось бы, понятных правил. В первую очередь, оно показывает, насколько важна для увеличения аудитории телекомпаний оперативность обработки и подачи материала, в том числе и в социальных сетях. На примере социальной сети «Instagram» было определено, что люди в период кризисных и чрезвычайных ситуаций ищут информацию о происходящем в источниках, совсем, казалось бы, для этого не предназначенных. Тем важнее становится присутствие современного СМИ на всех возможных площадках.

Как видим, любая экстремальная, необычная ситуация позволяет открыть новые темы и форматы взаимодействия с аудиторией. Полученные данные полностью подтверждают, что именно информационная и аналитическая функции СМИ наиболее важны в период пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В России появились первые зараженные коронавирусом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/01/31/first/> (дата обращения: 25.06.2020).
2. ВОЗ: из-за пандемии многие страны могут столкнуться с перегрузкой систем здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8117527> (дата обращения: 25.05.2020).
3. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 03.07.2019) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fssprus.ru/fz_68_21121994_chs (дата обращения: 20.05.2020).
4. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73741778/> (дата обращения: 22.06.2020).
5. Главы субъектов федерации получают дополнительные полномочия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2020/5e85f0679a7947ff5f78ee35> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. N 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/186620/> (дата обращения: 27.05.2020).
7. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/73841778/paragraph/16/highlight/> (дата обращения: 15.05.2020).
8. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 28.05.2020).
9. Как журналистам работать во время пандемий и карантинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruj.ru/news/kak-zhurnalistam-rabotat-vo-vremya-pandemii-i-karantinov-11434> (дата обращения: 27.07.2020).
10. Современные методы информирования населения и оценки эффективности мониторинга информационного поля в условиях чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-informirovaniya-naseleniya-i-otsenki-effektivnosti-monitoringa-informatsionnogo-polya-v-usloviyah-chrezvychaynyh/viewer> (дата обращения: 25.08.2020).
11. McQuail D. Mass Communication Theory / D. McQuail. – 6 th ed. – London : Sage, 2010. – 632 p. – Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text/61.htm> (дата обращения: 25.03.2020).

Поступила в редакцию 16.03.2021 г.

FORMATION OF EDITORIAL AGENDA DURING COVID-19 PANDEMIC

I.M. Artamonova

The article addresses planning of the optimal agenda of a regional television company's editorial board in connection with the manifold transformation of the information space during the COVID-19 pandemic. The information space transformation concerns the expansion of its boundaries, the redistribution of the role of various mass media in it, the manifestation of a new quality of information and methods of obtaining it. These factors significantly influence the editorial board's strategy of interacting with the audience of the regional TV company during the period of high alert.

Key words: COVID-19 pandemic, planning, interaction with the audience, editorial agenda, regional TV company, high alert mode.

Артамонова Инесса Михайловна.

Доктор наук по социальным коммуникациям,
доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Заведующий кафедрой журналистики.
E-mail: inesa_artamonova@mail.ru

Artamonova Inessa Mikhailovna.

Doctor of Science in Social Communications,
Associate Professor.
Donetsk National University.
Head of Department of Journalism.
E-mail: inesa_artamonova@mail.ru

УДК 81'373.2

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВНУТРИГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ДОНЕЦКОГО КРАЯ

© 2021 И.А. Герасименко

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье проанализированы эргоурбонимы современного Донбасса. Среди эргоурбонимов выделены традиционные номинации символического и условно-символического характера и «говорящие» названия. Цель статьи – описать семантику и функционирование традиционных и «говорящих» номинаций внутригородских пространственных объектов современного Донбасса. К основным результатам исследования относится рассмотрение функций эргоурбонимов. Анализ материала позволил сделать вывод о том, что современные эргоурбонимы понятны реципиентам, они легко запоминаются и вызывают положительные ассоциации. Было отмечено, что наряду с реализацией информативной функции эргоурбонимы Донбасса выполняют рекламную функцию, данные номинации направлены на привлечение внимания.

Ключевые слова: эргоурбоним, номинация, внутригородское наименование, идентифицирующее обозначение, условное обозначение.

Введение. Онимное пространство современного Донбасса включает широкий состав названий союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений и кружков. Эти названия имеют свой терминологический аппарат. Как справедливо указывает В.М. Калинин, «термин даже обыденным сознанием связывается с таким употреблением, которое является точным обозначением определённого понятия какой-либо специальной области науки или техники» [4, с. 94]. Н.В. Подольская названия союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений и кружков именуется *эргонимами*, толкуя их как разряд онимов, «собственное имя делового объединения людей» [8, с. 166]. Автор также вводит термин *эргонимия*, понимая его как «совокупность эргонимов» [9, с. 151].

Обширный список эргонимов обусловил использование ещё одного термина – *урбаноним* (А.М. Мезенко, С.Л. Казакова). Соответственно, совокупность названий внутригородских пространственных объектов обозначается *урбанонимией*, а раздел топонимики, изучающий данные имена собственные, именуется *урбанонимикой*. Как пишет Н.В. Подольская, *урбаноним* – это «собственное имя любого внутригородского топографического объекта» [9, с. 139]. Поэтому в состав урбанонимического пространства входят, в первую очередь, так называемые адресные объекты: именованная улица, переулки, шоссе, проезды, площади и др. Они являются официальными, поэтому при появлении нового объекта номинация, как правило, проходит мотивированно и фиксируется в соответствующем решении городских властей. Урбанонимы этого типа выполняют как адресную, так и ассоциативную (чаще всего, мемориально-идеологическую) функцию. В первом случае они указывают на конкретное место в городе (или на протяжённый объект, например, *Артёмовское шоссе*), во втором – вызывают у носителя языка ряд исторических, культурных, социально-политических ассоциаций (площадь *Революции*). Урбанонимы служат для локализации в топосе какого-либо конкретного города.

В свою очередь, для номинации внутригородских деловых объединений людей (союзов, организаций, учреждений, предприятий, обществ, заведений, кружков) используется предложенный Р.И. Козловым [6] термин *эргоурбоним*. По мысли автора, с помощью эргоурбонима можно «зафиксировать комплексный характер объекта номинации, представляющего, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется введённый А.В. Суперанской термин *эргоним*), а с другой – объект городского пространства (традиционно обозначаемый *урбаноним*)» [6, с. 119]. Эргоурбонимы как названия корпораций, предприятий, фабрик и подобных объектов, а также названия торговых центров и жилых комплексов выступают в качестве номинации топографического (адресного) объекта и в качестве средства привлечения внимания. Поэтому при описании средств номинации деловых предприятий современного Донбасса мы будем использовать термины *эргоурбоним* и *эргоурбонимикон*. Цель работы – описать традиционные и «говорящие» номинации внутригородских пространственных объектов современного Донбасса, рассмотреть их семантику и функционирование.

Основная часть. К эргоурбонимам принято относить широкий круг имён собственных. В их числе названия коммерческих объектов (магазин «*Золотая монета*», кафе «*Восторг*»), названия корпораций и предприятий (ГП «*Стирол*»), названия учреждений культуры (Горловский городской театр кукол, Горловский художественный музей), названия государственных и муниципальных (Горловский городской центр занятости), образовательных и дошкольных (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков», Дошкольное образовательное учреждение № 11 «*Колокольчик*» компенсирующего типа), а также медицинских (лечебно-диагностический центр «*Алиса*») и других учреждений.

Основу эргоурбонимов Донбасса составляют внутригородские городские имена как официальные наименования, под которыми предприятия осуществляют свою коммерческую деятельность и совершают кредитно-финансовые операции.

Эргоурбонимы современного Донбасса включают как привычные, традиционные номинации, так и оригинальные названия, отмеченные «говорящим» содержанием.

К традиционным эргоурбонимам Донецкого края относятся наименования, образованные по топонимическому принципу: от названий городов, районов города, улиц, конкретных мест. Ср. следующие номинации предприятий торговли: магазин «*Макеевский*» (находится в Макеевке), гастроном «*Центральный*» (расположен в Центральном-городском районе Горловки), продуктовый магазин «*Черёмушки*» (находится в микрорайоне «Черёмушки» Горловки). Подобного рода названия, номинируя объекты локализованных коммерческих предприятий торговли, общественного питания и сферы услуг, органично вплетены в топонимическую систему городов Донбасса. Как пишет Р.И. Козлов, «топонимическая система города давно сложилась и оформилась, она отражена на картах и в других письменных источниках, активно используется горожанами как система ориентиров. Поэтому представляется вполне закономерным желание номинаторов локализованных коммерческих предприятий связать названия своих предприятий с существующей топонимической системой города, тем самым упрощая запоминание адресатом и функционирование эргоурбонима в общей системе» [5, с. 26]. Однако «в настоящее время подобного рода названия, несмотря на универсальность, потеряли ореол модности, так как уже не воспринимаются как новые и современные» [1, с. 226].

Традиционными для Донбасса продолжают оставаться эргоурбонимы символического и условно-символического характера типа парикмахерская «*Сказка*», жилмассив «*Солнечный*», ресторан «*Три берёзки*», ТЦ «*Золотое кольцо*», рынок «*Маяк*».

К номинациям советской поры также относятся стандартные названия с неявной семантикой («*Радуга*», «*Родник*», «*Восход*», «*Мелодия*»). Данные названия, восходящие к советскому времени, не демонстрируют обусловленности выбора языковых единиц спецификой объекта наименования.

Напротив, идентифицирующие наименования, к которым принадлежат эргоурбонимы советского времени «*Быттехника*», «*Техносервис*», «*Автозапчасти*», «*Хозяйственный*», «*Хозтовары*», «*Канцтовары*», «*Спорттовары*», «*Электротовары*», «*Книги*», «*Одежда*», «*Продукты*», «*Молоко*», «*Хлеб*», «*Булочная*», «*Зоомагазин*», «*1000 мелочей*», «*Дары природы*» и под., прямо называют товар или род деятельности предприятия. Однако эти номенклатурные названия лишены рекламной функции. Реализуя информативно-прагматическую функцию, «данные онимы не обладают ярко выраженным речевым воздействием, хотя и ориентируют потребителя во внутригородском пространстве» [2, с. 320]. Сохранение таких названий в эргоурбонимии Донбасса обусловлено мотивом надёжности, который служит важной характеристикой объекта в глазах потребителя и «работает как психологический стимул доверительного к нему отношения» [3, с. 335].

Нужно сказать, что идентифицирующие наименования, семантика которых прямо или ассоциативно указывает на ассортимент товаров или услуг, последовательно вплетены в эргоурбонимный «рисунок» Донбасса. Ср. следующие названия коммерческих предприятий: магазины бытовой химии «*Золушка*», «*Кристалл*» и «*Мойдодыр*»; магазин табачных изделий «*Табакерка*»; магазин одежды «*Стиль*»; хлебные магазины «*Булочная*» и «*Батон*»; магазин оптики «*Люксоптика*»; закусочные «*Блин-пельмень*», «*Пельменная*», «*Хачапурия*»; магазин питьевой воды «*Чистая вода*»; рыбные магазины «*Океан*» и «*Водный мир*»; магазины обуви «*Ваша обувь*», «*Наша пара*»; магазины сотовой связи «*МТС*», «*Алло*», «*S-Tell*», «*Связной*»; магазин подарков «*Мир удивительных подарков*»; магазин оружия «*Охотник*»; зоомагазины «*Кот и пёс*», «*Четыре лапы*», «*Всё для пушистиков*»; рыболовный магазин «*Рыболов*». Отвечая реалиям современной социальной жизни, такие номинации нового времени обращают на себя внимание именно оригинальным и «говорящим» содержанием. Они легко запоминаются и вызывают положительные эмоции: магазин уютного текстиля для дома «*Мягкий плед*», магазины «*Спортивный стиль*» и «*Спортивная семья*», магазин детских товаров «*Наше солнышко*», магазин тканей и фурнитуры «*Швейный мир*», книжный магазин «*Книжный мир*», салон красоты «*Акварель*», салон женского белья «*Интрига*», продуктовые магазины «*Золотая рыбка*» и «*Золотая монета*», кофейня «*Кофейник*», кондитерский магазин «*Лавка сладостей*», турагентство «*Розовый слон*» и пр. Эти и подобные примеры иллюстрируют функциональное многообразие современных эргоурбонимов. Широкий, практически неограниченный список эргоурбонимов определяется интенциями номинатора. Наряду с необходимостью информировать о предприятии, услуге или товаре коммерческие имена Донбасса направлены на привлечение внимания. Они органично включают в свой прагматический потенциал имиджевую, рекламную функцию. С помощью внутренней формы своих названий, особенностей их структурной и звуковой организации, они выполняют те же задачи, что и рекламный текст, – «привлечь внимание потребителя, задать нужный ракурс восприятия объекта, актуализировать в сознании адресата определённые ассоциации, вызвать позитивные реакции» [3, с. 334]. Поэтому такие эргоурбонимы, как правило, понятны широким слоям населения, легко запоминаются и вызывают положительные эмоции.

Нередко в коммерческой номинации для привлечения внимания используются графические средства. Ср.: магазин косметики «*АРОМАТуК*», парикмахерская

«СтрижКА», магазин «ЦентрОбувь», стоматологическая поликлиника «СтоматологиЯ», мастерская «МастерПлюс». Данные графические средства выступают виртуальной рамкой карнавального поведения. Такого рода карнавализация направлена на воплощение рекламного мотива. Ср. название «МастерОК», в котором в завуалированном виде содержится позитивная характеристика предприятия, указана положительная оценка качества предлагаемой услуги.

Типичными для внутригородского ономастикона выступают наименования, образованные путём трансонимизации от антропонимов. Так, в Донбассе предприятия торговли и сферы услуг носят названия «Светлана», «София», «Ева», «Кристина», «Стефания», «Настюша», «Василинка», «Анфиса», «Максим», «Эмили», «Марина», «Мария», «Роксолана» и под. Популярность подобной модели можно объяснить символическим характером наименований, которые не несут информации о роде деятельности предприятия или организации. Через такие эргоурбонимы номинаторы зачастую стремятся сообщить о себе и своём имени. Ср. названия парикмахерской «Карина», магазинов «Александра», «Анна», «Лия», а номинации в виде генитивных форм типа «У Андрея».

В эргоурбонимном пространстве Донбасса имеют место принятые в простонародной культуре номинации, образованные от имени лица по отчеству («Петрович»). Данные названия имеют потенциальный семантический вектор, связанный с образом «своего человека», понятного и достойного уважения. Считается. Что такой образ, лежащий в основе коммерческого имени, «лишён пафоса и проникнут теплотой и юмором» [3, с. 338].

Примечательно, что отантропонимный способ номинации обладает цикличностью и, по мнению Е.С. Отина, условностью. Как писал автор, эту особую группу онимов «можно охарактеризовать как чисто условные обозначения предприятий, не содержащие информации о производственной направленности последних» [7, с. 158]. Таких условно закреплённых названий было довольно много в дореволюционной эргоурбонимии. «Мотивы их присвоения в настоящее время часто уже неясны (выбор слова мог определяться его общеязыковыми положительными коннотациями, а при повторах немаловажную роль могла играть и «эргонимическая мода»)» [7, с. 158]. Автор пишет, что «при внимательном рассмотрении таких имён можно обнаружить некоторые отличия как по частоте употребления (количеству их носителей), так и по отношению к объектам определённого производственного профиля. Неоднократно, например, в качестве таких эргоурбонимов использовались лексемы: «Надежда» (это название носили и винокурный и пивоваренный заводы, спичечная фабрика и табачно-махорочная фабрика, котельная мастерская, компания и фирма), «Прогресс», «Труд» [...]» [7, с. 158–159]. Цикличность отантропонимных образований иллюстрирует смену модных стандартов, которые соответствуют критериям современности.

Считается, что в последнее время отантропонимные модели стали терять ореол модности, о чём свидетельствуют результаты проведенного О.В. Врублевской психолингвистического эксперимента (об этом см.: [1, с. 229]). По мнению автора, респонденты женского пола отнесли данные названия к немодным. Возможно, потому, что в большинстве своём эти эргоурбонимы «образованы от женских имён, обладательницам которых неприятна связь их имени с каким-либо предприятием» [1, с. 229].

Заключение. Безусловно, эргоурбонимикон современного Донбасса эволюционирует под влиянием политических, экономических и культурных преобразований в обществе. Наряду с реализацией информативной функции эргоурбонимы Донбасса направлены на привлечение внимания. Они, как правило, понятны реципиентам, легко запоминаются и

вызывают положительные ассоциации Немаловажную роль играет языковая мода и желание номинаторов вызвать положительные ассоциации у реципиентов. При этом нужно помнить, что названия коммерческих заведений не должны определяться языковым произволом, так как это расшатывает графические, орфографические и лексические нормы русского языка. Данная проблема требует дальнейшего изучения и будет являться предметом наших последующих работ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: дисс. докт. филол. наук / О.В. Врублевская // Волг. гос. пед.-соц. ун-т. – Волгоград, 2017. – 430 с.
2. Герасименко И.А. Лингвокультурная ситуация в сфере номинации внутригородских объектов современного Донбасса // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23-26 октября 2019 г.) / Под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова, С.М. Пронченко. – Брянск: ООО "АВЕРС", 2019. – С. 318–324.
3. Голомирова М.В. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации / М.В. Голомирова // Советское прошлое и культура настоящего : монография : в 2 т. / отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – Т. 2. – С. 332–348.
4. Калинин В.М. К вопросу о проблемах терминологии и метаязыка ономастических исследований / В.М. Калинин // Русский язык в поликультурном мире : Сб. науч. ст. X Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь, 2016. – Т. 1. – С. 93–102.
5. Козлов Р.И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе / Р.И. Козлов // Известия Уральского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2001. – Вып. 4. – № 20. – С. 25–35.
6. Козлов Р.И. Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики : дис. ... канд. филол. наук ; спец. 10.02.01 – русский язык / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького / Р.И. Козлов. – Екатеринбург, 2000. – 128 с.
7. Отин Е.С. Избранные труды по языкознанию / Е.С. Отин. – Т. 2. – Донецк : Донеччина, 1999. – 400 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская ; Отв. ред. А.В. Суперанская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187[2] с.

Поступила в редакцию 05.01.2021 г.

IDENTIFYING AND CONVENTIONAL DESIGNATIONS OF DONBASS INTRAURBAN OBJECTS

I.A. Gerasimenko

The article analyses ergourbonims of Modern Donbass. Traditional of symbolic and conventionally symbolic nature, as well as “self-explanatory” names are distinguished in the group of ergourbonims. The aim of the article is to describe the semantic and functional features of traditional and “self-explanatory” intraurban nominations of Modern Donbass. The analysis of the ergourbonims functions can be considered one of the main results obtained. The conclusion is made that the modern ergourbonims are transparent to recipients; they can easily be remembered and can evoke positive associations. It is indicated that along with the informative function, the ergourbonims of Donbass fulfil an advertising function.

Key words: ergourbonim, nomination, intraurban designation, identifying designation, conventional designation.

Герасименко Ирина Анатольевна.

Доктор филологических наук, профессор.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных
языков».
Заведующий кафедрой общего языкознания и
славянских языков факультета славистики.
E-mail: iragerasimenko@mail.ru

Gerasimenko Irina Anatolevna.

Doctor of Philology, Professor.
Gorlovka Institute of Foreign Languages.
Head of the General Linguistics and Slavonic
Languages Department.
E-mail: iragerasimenko@mail.ru

СЛОВАРИ СЛАВЯНСКИХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

© 2021 *В.И. Супрун, И.В. Крюкова*

ФБГОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В статье представлен аналитический обзор ономастических журналов разных стран, в которых рассматриваются проблемы ономастической лексикографии и рецензируются словари имён собственных. Ономастическая журналистика начинается с журналов, посвящённым исследованию топонимов: Швеция – 1913 и 1936, Германия – 1925, Бельгия – 1927. После Второй мировой войны в ономастических журналах начинает анализироваться антропонимия и других разряды имён собственных. В славянских странах ономастические журналы выходят с 1955 года.

Ключевые слова: лексикография, ономастика, словарь, славянские языки.

Введение. Интерес к именам собственным, их звучанию, словоизменению, происхождению, этимологии, деривационным преобразованиям, коннотациям и пр. свойствен человеку во все времена. Для удовлетворения этих ономастических запросов людей пишутся книги, статьи, словари, ныне создаются сайты и блоги. Во многих странах мира издаются специальные журналы, в которых с разной степенью доступности, научной достоверности и подробности анализируются различные аспекты функционирования имён собственных в этносообществах. Можно говорить о существовании особой ономастической журналистики. В этих периодических изданиях регулярно публикуются рецензии на словари имён собственных, обзоры других журналов, в которых сообщается о лексикографических новинках, статьи о теоретических и практических вопросах ономастической лексикографии. Об изданиях ономастических словарей в разных странах регулярно оповещают своих читателей славянские ономастические журналы. О новинках славянской ономастической лексикографии можно прочитать в периодических изданиях, посвящённых рассмотрению имён собственных, в разных странах мира. Цель нашей статьи – аналитический обзор ономастических журналов разных стран, в которых содержится информация о славянских лексикографических изданиях. Объединение данных сведений в рамках одной статьи открывает возможности для более углубленной работы по теории славянской ономастики и практике составления ономастических словарей.

Основная часть. Старейшим славянским ономастическим журналом является выходящий с 1955 года в Кракове польский ежегодник «Onomastica», который в своё время возглавляли крупные лингвисты В. Ташицки, М. Карась, К. Рымут, А. Чишликова. В 2020 году в Кракове вышел 64 том журнала, его редактировали Б. Чопек-Копцюх и У. Бияк. Многие рецензенты в этом ежегоднике анализируют славянские лексикологические издания. Так, З. Бабик рассмотрел словарь Э. Зайонц «Топонимия Турекского уезда» [9]. Некоторые работы становятся самостоятельными исследованиями на основе рассмотрения лексикографического источника. Ю.Б. Валковяк, рассматривая двухтомный словарь литовских фамилий (Lietuvių pavardžių žodynas – LPŽ) и дополнительно привлекая материал из базы литовских фамилий, хранящейся в Институте литовского языка в Вильнюсе, приводит словари польских фамилий с возможной литовской основой [41].

С 1960 года в Чехословакии выходит ономастический журнал, который первоначально назывался «Zpravodaj Mistopisné komise ČSAV», затем «Onomastický zpravodaj», с 1995 года – «Acta onomastica». Инициаторами издания были выдающиеся чешские лингвисты В. Шмилауэр (1895–1983) и Я. Свобода (1899–1973). В настоящее время главным редактором журнала является известный ономатолог П. Штепан. В каждом номере имеется раздел «Onomastické zprávy a rozprávky», в котором сообщается об издании новых словарей имён собственных и даётся обзор ономастических журналов. В первом номере за 2020 год публикуется обстоятельная рецензия М. Матковской-Ежик на словарь фамилий жителей южной Силезии XIX века [23].

С 1979 года Ономастическим комитетом (Одбор за ономастику) Сербской академии наук и искусств издаётся ежегодник «Ономатолошки прилози», в котором регулярно публикуются статьи о проблемах лексикографии и материалы к словарям по различным аспектам сербской и славянской ономастики. В некоторые годы издание журнала не осуществлялось. Главным редактором в настоящее время является академик Сербской академии наук и искусств Александар Лома. В этом журнале в разделе «Монографические исследования и материалы» публикуются ономастические словари. Именно в таком виде вышел словарь З. Павлович «Оронимы Сербии»: первая часть в 2009 году, вторая – в 2015, третья – в 2016 [4].

В Хорватской академии наук и искусств существует Отдел ономастики и этимологии, который издаёт с 1992 года ежегодник «Folia onomastica croatica». В нём имеется раздел «Текущая ономастическая библиография», в котором даётся подробный обзор публикаций по ономастике, прежде всего, в славянских странах и приводятся данные об ономастической лексикографии. В последнем номере этот обзор подготовил Й. Хорват [19].

В 2004 году в России начал издаваться журнал «Вопросы ономастики», опирающийся на традиции Уральской ономастической школы (Екатеринбург), в рамках которой ещё с 1962 года выходил сборник «Вопросы ономастики (топонимастики)», всего вышло 19 выпусков. Главным редактором этого сборника и созданного на его базе журнала был А.К. Матвеев (1926–2010). С 2010 года журналом руководит Е.Л. Березович. На страницах журнала регулярно публикуются рецензии и заметки о лексикографических изданиях России и славянского зарубежья, о проблемах ономастической лексикографии. В статье Е.В. Захаровой, Д.В. Кузьмина и И.И. Муллонен «Полвека ономастических исследований в Карелии» рассматриваются топонимические, антропонимические и этнонимические словари, вышедшие в Петрозаводске, Санкт-Петербурге и Хельсинки в 1997–2020 годы [1].

В начале 2007 года вышел в свет первый номер журнала «Λογος όνομαστική», инициатором издания и первым редактором которого стал выдающийся учёный Евгений Степанович Отин (1932–2015), доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Донецкого национального университета. В связи со сложной политической и экономической обстановкой издание выходило с перерывами. Второй номер вышел на следующий год, последующие выпуски журнала издавались в 2012, 2014 и 2018 годах. После кончины Е.С. Отина главным редактором журнала стал его ученик и глава Донецкой ономастической школы В.М. Калинин, основавший и развивающий направление ономастического поиска, которое он назвал поэтонимологией. В журнале рассматриваются все основные направления ономастики (теоретические вопросы, антропонимика, топонимика, гидронимика, поэтонимология и др.) включая проблемы лексикографии. Самым многочисленным по количеству авторов является

раздел «Поэтонимология». Журнал ныне выходит на базе Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького [44].

На 3-м Международном конгрессе по топонимии и антропонимии, состоявшемся в Брюсселе в 1949 году, был учреждён Международный комитет ономастических наук (ICOS), его генеральным секретарем был избран Х.Й. ван де Вийер из Лёвенского католического университета, который в 1950 году стал также главным редактором нового ономастического ежегодника «Онома». Первоначально журнал был библиографическим и информационным бюллетенем, в котором публиковались рецензии и сообщения о ономастических публикациях, сведения о конференциях, научных проектах, диссертациях по ономастике и т. д. С 32 тома стали издаваться тематические выпуски, однако по-прежнему ежегодник информировал читателей о книжных новинках и научных форумах по ономастике. Так, в этом томе были опубликованы обзоры публикаций по ономастике, включая словари и справочники, в Польше [21] и на Украине [22]. Долгое время журнал выходил в старинном издательстве «Петерс» в бельгийском Лёвене. В настоящее время редакция журнала находится в финском городе Упсале, а выходит журнал в издательстве «Эдитура Мега» в румынском городе Клуж-Напока, его редактором является румынский учёный Оливиу Фелекан. Из ономатологов славянских стран в редколлегию входит только чешский учёный М. Гарвалик, работающий в настоящее время в Братиславе. Можно считать, что Россию косвенно представляет Е.А. Шохенмайер, выпускник Оренбургского государственного педагогического университета, проживающий ныне в Германии.

В 1925 году в Германии гимназический учитель Йозеф Шнетц (1873–1952) основал журнал «Zeitschrift für Ortsnamenforschung». Он выходил в Мюнхене и Берлине в издательстве Рудольфа Ольденбурга, с 1939 (или 1938) года – под названием «Zeitschrift für Namenforschung» в берлинском оккультном издательстве «Аненербе Stiftung», вместе с которым и прекратил своё существование в 1945 году. В этом журнале публиковал свои статьи известный болгарский филолог, историк и эпиграф Димитр Фердинандов Дечев (1887–1958) [13; 14].

В настоящее время центром славистических ономастических исследований в Германии является Лейпцигский университет, издающий с 1964 года журнал «Namenkundliche Informationen», в котором публикуются работы по серболужицкой и прочей славянской ономастике, рецензии на ономастические словари. Основателями журнала были Э. Эйхлер (1930–2012) и Х. Вальтер (1921–2015), с 1993 года главными редакторами были К. Хенгст и Д. Крюгер, в настоящее время журналом руководят З. Баудиш, М. Принц и И. Зигфрид-Шупп. Так, в статье крупного специалиста по серболужицкой ономастике В. Венцеля анализируются антропонимические и топонимические словари серболужичан [42].

Австрийская ономастика также затрагивает многие вопросы изучения славянских онимов. С 1973 года существует Австрийское ономастическое общество, основателем которого был славист Отто Кронштайнер. В 1989 году начал издаваться ежегодник «Österreichische Namenforschung», основанный известным славистом и ономатологом Хайнцем Полем, профессором Института языкознания Клагенфуртского университета [5]. На его страницах отмечаются новые издания ономастических словарей в славянских государствах. В сдвоенном номере 46/47 немецкая исследовательница И. Били отрецензировала 17-й (дополнительный) том этимологического словаря географических названий Силезии и переводной польско-немецкий и немецко-польский словарь топонимов этой территории [11].

Во второй половине XX века центром ономастической журналистики стала Франция. Выдающийся французский лингвист Альбер Доза (Albert Dauzat, 1877–1955) организовал

издание журнала «Onomastica. Revue Internationale de Toponymie et d'Anthroponymie», первый номер вышел в марте 1947 года. В нём была опубликована вступительная статья А. Доза «Наша цель, наша программа» [12]. Через 2 года журнал получил название «Revue Internationale d'Onomastique», с которым он выходил до 1971 года, всего вышло 97 номеров (с учётом первых двух лет). В журнале публиковался замечательный русский ономатолог Владимир Андреевич Никонов, свободно владеющий французским языком. Обе его статьи были опубликованы перед выходом в свет знаменитого топонимического словаря автора [3], в них В.А. Никонов затрагивает вопросы этимологии топонимов и касается связи между топонимией и диалектологией [25; 26]. Одну из статей он посвящает Наталье Петровне Зверковской, русскому дериватологу [2].

Французский журнал внимательно следит за научной деятельностью В.А. Никонова, размещая рецензии не только на его книги, но даже и на статьи в различных журналах и сборниках [38; 39]. Эти заметки готовила известная французская переводчица Ирен Вильде-Лот (1910–1987), в её переводе французская общественность познакомилась с творчеством русского мыслителя Н.А. Бердяева (1874–1948). Она была женой русского поэта, этнолингвиста, специалиста по этнографии народа сету, героя французского Сопротивления Бориса Владимировича Вильде (1908–1942). В журнале публиковались также статьи крупного специалиста по русской антропонимике Бориса-Оттокара Генриховича Унбегауна (1898–1973), автора обстоятельного словаря русских фамилий [35; 36]. Одна из этих статей была явно предвестницей этого словаря, вышедшего спустя 22 года в Оксфорде [37], а в 1989 году – в русском переводе в Москве, второе издание – в 1995 году [6].

В 1978 году по разным причинам издание французского ономастического журнала было прекращено. С 1983 года во Франции начинает выходить ономастический журнал «Nouvelle Revue d'Onomastique», который издаёт Французское общество ономастики. Он посвящён изучению, прежде всего, романской ономастики, однако в обзорах публикаций имеются упоминания о лексикографических изданиях в славянских странах и о славянской ономастической журналистике. Так, в №61 за 2019 год анализируются журналы «Acta onomastica», «Onomastica», «Folia onomastica croatica» и «Вопросы ономастики» [40].

С 2008 по 2018 год в Париже выходил ежегодник «Cahiers de la Société française d'Onomastique», всего вышло 10 томов (первый выпуск имел нулевой номер). Главным редактором был Жерар Тавердет. Это издание было создано, как писал редактор, «не для того, чтобы конкурировать с NRO («Nouvelle Revue d'Onomastique»), что, очевидно, было бы абсурдом», оно было предназначено для публикации статей, которые авторы хотели бы срочно опубликовать, а в NRO нужно было ждать своей очереди. «Можно подумать и о публикации списков топонимов», – писал Ж. Тавердет.

Обзоры славянской ономастической лексикографии публикуются в журнале «Rivista Italiana di Onomastica», основанном в 1995 году профессором римского университета Тор Вергато Энцо Каффарелли, который и ныне является главным редактором издания, выходящим дважды в год (весной и осенью, сплошная пагинация). В XXIV томе журнала даётся обзор славянских ономастических журналов «Acta onomastica» (p. 315), «Onomastica» (p. 316, 901), «Voprosy onomastiki» (p. 318, 902), «Folia Onomastica Croatica» (s. 900) [29].

С 1979 года под эгидой Института венгерского языкознания и финно-угроведения Будапештского университета имени Этвеша Лоранда и Общества венгерского языкознания выходит ономастический журнал «Névtani Értésítő». В разделах «Книжные

обзоры» и «Обзоры периодических изданий» в нём публикуются рецензии на ономастические словари, вышедшие в соседних славянских странах.

С 2001 года в Дебрецене (Венгрия) и Хельсинки (Финляндия) выходит журнал «Onomastica Uralica». Идея его издания была высказана в 2000 году на 9-м Международном конгрессе по финно-угорским языкам в эстонском городе Тарту. Всего на конец 2019 года вышло 15 номеров. В состав редколлегии входит несколько российских специалистов по финно-угорским языкам. В журнале публикуются также статьи по славянской ономастике. В последнем номере чешский ономатолог П. Штепан (Институт чешского языка ЧАН, Прага) опубликовал статью «Проблемы этимологической и мотивационной интерпретации чешских составных топонимов», в которой ссылается на топонимические словари Чехии и Словакии, вышедшие с 1895 года [33].

В Румынии в Крайовском университете имеется лаборатория ономастики, которая издавала ежегодник «Studii și cercetări de onomastică», всего вышло 9 выпусков. В 2008 году стал выходить журнал «Studii și cercetări de onomastică și lexicologie», в котором публикуются статьи по румынской и романской ономастике, анализируются также общие проблемы науки об именах собственных (например, ономастическая лексикография [34]), а также работы о славянских онимах. Так, в 2010 и 2011 годах были опубликованы статьи польского учёного Л. Селимского о некоторых болгарских фамилиях [30; 31].

В румынском городе Тимишоаре на базе местного Западного университета с 2006 года выходит журнал «Review of Historical Geography and Toponomastics (RHGT)», в котором рассматривается историческая топонимия Румынии и окрестностей. В состав редколлегии входит польский профессор Б.Р. Загурски, который публикует рецензии на славянские топонимические труды [43].

Старейшим шведским ономастическим журналом является «Namn och bygd», основанный в 1913 году Йораном Сальгренем в сотрудничестве с А. Грейпом и О. Лундбергом при участии пяти исследователей из Швеции, Дании, Финляндии и Норвегии. Судя по названию («Имя и место»), журнал был нацелен на изучение топонимии, прежде всего, скандинавской. В настоящее время журналом руководят три редактора: С. Нюстрём, Э. Ньюман и И. Серхейм. Он выходит при Королевской академии шведской народной культуры имени Густава Адольфа. Изредка в ежегоднике появляются обзоры или упоминания об ономастической лексикографии в славянских странах. Так, в статье Т. Андерссона «К вопросу о структуре ономастики» упоминаются труды чешского профессора Р. Шрамека, ставшие основой его дальнейших лексикографических изданий [8].

С 1936 года в Упсале выходит журнал «Ortnamnssällskapetets i Uppsala Årsskrift», его редакторами являются Матс Вальберг и Стаффан Нюстрём. Публикации этого ежегодника нацелены почти исключительно на изучении ономастики Скандинавии, прежде всего Швеции. Однако некоторые работы имеют общеономастический характер и могут быть использованы для сопоставительных и теоретических трудов славянских ономатологов. Так, Л. Густафссон в своей статье анализирует возникновение шведских прозвищ, отмечая, что эти антропонимы характерны для молодёжного языка, большинство из них создаются в раннем детстве, а со старшего школьного возраста создание прозвищ идёт на спад [18]. Подобное явление отмечается и в славянских этносообществах.

С 1985 года в Осло (Норвегия) выходит журнал «Nytt om navn», до 2014 года выходило по два номера в год, а затем стал издаваться сдвоенный номер (реально он вышел уже в 2015 году). Редакторами в настоящее время являются Ботольв Хеллеланд и Гудмунд Харилдстад. В журнале изредка публикуются работы по славянской ономастике. В 2007 году среди материалов конференции «Имя и идентичность» была опубликована статья профессора Белградского университета (Сербия) Любиши Раича (1947–2012) «Топонимы и политическая и этническая

идентичность в Сербии», в которой упоминаются сербские урбанонимические словари и книги по названиям улиц [28].

С 1952 года в США в издательстве «Taylor & Francis» выходит ежеквартальник «Names. A Journal of Onomastics», официальный орган Американского общества ономастики. 12 лет главным редактором был профессор-романист университета Луисвилла (Кентукки) Френк Нуэссел. С 2019 года журналом руководит д-р И.М. Ник, председатель Германского общества судебной лингвистики (GSFL). С 2021 года журнал на платформе университета Питтсбурга (Пенсильвания) выкладывается как издание открытого доступа. Несмотря на то, что в составе редакции отсутствуют представители славянских стран, журнал регулярно публикует рецензии на славянские ономастические словари: Lutterer I. Majtán M., Šrámek R. *Zeměpisná jména Československa: Slovník vybraných zeměpisných jmen s výkladem jejich původu a historického vývoje*. Praha: Mladá fronta, 1982. 373 s. (L. Zgusta, 32/1, p. 89–90); Danchev A., Holman M., Dimova E., Savova M. *An English Dictionary of Bulgarian Names: Spelling and Pronunciation*. Sofia: Nauka i Izkustvo Publishers, 1989, 288 p. (R. Bunge, 39/1, p. 59–60); Olivová-Nezbedová L., Matúšová J. *Index lexikálnych jednotek pomístných jmen v Čechách*. Praha: Ústav pro jazyk český ČSAV, 1991. 269 p. (L. Zgusta, 40/2, p. 135–138) и др. Публикуются также рецензии на ономастические словари славянских языков, издающиеся в США: *Slavic Toponymic Atlas of the United States, Vol. I: Ukrainian* / By Stephen F. Holutiak-Hallick, Jr. New York: Slavic Onomastic Research Group, 1982. 145 p. (J.B. Rudnyčyj, 32/1, p. 80–81); Benson M. *Dictionary of Russian Personal Names, with a Revised Guide to Stress and Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XII + 179 p. (L. Zgusta, 42/3, p. 223–225); *Dictionary of Ukrainian Surnames in the United States* / By Stephen P. Holutiak-Hallick, Jr. Duluth: Slavic Onomastic Group, 1994. 493 p. (J.B. Rudnyčyj, 43/2, p. 145–146); *Placenames of Russia and the Former Soviet Union: Origins and meanings of the names for over 2000 natural features, towns, regions and countries*. By Adrian Room. Jefferson, North Carolina, and London: McFarland & Company, 1997. VI + 282 p. (L. Zgusta, 45/2, p. 131–135). Эти публикации, как видно по фамилиям рецензентов, стали возможны благодаря деятельности профессора университета Манитобы (Виннипег, Канада) Ярослава-Богдана Антоновича Рудницкого (1910–1995) и чешского учёного, после эмиграции в США – профессора университета Иллинойса (Урбана-Шампейн) Ладислава Згусты (1924–2007), которого нидерландский лексикограф, бывший научный директор Института голландской лексикологии в Лейдене Пит ван Стеркенбург назвал «крестным отцом лексикографии двадцатого века».

В США издаётся также «*The Journal of Literary Onomastics*». Его предшественником было издание «*Literary Onomastics Studies*», выходившее с 1974 по 1989 годы под редакцией Глории Альварес-Альтман, профессора Государственного университета Нью-Йорка (SUNY) в Брокпорте. Большая часть опубликованных в нём статей представляли собой доклады, представленные на конференции в соседнем Рочестере. В 2010 году профессор этого же университета Стефан Джурасински создал новый журнал, в котором публикуются работы по проблемам литературной ономастики. В последних номерах упоминаний о славянских лексикографических трудах в нём не обнаружено.

В Мексике на базе Национального автономного университета Мексики (UNAM) и Интеринституционального ономастического семинара дважды в год в Мехико выходит журнал «*Onomástica desde América Latina*» под редакцией д-ра Йоланды-Гильермины Лопес-Франко. В настоящее время журнал выходит также в Государственном университете западной части штата Парана (Каскавал, Бразилия), вторым редактором является профессор этого университета Марсия Сипависиус-Сейде. В её статье в последнем номере журнала имеются сноски на труды славянских ономатологов:

Мартин Гавлик (Институт чешского языка ЧАН, Прага, Чехия; ныне работает в Братиславе), Вероника Штепанова (ЧАН, Прага, Чехия), Юстина Валковяк (Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша), Анна Васильевна Цепкова (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия) [32]. В состав редколлегии входит Елена Степановна Фоменко из Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

С 1927 года в Бельгии выходит ежегодник «Handelingen van de Koninklijke Commissie voor Toponymie en Dialectologie / Bulletin de la Commission Royale de Toponymie et Dialectologie», всего уже вышло 92 тома. Первоначально он был задуман для публикаций работ по фламандской и валлонской топонимии и диалектологии, позже в нём стали регулярно публиковаться и антропонимические статьи.

В Барселоне с 1980 года действует Ономастическое общество, с 2014 года оно издаёт дважды в год красочный журнал «Noms. Revista de la Societat d'Onomastica», посвящённый в основном истории общества и наиболее видным его деятелям, рецензиям на книги, литературной ономастике, ономастическим проблемам Каталонии. С 2015 года выходит также на каталонском языке ежегодник «Onomàstica. Anuari de la Societat d'Onomàstica», в котором публикуются также статьи по проблемам славянской ономастики и анализируются лексикографические труды славянских ономатологов. В последнем, шестом, номере за 2020 год опубликованы статьи польских исследователей У. Бияк и Б. Чопек-Копцюх и словенских топонимистов М. Гершича, Д. Кладника и М. Брнот [10; 17], в которых анализируются топонимические словари обеих стран.

Официальным органом Канадского общества изучения имён был издаваемый с 1951 года журнала «Onomastica», который в 1982 году был переименован в «Onomastica Canadiana». С 1961 по 1979 годы его главным редактором был профессор канадского университета Манитобы Я.-Б. А. Рудницкий. В разделе «Book review / Comptes rendus» помещались сообщения об ономастических изданиях в разных странах мира. В 92-м томе за 2010 года рецензию на английский сборник под редакцией Э. Квинтон написал российский учёный Владислав Викторович Алпатов [7]. В декабре 2018 года на сайте журнала появилась запись: «С сожалением сообщаем вам о приостановлении издания журнала». Ранее с 2011 по 2013 годы журнал уже временно не издавался.

Английское топонимическое общество было основано в 1923 году в Ливерпульском университете. Оно регулярно публиковало книги по различным аспектам топонимики. С 1969 года стал выходить «Journal of English Place-Name Society» в Ноттингемском университете. В нём публикуются как частные статьи по географическим названиям Англии, так и теоретические исследования по топонимике. Значительное место в издании отведено рецензиям.

В 1960-е годы был создан Совет по изучению имён в Великобритании и Ирландии для объединения учёных, работавших в области ономастики. В 1977 году вышел первый том журнала «Nomina», органа этого совета, преобразованного в 1991 году в Общество изучения имён в Великобритании и Ирландии. Во втором томе была опубликована рецензия Оливера Дж. Падела на книгу советской исследовательницы В.Д. Беленькой [27]. В 2016 году случился двухгодичный перерыв с изданием журнала, 39-й том вышел с отметкой: 2016–18.

В феврале 1996 года было основано Шотландское топонимическое общество, которое приняло решение издавать журнал, посвящённый изучению шотландских имён собственных. Первый номер вышел в 2007 году, он назывался «Scottish Name Studies». Журнал издавался в Солфордском университете (Clann Tuirc). С 2020 года планировалось перевод редакции в университет Глазго и публикацию статей в нём на гэльском и кельтском языках. Статьи в журнале посвящены кельтской тематике, но некоторые из них могут вызвать интерес славянских исследователей в общетеоретическом и сопоставительном плане [20].

На 5-й конференции ООН по стандартизации географических названий, проходившей в Монреале (Канада) с 18 по 31 августа 1987 года, было принято решение основать бюллетень Группы экспертов ООН по географическим названиям, который получил название «UNGEGN Information Bulletin». Он вышел на следующий год в Нью-Йорке и стал издаваться дважды в год. В нём публикуются заметки о стандартизации географических названий в разных странах, в т. ч. в славянских. Так, в 50-м номере в 2016 году опубликована статья украинских специалистов об использовании экзонимов в топонимике Украины [15].

Упомянем также о журнале «Nomina Africana: Journal of African Onomastics», который издаётся Ономастическим обществом Южной Африки с 1987 года дважды в год (в апреле и ноябре). В нём рассматриваются различные аспекты функционирования африканских онимов. Долгое время главным редактором был профессор университета Квазулу-Натал в Дурбане Адриан Купман, ныне руководит журналом Малешоан Рапеан-Матонси из Дурбанского технологического университета. Публикаций по проблемам славянской лексикографии в нём не обнаружено, однако постепенно издание выходит за рамки Африки и публикует статьи о функционировании онимов на других континентах. Так, в 2010 году была опубликована статья румынского учёного О. Фелекана «Полиэтнические связи, отраженные в антропонимии Центральноевропейского региона» [16].

В 1983 году в английском городе Эксетере был проведён первый конгресс Европейской ассоциации лексикографии (EURALEX). С 1988 года стал издаваться «International Journal of Lexicography», в котором иногда обсуждаются проблемы ономастики. Так, профессор Чикагского университета Саликоко С. Муфуэне опубликовал статью «Словари и имена собственные, в которой утверждает, что имена собственные являются такими же языковыми знаками, как и другие лексические единицы. Они имеют некоторые формальные лингвистические ограничения, касающихся, например, рода и числа, у них отмечаются некоторые особенности в орфографии и произношении. Такого рода информация должна быть найдена пользователем в словаре, а не в энциклопедии. Учёный утверждает, что их включение в полный словарь языка должно быть обязательным явлением, а не рассматриваться как своеобразный бонус [24].

Заключение. Ономастическая журналистика существует более ста лет, она начинается с журналов, посвящённым исследованию топонимов: Швеция – 1913 и 1936, Германия – 1925, Бельгия – 1927. После Второй мировой войны в ономастических журналах начинают анализироваться антропонимия и другие разряды имён собственных. В славянских странах ономастические журналы выходят с 1955 года. Одним из авторитетных журналов в настоящее время стали екатеринбургские «Вопросы ономастики». В большинстве из этих изданий регулярно рассматриваются теоретические вопросы ономастической лексикографии, сообщается о новых изданиях славянских словарей, рецензируются статьи по проблемам описания единиц различных разрядов имён собственных в лексикографических трудах. Думается, что учет данных о славянских словарях имен собственных, опубликованных в ономастических журналах практически по всему миру, поможет при разработке новых лексикографических проектов, в том числе на материале нескольких близкородственных славянских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захарова Е.В. Полвека ономастических исследований в Карелии / Е.В. Захарова, Д.В. Кузьмин, И.И. Муллонен // Вопросы ономастики / Гл. ред. Е.Л. Березович. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 325–338.
2. Зверковская Н.П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI–XVII вв. / Отв. ред. Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. – М.: Наука, 1986. – 111 с.

3. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
4. Павловић З. Ороними Србије. Трећи део (Р–Т) / З. Павловић // Ономатолошки прилози. – 2016. – Књ. XXIII. – С. 113–292.
5. Пашаева Ф.Ш. Ономастика Австрии / Ф.Ш. Пашаева // Вопросы ономастики. – 2008. – № 6. – С. 172–174.
6. Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Пер. с англ. Л.В. Куркиной, В.П. Нерознака, Е.Р. Сквайрс; общ. ред. Б.А. Успенского. Изд. 2-е, испр. – М.: Прогресс, 1995. – 448 с.
7. Alpatov V. Review of E. Quinton's «Church in English Place-names» / V. Alpatov // *Onomastica Canadiana*. – 2010. – Vol. 92. – № 2. – P. 49–59.
8. Andersson T. Till frågan om onomastikonets uppbyggnad / T. Andersson // *Namn och bygd*. – 2019. – Årg. 107. – S. 7–15.
9. Babik Z. [rec.] Ewelina Zajac, *Toponimia powiatu tureckiego. Słownik nazw* / Z. Babik. – Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, 2016. – 118 s. // *Onomastica* / Eds. Barbara Czopek-Kopciuch. – T. 62. – Kraków, 2018. – 315–326.
10. Bijak U. Topònims de municipalitats seleccionades amb llengües minoritàries al nord-est de Polònia (regulació legal i aspectes pràctics) / U. Bijak, B. Czopek-Kopciuch // *Onomàstica. Anuari de la Societat d'Onomàstica*. – 2020. – Núm. 6. – P. 131–143.
11. Bily I. [Rez.]. *Słownik etymologiczny nazw geograficznych Śląska. Suplement. A-Z*. Opole, 2016. *Słownik nazw miejscowych Śląska. Polsko-niemiecki i niemiecko-polski*. Opole, 2015 / I. Bily // *Österreichische Namenforschung*. – 2018/2019. – № 46/47. – S. 221–223.
12. Dauzat A. Notre but, notre program / A. Dauzat // *Onomastica. Revue Internationale de Toponymie et d'Anthroponymie*. – 1947. – № 1-1. – P. 1–2.
13. Decev D. Axios / D. Decev // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*. – 1931. – B. VII. – S. 193–199.
14. Decev D. Yardarios / D. Decev // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*. – 1932. – B. VIII. – S. 193–205.
15. Drohoshevska I. Use of Exonyms in National Standardization of Geographical Name in Ukraine / I. Drohoshevska, I. Rudenko, N. Syvak // *UNGEGN Information Bulletin*. – 2016. – № 50. – P. 6–7.
16. Felecan O. Multi-ethnic Connections Reflected in the Anthroponymy of a Central European Region / O. Felecan // *Nomina Africana: Journal of African Onomastics*. – 2010. – Vol. 24. – № 1. – P. 1–23.
17. Geršič M. Estandardització de noms geogràfics en zones bilingües oficialment reconegudes d'Eslovènia / M. Geršič, D. Kladnik, M. Brnot // *Onomàstica. Anuari de la Societat d'Onomàstica*. – 2020. – Núm. 6. – P. 131–43.
18. Gustafsson L. Moderna binamns konstruktion och function / L. Gustafsson // *Ortnamnssällskapet i Uppsala Årsskrift*. – 2017. – S. 41–55.
19. Horvat J. Tekuća onomastička bibliografija (2019) / J. Horvat // *Folia onomastica croatica*. – 2020. – Vol. 1. – № 29. – S. 271–335.
20. *Journal of Scottish Name Studies* / ed. by Richard A.V. Cox and Simon Taylor. – 2019. – Vol. 13. – 126 p.
21. Kaleta Z. Recent Onomastic Work in Poland (1992-1993) / Z. Kaleta, E. Rzetelska-Feleszko // *Onoma*. – 1994/95. – Vol. 32. – P. 26–32.
22. Karpenko Yu.O. Review of Onomastic Publications in Independent Ukraine (1992-1993) / Yu.O. Karpenko, I.M. Kolegayeva // *Onoma*. – 1994/1995. – Vol. 32. – P. 33–36.
23. Matkowska-Jerzyk M. [rec.] Izabela Łuc: *Słownik nazwisk mieszkańców południowego Śląska XIX wieku*. – Katowice: Wyd-wo Uniwersytetu Śląskiego, 2016. – 448 s. / M. Matkowska-Jerzyk // *Acta onomastica* / Ved. red. P. Štěpán. Praha, 2020. – Roč. LXI. – Č. 1. – S. 222–227.
24. Mufwene Salikoko S. Dictionaries and Proper Names / S. Mufwene Salikoko // *International Journal of Lexicography*. – 1988. – Vol. 1. – Issue 3. – P. 268–283.
25. Nikonov V. L'étymologie? Non, l'étiologie! / V. Nikonov // *Revue Internationale d'Onomastique*. – 1960. – № 12-3. – P. 161–166.
26. Nikonov V. Toponymie et Dialectologie / V. Nikonov // *Revue Internationale d'Onomastique*. – 1961. – № 13-3. – P. 161–174.
27. Padel O.J. V.D. Belenkaya: *Ocherki Angloyazychnoy Toponimiki* / O.J. Padel // *Nomina*. – 1978. – Vol. 2. – P. 65–68.
28. Rajić L. Stedsnavn og politisk og etnisk identitet i Serbia / L. Rajić // *Nytt om namn*. – 2007. – № 46. – S. 23–29.
29. *Rivista Italiana di Onomastica (RION)* / Direttore Enzo Caffarelli. – 2018. – Vol. XXIV. – № 1–2 (primo – secondo semester). – 1190 p.
30. Selimski L. Family names derived from йоруп and *йорупчия in Bulgarian / L. Selimski // *Studii și cercetări de onomastică și lexicologie (SCOL)*. – 2010. – Anul III. – № 1-2. – P. 63–73.
31. Selimski L. On the surname Черчиев (and its variants) in Bulgarian / L. Selimski // *Studii și cercetări de onomastică și lexicologie (SCOL)*. – 2011. – Anul IV. – № 1-2. – P. 105–110.
32. Sipavicius Seide M. A Antroponomástica Comparada / M. Sipavicius Seide // *Onomàstica Desde América Latina*. – 2020. – № 2. – Vol. 1, julho–dezembro. – P. 83–102.

33. Štěpán P. Problems of Etymological and Motivational Interpretation of Czech Compound Toponyms / P. Štěpán // *Onomastica Uralica*. – 2019. – № 15. – P. 57–64.
34. Tomescu D. Lexicographie et onomastique / D. Tomescu // *Studii și cercetări de onomastică și lexicologie (SCOL)*. – 2009. – Anul II. – Nr. 1-2. – P. 50–61.
35. Unbegaun B.-O. La mode dans la toponymie russe (Résumé) / B.-O. Unbegaun // *Onomastica. Revue Internationale de Toponymie et d'Anthroponymie*. – 1948. – № 2-2. – P. 113–116.
36. Unbegaun B.-O. Où en sont les études d'anthroponymie russe: bibliographie critique / B.-O. Unbegaun // *Revue Internationale d'Onomastique*. – 1950. – № 2-2. – P. 151–160.
37. Unbegaun B.-O. Russian surnames / B.-O. Unbegaun. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – XVIII + 529 pp.
38. Vildé-Lot I. V.A. Nikonov. Deux langues inconnues du bassin de l'Oka? (Extrait des *Voprosy jazykoznanija*, 1960, no 5, pp. 9-15) / I. Vildé-Lot // *Revue Internationale d'Onomastique*. – 1962. – Vol. 14. – № 1, mars. – P. 74–76.
39. Vildé-Lot I. V.A. Nikonov. Les travaux de toponymie parus dans les pays slaves depuis la dernière guerre (1946–début 1958). (Extr. Des *Kratkie Soobščeniia* de l'Institut de Slavistique, fasc. 28, Moscou, 1960, pp. 75–105) / I. Vildé-Lot // *Revue Internationale d'Onomastique*. – 1962. – Vol. 14. – № 1, mars. – P. 57–67.
40. *Voprosi onomastiki – Problems of onomastics* (Universite federale de l'Oural, Ekaterinbourg) // *Nouvelle Revue d'Onomastique*. – 2019. – № 61. – P. 325–326.
41. Walkowiak Ju.B. Współczesne nazwiska Polaków o możliwej genezie litewskiej nieobecne w LPŻ, poświęcone w kartotece antroponimicznej LKI / Ju.B. Walkowiak // *Onomastica* / Eds. Barbara Czopek-Kopciuc, Urszula Bijak. h. – T. 64. Kraków, – 2020. – S. 211–228.
42. Wenzel W. Namengeographie, Namenstratigraphie und Siedlungsgeschichte. Dargestellt am altsorbischen Sprachraum / W. Wenzel // *Namenkundliche Informationen*. – Leipzig. – 2018/2019. – № 111. – S. 322–343.
43. Zagórski B.R. [Rev.]. Wolnicz-Pawłowska, Ewa: O nazwach wodnych w Polsce / B.R. Zagórski. – Wydawnictwo DiG, Warszawa, 2013. – 236 p. // *Review of Historical Geography and Toponomastics*. – 2014. – Vol. IX. № 17-18. – P. 105–107.
44. Λογος όνομαστικής. – Донецк, 2006–2018.

Поступила в редакцию 21.02.2021 г.

DICTIONARIES OF SLAVIC PROPER NAMES IN ONOMASTIC JOURNALISM

V.I. Suprun, I.V. Kryukova

The article deals with onomastic journals of different countries, which analyze the problems of onomastic lexicography and review dictionaries of proper names. Onomastic journalism begins with journals devoted to the study of place names: Sweden – 1913 and 1936, Germany – 1925, Belgium – 1927. After the Second World War, onomastic journals began to analyze anthroponymy and other categories of proper names. Onomastic journals have been published in Slavic countries since 1955.

Key words: lexicography, onomastics, dictionary, Slavic languages.

Супрун Василий Иванович.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».
Профессор кафедры русского языка и методики
его преподавания.

E-mail: suprun@vspsu.ru

Крюкова Ирина Васильевна.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет».
Профессор кафедры языкознания.

E-mail: kryukova-irina@yandex.ru

Suprun Vasilii Ivanovich.

Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Social and Pedagogical University.

Professor of the Department of Russian Language
and Methods of its Teaching.

E-mail: suprun@vspsu.ru

Kryukova Irina Vasilyevna.

Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Social and Pedagogical University.

Professor of the Department of Linguistics.

E-mail: kryukova-irina@yandex.ru

УДК 811.161.1'81:39

ПАРАМЕТРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА)

© 2021 Ю.Л. Дмитриева

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматривается один из базовых параметров восприятия индивидом мира – пространство. Автор анализирует исследования и публикации, в которых описан указанный параметр. Также в статье даётся определение термину модель, приводятся примеры основной пространственной модели (функциональная грамматика) и метафорической модели (когнитивная лингвистика). Кроме того, описываются параметры пространственной модели мира и особенности их экспликации в произведениях С. Есенина.

Ключевые слова: модель мира, пространство, локализатор, зона, параметр.

Пространство – один из ключевых параметров восприятия мира человеком. Это представление об окружающей действительности, её членении, распределении на зоны, в которых индивид взаимодействует с себе подобными и неокультуренной средой. Понятие пространства тесно связано с базовым и древнейшим кодом культуры – пространственным. Кроме того, оно обладает рядом основополагающих при его восприятии человеком признаков «объёма», «вместительности» и «протяжённости». Так, И.В. Захаренко, рассматривая архетипическую оппозицию «свой – чужой» в пространственном коде культуры, отмечает, что индивид воспринимает пространство «в виде некоего объёма, в котором располагаются различные объекты и происходят какие-либо жизненные процессы и явления» [5, с. 16]. Однако, согласно В.В. Красных, представления о пространстве в русской культуре тесно связаны с жизнедеятельностью человека, с его восприятием себя и социума. Они соотносятся с универсальной оппозицией «свой – чужой», которую Ю.С. Степанов трактует как «главный концепт всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [11, с. 472]. Ю.М. Лотман, в свою очередь, отмечает, что в культуре любого народа присутствует дифференциация мира на внутреннее, соотносимое с зоной «своего», и внешнее, ассоциируемое с зоной «чужого», пространство [8, с. 175–176].

В современных исследованиях пространство рассматривается как концепт художественной картины мира писателя (см. работы О.А. Рачук, З.А. Мельничук, М.В. Осыки, Т.С. Медведевой и др.). В научный оборот введено терминосочетание *городское пространство* (см. статьи Т.И. Ерофеевой, С.А. Питиной, Г.В. Урванцева, А.А. Казанковой и т.д.). Е.Ю. Булыгина и Т.А. Трипольская, описывая особенности вербализации городского пространства, называют основные характеристики, объективируемые как в названиях географических объектов, так и внутригородских зон. Ими вводится понятие «модель городского пространства», базовыми параметрами которой является выделение образов своего и чужого города, открытого и закрытого, внешнего и внутреннего пространства.

В работах по лингвистике текста пространство трактуется как доминантная текстовая категория. Н.С. Болотнова указывает на её отражательный характер: автор при моделировании мира художественного произведения переносит в него хорошо

известные параметры описания пространства. Н.С. Валгина, Н.А. Николина, Л.Н. Федосеева и др. выделяют несколько типологий текстового пространства в зависимости от выбранного автором аспекта описания. Например, Н. А. Николина дифференцирует пространство на открытое и закрытое, расширяющееся и сужающееся, конкретное и абстрактное, реально видимое и воображаемое. Произведение «Край ты мой заброшенный» С. Есенина построено на описании нескольких ключевых пространственных образов. Автор изображает сначала образный ландшафт родного края (открытое пространство) с постепенным сужением культурно ассимилированного пространства (закрытое и сужающееся пространство). Ср.: *Край ты мой заброшенный, / Край ты мой, пустырь. / Сенокос некошенный, / Лес да монастырь. / Избы забоченились... / Крыши их запенились / В заревую гать. / Под соломой-ризой / Выступы стропил* [4, с. 230].

В грамматике пространственные отношения связывают с описание конкретной ситуации, которую А.В. Бондарко выражает формулой $A + r + L$, где «А представляет собой локализуемый объект, L – локализатор, то есть объект по отношению к которому локализуется А; r – пространственное отношение, связывающие объекты А и L» [12, с. 8]. Вводя в приведённую формулу факультативный компонент V, т.е. характеристику движения или местонахождения, исследователь получает первичную модель выражения локативных отношений, или пространственную модель.

Однако при описании особенностей экспликации пространства (пространственных отношений) в текстах писателей – носителей определённой лингвокультуры (например, исследовании пространственной модели мира в творчестве М.М. Пришвина, А.П. Чехова, Б.К. Зайцева и др.) не даётся его системное описание, а рассматривается либо грамматическая категория локативности, либо художественное пространство и его типы. Кроме того, анализ современных публикаций показал, что не были предприняты попытки анализа ключевых образов пространственной модели мира С. Есенина. Актуальность исследования определяется необходимостью системного описания средств экспликации ключевых образов пространственной модели мира С. Есенина.

Цель статьи – описание средств вербализации параметров пространственной модели мира. Материалом исследования являются стихотворения С. Есенина.

В лингвистике понятия «модель» и «моделирования» впервые были использованы сторонниками дескриптивизма, а в научный обиход они вошли в 50–60-гг. XX в. в связи с возникновением математической лингвистики. Отметим, что признаки пространства поддаются количественному счёту, а сама модель может быть представлена как эксплицированная вербальными знаками совокупность геометрических позиций объектов. Так, А.В. Бондарко выделяет три основные локализации по геометрической позиции объекта [12, с. 9–10]. Во-первых, учёный выделяет локализацию в виде точки или трёхмерного пространства, которая реализована рядом частным позиций:

– «внутри» и «вне» (Ср.: *И у него гостей бывает в доме много* [4, с. 213]; *А вьюга с ревом беженным / Стучит по ставням свешенным / И злится все сильнее* [Там же, с. 17]);

– «спереди» и «сзади» (Ср.: *Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою* [4, с. 23]; *Я пошел с тоски на луг. / Мне вдогон смеялась речка* [Там же, с. 19]);

– «сверху» и «снизу» (Ср.: *Там с утра над церковными главами / Голубеет небесный песок* [4, с. 22]; *Сядем в копны свежие под соседний стог* [Там же, с. 28]);

– «возле» и «в отдалении» (Ср.: *Плачет девушка-царевна у реки* [4, с. 30]; *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло* [Там же, с. 28]).

Во-вторых, исследователь отмечает, что локализация может быть представлена в виде линии или плоскости, которая также подразделяется на несколько позиций:

– «сквозь», «через» (Ср.: *Снова я вижу родную околицу, / Через метель огонек у окна* [4, с. 279]);

– «по поверхности», т.е. «А расположен в горизонтальной плоскости L» [Бонд, с. 10] (Ср.: *Ходит девушка по бережку грустна* [4, с. 30]);

– «вдоль», т.е. «А расположен на линии, проходящей по вертикальной плоскости L или вблизи неё» [12, с. 10] (Ср.: *Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон* [4, с. 31]);

– «мимо» (Ср.: *И тот, кого ты ждал в ночи, / Прошел, как прежде, мимо крова* [4, с. 149]).

В-третьих, А.В. Бондарко выделяет локализацию в виде окружности или её части, которая реализуется двумя позициями:

– «вокруг» (Ср.: *Прозрачно я смотрю вокруг / И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль ...* [4, с. 192]);

– «через» (Ср.: *Как покладинка лёг через ров / Звонкий месяц над синью холмов* [4, с. 301]).

Ю.В. Кравцова выделяет широкое и узкое значение термина *модель*, принятое в лингвистике. Так, в широком значении – это «мысленная или материально созданная структура, воспроизводящая часть действительности в упрощенной и наглядной форме» [6, с. 43]. Исследователь в качестве примера приводит схему описания системы, подсистемы или отдельного явления как естественного, так и искусственного языка.

В узком смысле термин *модель* функционирует для номинирования представления одной области явлений с помощью другой. Так, в строфах *Только знаю – багряной метелью / Нам листва на крыльцо намело* [4, с. 242] репрезентирована метафорическая модель «стихия → дерево». Область её источника объективирована однокоренными словоформами *метель* и *намести*, которые выражают представление о перемещении объектов с места на место при помощи силы одной из природных стихий – ветра. Ср.: «Намести – увлекая своим движением, нанести, образовать что-либо (о ветре, вьюге и т.п.)» [2, с. 588]; «Метель – сильный ветер со снегом; вьюга» [Там же, с. 537]. Область цели рассматриваемой метафорической модели вербализована лексемой *листва*, которая номинирует один из основных визуально наблюдаемых элементов морфологии дерева. Отметим, что в фрагменте текста С. Есенина эксплицировано также представление об описываемом пространстве. Предложно-падежная форма *на крыльцо* репрезентирует локализатор в частной позиции «сверху» локализации трехмерного пространства.

В языковом опыте этноса за лексемой *модель* закреплено несколько значений, объединяемых признаками «образец» и «схема» (см. словарную статью с указанным заглавным словом [2, с. 550]).

Следовательно, модель отличается наглядностью и воспроизводит изучаемый или наблюдаемый объект в наиболее существенных деталях, позволяя представить один объект через другой.

В научный обиход также введен термин *модель мира*, которая трактуется как «возможное понимание устройства мира, выраженное с помощью языковых средств» [1, с. 6]. При рассмотрении модели мира исследователи выделяют следующие её характеристики: первичность, простоту, наглядность, схематичность, а также

ориентирование предмета в пространстве (подробнее см. [3]). Кроме того, согласно нашим исследованиям, модель можно рассматривать как алгоритм описания анализируемых феноменов согласно определённому регистру параметров. Применительно к модели мира, согласно В.Н. Топорову, разрабатывались системы бинарных признаков, квалифицируемых нами как параметры описания модели. Это, как правило, противопоставления, связанные с характеристикой пространства (а), временными координатами (б), цветовыми схемами (в) и культурно-социального начала (г) [9, с. 161–163].

В число бинарных признаков характеристики пространства (а) входят «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», которые отчасти совпадают с частными позициями локализации трёхмерного пространства. Так, в поэзии С. Есенина репрезентированы оппозиции «верх – низ» и «небо – земля». В строфе *Под венком лесной ромашки / Я строгал, чинил челны, / Уронил кольцо милашки / В струи пенистой волны* [4, с. 19] признак «низ» объективирован предложно-падежной конструкцией *под венком* и предикатом *уронил*, в значении которого зафиксировано направление движения вниз. Признак «верх» эксплицирован предложно-падежными конструкциями с компонентом *над*. Ср.: *Смолкшим колоколом над прудом / Опрокинулся отчий дом* [4, с. 76]; *Только ивы над красным бугром / Обветшалым трясут подолом* [Там же]; *И вечер, свесившись над речкою, полощет / Водю белой пальцы синих ног* [Там же, с. 79] и т.д.

Оппозиция «небо – земля» выражена лексическими единицами *небо, месяц, земля, поле, берег* и их дериватами. Ср.: *Ели, словно копья, уперлися в небо* [4, с. 38]; *Тихо, тихо в божничном углу, / Месяц месит кутью на полу...* [Там же, с. 77]; *Там с утра над церковными главами / Голубеет небесный песок* [Там же, с. 22]; *Только гость я, гость случайный / На горах твоих, земля* [Там же, с. 104]; *Гляну в поле, гляну в небо, / И в полях и в небе рай* [Там же, с. 112].

К пространственным признакам (а) относим также признаки расположения сторон света: «восток – запад» и «север – юг». Ср.: *Но все так же день взойдет с востока, / Так же вспыхнет миг* [4, с. 133]; *Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес* [Там же, с. 205]. Отметим, что с рассматриваемыми признаками связаны цветовые схемы (в), которые в русской лингвокультуре эксплицируются парами типа «белый – чёрный», «красный – чёрный».

Отметим, что пространственная модель мира в русской лингвокультуре представлена в виде концентрических кругов с центром – человеком. Данная модель описана в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» и основана на делении на зоны «своего» и «чужого». Удалённость описываемого пространства от центра позволяет классифицировать его как относимое к зоне «чужого». Однако в произведениях С. Есенина грань между этими базовыми зонами размывается, для лирического героя к зоне «своего» может относиться как культурно ассимилированное пространство, так и локусы зоны «чужого». Ср.: *Поёт зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка* [4, с. 17]; *Соглядатаи праздный, я ль не странен / Дорогим мне пашням и лесам* [Там же, с. 232].

К признакам культурно-социального начала (г) относятся представления о мужском и женском началах, которые зафиксированы, например, в исследованиях Н.И. Толстого, а также противопоставление «свой – чужой». Отметим, что зоны «своего» и «чужого» неоднократно описывались лингвистами, культурологами, литературоведами, философами. Это членение пространства, по замечанию Ю.С. Степанова, свойственно человеку изначально. Оно связано с осознанием группой

людей кровного родства, т.е. соотносится с противопоставлением семьи, рода остальным членам социума. Кроме того, согласно работе учёного, рассматриваемая оппозиция также изначально репрезентировала противопоставление «свобода – рабство» [11, с. 480].

В языковом опыте этноса местоимение *свой* указывает на «родное или связанное близкими отношениями, совместной работой, общими убеждениями и т.п.» [2, с. 1162]. В произведениях С. Есенина родным, собственным, любимым является его малая родина. Принадлежность к зоне «своего» эксплицирована притяжательным местоимением *мой* и его падежными формами, адъективами *родной, родительский, отчий, родимый* и др. Ср.: *Я давно мой край оставил, / Где цветут луга и чащи* [4, с. 193]; *Ой, не весел ты, край мой родной* [Там же, с. 32]; *Гой ты, Русь, моя родная* [Там же, с. 50]; *Край ты мой родной* [Там же, с. 65]; *Ты прощай, село родимое* [Там же, с. 48]; *Устал я жить в родном краю / В тоске по гречневым просторам. / Покину хижину мою* [Там же, с. 139]; *Что сын твой по отчему краю / Совсем не болеет душой* [Там же, с. 219] и т.д.

Кроме того, зона «своего» в стихотворениях поэта объективирована лексемами *мать, матушка, старушка, дом* и др. Ср.: *Разбуди меня завтра рано, / О моя терпеливая мать!* [4, с. 115]; *Я вспомнил тебя, дорогую, / Моя одряхлевшая мать* [Там же, с. 219]; *Матушка в купальницу по лесу ходила, / Босая с подтыками по росе бродила* [Там же, с. 29]; *Ты жива еще, моя старушка?* [Там же, с. 179]; *Смолкшим колоколом над прудом / Опрокинулся отчий дом* [Там же, с. 79]; *Где ты, где ты, отчий дом, / Грешный спину под бугром?* [Там же, с. 117]; *И вновь вернусь в отчий дом, / Чужою радостью утешусь* [Там же, с. 139];

К зоне «чужого» относится все то, что воспринимается человеком как противоположное «своему», неприемлемое: это культурно не ассимилированное пространство и объекты, находящиеся в нем. Отметим, что в произведениях С. Есенина нет четкой границы между зонами «своего» и «чужого». Лирический герой и/или члены его семьи (например, дед) могут перемещаться между этими зонами, смещая их восприятие. К рассматриваемой зоне в русской лингвокультуре традиционно относили локусы потустороннего и небесного. Нами неоднократно подчёркивалось, что в творчестве С. Есенина данная зона репрезентирована образом мирового дерева, актуализированного языковыми знаками *облачное древо, небесный кедр, небесный тополь, яблоня, вишня*. Кроме того, у автора данный образ мирового дерева связан с библейским видением дерева жизни, произрастающего в недостижимом для человека локусе райского сада.

Итак, в лингвистике термин *модель* функционирует в широком и узком значениях. Он используется для номинирования алгоритма описания действительности по определённым параметрам. Мы вслед за А.Ф. Алефиренко модель мира рассматриваем как наглядную, детализированную репрезентацию устройства мира, выраженную с помощью вербальных знаков. Пространственная модель мира отображает представление этноса об организации пространства. Она строится на двух базовых оппозициях «своего – чужого» и «внутреннего – внешнего». В число базовых параметров рассматриваемой модели входят (1) геометрические позиции объектов, выраженные формами языка, (2) бинарные признаки характеристики пространства («верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», отчасти соотносимые с геометрическими позициями), (3) признакам культурно-социального начала. Указанные параметры эксплицированы в стихотворениях С. Есенина, однако требуют

дальнейшего системного описания, что и составит перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Картина мира и этнокультурная специфика слова / Н.Ф. Алефиренко. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 4. – Т. 14. – С. 5–9.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Дмитриева Ю.Л. Соотношение понятий «картина мира», «образ мира» и «модель мира» / Ю.Л. Дмитриева // Восточнославянская филология. – Языкознание. – Вып. 3(29) / ОО ВПО «Горловский ин-т иностранных языков». Редкол.: С.А. Кочетова и др. – Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. – С. 192–202.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
5. Захаренко И.В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры / И.В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М.: МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 15–31.
6. Кравцова Ю.В. Метафорическое моделирование мира : поэзия и проза / Ю.В. Кравцова. – К. : Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
7. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996. – С. 175–193.
9. Мифы народов мира. Энциклопедия [в 2-х т.]. Т. 2 : К–Я; Гл. ред. С.А. Токарев. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
10. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
12. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Воейкова, В.Г. Гак и др.; Редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб. : Наука : С.-Петербург. изд. фирма, 1996. – 230 с.

Поступила в редакцию 31.01.2021 г.

PARAMETERS OF SPATIAL MODEL OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF POEMS BY S. ESENIN)

J.L. Dmutrieva

The article addresses space as one of the basic parameters of an individual's perception of the world. The author analyzes researches that describe this parameter. The definition of the term model is provided, as well as the examples of the basic spatial model (functional grammar) and metaphorical model (cognitive linguistics). The parameters of the spatial model of the world and the peculiarities of their interpretation in the works by S. Esenin are described.

Key words: world model, space, localizer, zone, parameter.

Дмитриева Юлия Леонидовна.

Кандидат филологических наук.
Горловский институт иностранных языков.
Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.
E-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Dmutrieva Julia Leonidovna.

Candidate of Philology.
Gorlovka Institute for Foreign Languages.
Associate Professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages.
E-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

УДК 81.374

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ТЕРМИНОГРАФИИ XIX В.:
«ВРАЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ» А. Н. НИКИТИНА**© 2021 *Н. Е. Касьяненко**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

Статья посвящена анализу одного из специальных медицинских трудов первой трети XIX века – «Врачебному словарю» 1835 г. А. Н. Никитина – доктора медицины, одного из основоположников педиатрической школы Российской империи, основателя и члена Общества Русских врачей в Санкт-Петербурге. В работе приводятся сведения из истории создания словаря, характеризуются его источники, объем и состав, анализируются типы и структура словарных статей, а также характер информации в них. В исследовании затрагивается отражение вариантности и многозначности в словаре, акцентируется значимость названного труда в русской лексикографии.

Ключевые слова: терминология, медицинская лексика, XIX век, А. Н. Никитин, толковый словарь.

Среди многих проблем русской лексикографии особое место занимает описание терминологической лексики, являющейся объектом характеристики в специальных словарях. Жанр терминологического словаря складывается к XVIII веку, хотя выделение специальной лексики и ее описание начинается гораздо раньше, уже в самых первых письменных памятниках. Из первых словарей специальной направленности ученые называют «Экстракт Савариева лексикона о коммерции» (1747 г.), переведенный с французского С. Волчковым; «Словарь ручной натуральной истории» (1788 г.) и «Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский..» (1795–1797), перевод которых выполнен В. А. Левшиным [2] и др. Страница истории отечественной терминологии открывается ботаническим словарем К. А. Кондратовича «Дикционер, или Речениар по алфавиту российских слов о разных произраращениях...» (1780 г.). Именно к этому времени – двум последним десятилетиям XVIII в. – исследователи относят «появление собственно терминологических словарей» [10, с. 258]. В это же время появляются и первые медицинские специальные словарные труды, в частности словари Н. М. Максимовича-Амбодика – «Анатомико-физиологический словарь» (1783 г.) и «Медико-хирургический словарь» (1785 г.) – см. о них подробнее в [4]. Традиция создания медицинских словарей продолжается и в XIX веке, когда через полвека после выхода в свет трудов Н. М. Максимовича-Амбодика в 1835 г. появляется «Врачебный словарь» А. Н. Никитина [8].

«Врачебный словарь» достаточно редко упоминается в современных теоретических исследованиях по русской терминологии (см. [1]), а также в качестве иллюстративного материала (см. например, работу О. И. Ущeko о развитии термина «Хирургия» [12]), что и обусловило интерес к данному труду.

Автор словаря – Александр Никитич Никитин характеризуется некоторыми биографическими сведениями в научной литературе. Известно, что с самого детства он был воспитанником Императорского Воспитательного дома для детей-сирот в Петербурге, получил образование в специализированном гимназическом классе, называемом «латинский», позже окончил Медико-хирургическую академию, впоследствии был удостоен степени доктора медицинских наук (1843 г.) за свои работы

по педиатрии и был избран почетным членом Московского университета. Его деятельность, помимо педиатрии, была тесно связана с Воспитательным домом. А. Н. Никитин активно занимался патронажной деятельностью, подбирая приемные семьи, желающие воспитывать детей-сирот. Кроме этого, доктор медицины А. Н. Никитин основал Общество русских врачей в Санкт-Петербурге и выполнял обязанности его секретаря.

Заглавие словаря А. Н. Никитина является многословным, как это было принято в XVIII–первой трети XIX вв. – «Врачебный словарь, изъясняющий принятые в медицине греческие и латинские термины, с прибавлением кратких биографических очерков известных древних врачей, составленный доктором медицины, надворным советником и кавалером Александром Никитиным, Медико-хирургической академии членом-корреспондентом и Общества русских врачей в Санкт-Петербурге членом и секретарем» [8]. Само по себе оно достаточно информативно и включает, помимо пространных сведений об авторе и его статусе, указания на содержание, состав и косвенно на тип словарного труда. То же прямо подтверждает и И. М. Кауфман, акцентируя тот факт, что «Врачебный словарь был «первым *толковым* словарем в области медицинских наук» [6]. Вместе с тем исследователь в отношении словаря А. Н. Никитина утверждает: «Биографических очерков известных древних врачей», о которых говорится в заглавии, в книге в действительности нет. Вместо них приводятся лишь самые краткие справочные сведения о врачах и самые краткие их характеристики» [5, с. 338]. Замечание И. М. Кауфмана представляется справедливым, поскольку названного рода сведения, действительно не имеют развернутого характера, как, например, в следующей статье: *Heliodorus, Иліодоръ, славный Хирургъ, жившій во времена Императора Траяна оставившій очень хорошія замѣчанія о поврежденіяхъ головы* [8, с. 280]. Или иной пример, которых в данном словаре множество: *Lykus, Лукусъ Неаполитанскій, довольно извъстный Анатомикъ, жившій во времена Траяна* [8, с. 371].

«Врачебный словарь» включает около 4000 статей. Автор написал к нему предисловие, объясняющее назначение словаря: «имея многия оригинальныя на Русском языке сочинения и хорошие переводы по части Врачебной науки, при чтении их доселе еще встречаем затруднения в названиях и терминах, искони введенных в Медицину» [8, с. I]. Здесь же А. Н. Никитин добавляет: «Для облегчения в сем служит словарь» [там же]. Труд А. Н. Никитина носил учебный характер и был рассчитан, прежде всего, на учащихся медицинских заведений, в котором они могли бы, как представлял сам автор, «находить краткое, но достаточное изъясненіе слов и терминовъ имъ неизвестныхъ» [8, с. II–III].

Рассуждая об источниках своего труда в том же предисловии, А. Н. Никитин упоминает словари Бланкарда (1832) и Крауза (1826), Брандейса (1820) и Нистена (1814), а также «Фармакографию» Академика Нелюбина, доктора медицины и хирургии и некоторые другие труды. Кроме того, составляя словарь, автор пользовался «советами» профессоров Медико-хирургической Академии, в которой А. Н. Никитин учился и с которой были тесно связаны вся его жизнь и деятельность. Между тем самыми авторитетными и основными медицинскими трудами, предшествовавшими созданию «Врачебного словаря, лексикограф называет «Анатомико-физиологический словарь» Н. М. Максимовича-Амбодика и «*Erklärung der lateinischen Wörter, welche zur Zergliederungslehre...*» Х.-И.-Г. Кнакштедта, приносящими «много чести трудолюбю ихъ Издателей» [8, с. II]. Вместе с тем А. Н. Никитин, учитывая новые достижения медицинской науки, указывает на их «недостаточность» и «неполноту».

Безусловно, основным источником своего труда сам автор считает «Анатомо-физиологический словарь» Н. М. Максимовича-Амбодика [7]. Сравнение обоих словарей убеждает нас в несомненном сходстве ряда толкований в них, что особенно заметно, если статья «Врачебного словаря» построена по минимальной модели:

**Анатомо-физиологический словарь
Н. М. Максимовича-Амбодика**

Врачебный словарь А. Н. Никитина

Cossygis, os Копчиковая кость,
отъ вихрець [7, с. 26];

Cossygis, os вихрецовая, копчиковая кость;
χόχχυξ, вихрець [8, с. 125];

Dysodes, male olens. Худо
смердящій, непріятно
воняющій [7, с. 39];

Dysodes, зловонный; отъ δύς, худой ὀδμή
запахъ [8, с. 174];

Epigonatis, molla, patella. Чашка
Колѣнная, вх колѣнѣ косточка [7, с. 42].

Epigonatis, острое возвышеніе на колѣнѣ
Производимое надколѣнною чашкою; отъ
ἐπί, на и γόνυ колѣно [8, с. 223].

Нельзя обойти вниманием и упоминание А. Н. Никитиным в статьях самого словаря имен известных медицинских деятелей, начиная с античных времен, имеющих отношение к предмету толкования: *Blaesosis, недостатокъ въ произношеніи рѣчи по Плукуету* [8, с. 76]; *Colitis, воспаленіе слизистой оболочки ободочной кишки по Бруссе* [8, с. 126]; *Exiris, выпаденіе райка (смотри Буша Хир. Ч. II, стр. 185)* [8, с. 241]; *Kephalometrum, головоизмѣритель, орудіе, изобрѣтенное Штейномъ и служащее для измѣренія величины діаметра головы новорожденного младенца* [8, с. 352].

В словаре А. Н. Никитина содержатся термины самых различных сфер медицинской науки: анатомии и физиологии: *атлантъ, черпаловидный (хрящ), съдалищная кость, испарина; питательный сокъ*; терапии, хирургии, офтальмологии, акушерства и гинекологии: *кила брюшного кольца, непорядочный пульсъ, маточный полипъ, ячмень на вѣкъ глазномъ*; наименования медицинских инструментов, лекарств и процедур: *смягчительный сиропъ для больных грудными припадками, измѣритель руки – акушерскій инструмент, щупъ, ухвертка*; номинации различных заболеваний: *сухотка, золотушная болѣзнь, проказа, пузырьчатая сыпь, болотная лихородка*; нарушения питания и многое другое

Статьи «Врачебного словаря» имеют различную структуру и соответственно различаются по типам.

Основной тип словарной статьи строится по модели «заглавное латинское слово + русский эквивалент (эквиваленты) + этимологическая справка»: *Trichus, щетинообразный, жѣсткій, твердый волосъ; отъ θρίξ, τριχός, волосъ* [8, с. 604].

У автора «Врачебного словаря» присутствуют и другие разновидности основной статьи. Поскольку, как уже было сказано выше, труд А. Н. Никитина представляет собой толковый словарь, определенная часть его статей снабжена энциклопедической информацией, часто отражающей уровень знаний того времени, как, например: *Leucaethriopria, альбинизмъ, блѣлая болѣзнь Негровъ, почти эпидемическая въ Сѣверной и Южной Америкѣ. Поражаемые сею болѣзнію называются албиносами, потому, что цвѣтъ кожи ихъ блѣденъ, какъ у мертвыхъ и самая кожа покрыта снѣжнобѣлыми волосами, подобными птичьимъ перьямъ или шерсти козьею, слѣпота*

же ихъ продолженіе дня зависитъ отъ недостатка черной слизи <...> [8, с. 363]. Правда, следует заметить, что такие сведения приводятся во «Врачебном словаре с разной степенью полноты и непоследовательно. При этом наиболее часто автором сообщаются: а) **анатомические подробности**: *Metatarsus*, плюсна – состоитъ изъ пяти цилиндрическихъ костей, соединяющихся съ костями пятки, суставами перстовъ и между собою [8, с. 394]; б) **причина болезни**: *Cophosis*, глухота –иметьъ причиною 1) органическіе недостатки въ орудіяхъ слуха, 2) подавленіе или дѣйствительное уничтоженіе дѣятельности слухового нерва [8, с. 129]; в) **проявления заболевания**: *Rica*, болѣзненное состояніе, когда беременныя желаютъ ѣсть вещи не употребляемыя людьми, какъ то: песокъ, известь, мѣль, кожу и проч.<...> [8, с. 376]; г) **разновидности той или иной болезни**: Проказа бываетъ трехъ видовъ: 1) бѣлая, или *Moussева (Lepra alba)* <...> 2) чешуйчатая, или струповатая проказа (*Lepra squammosa*) <...> 3) бугорковатая проказа (*Lepra nodosa*) <...> [8, с. 361–362].

Примечательно, что в некоторых словарных статьях вместо русского термина автор приводит его краткое определение: *Baryglotticus*, а, ит, что происходитъ отъ тяжелаго, медлительнаго произношенія; [8, с. 74]. Возможно, это можно объяснить тем, что составитель ориентировал учащихся, будущих медиков, для которых был предназначен словарь, в большей степени на латинскую терминологию, тем более что латинский с давних времен является признанным языком медицины.

Служебные, или отсылочные статьи включают заглавное латинское слово и отсылку в виде слов **то же, что (тоже, что)** или **см.**, а также латинский термин, к которому дана отсылка. Этимологический комментарий чаще всего также здесь присутствует: *Troma*, **тоже, что** *Trauma*; отъ τρώω, ранить [8, с. 606]; *Tridax*, **см. Lactucarium** [8, с. 604]. Отсылки в словаре регистрируют наличие вариантов, прежде всего, латинских терминов.), например: *Iateria*, **то же, что** *Therapia* <...> **врачебное искусство** [8, с. 340]; *Hysteritis*, **то же что** *Metritis*; отъ ὑστέρα, матка [8, с. 336]. Однако достаточно распространенной является также отсылочная помета «**см.**»: *Hypodesmus*, **см. Hypodesis** [8, с. 330]. Наконец, еще один тип отсылочной статьи предполагает использование латинского заглавного слова, после которого употребляется помета «**и**», а затем в отдельной смежной статье в качестве заглавного выступает его вариант:

Haemortoë и

Haemortoica (*m.e. medicamenta*), **лекарства, служащая при кровохарканиі, см.** [8, с. 274]. Иногда количество вариантов латинского слова может быть больше двух и тогда дополнительно используется еще одна отсылка – «**см.**»:

Glaucedo и

Glaucoma*, см. *glaucois [8, с. 258]. Наличие подобного рода «двойных» отсылок, безусловно, следует отнести к недостаткам, поскольку они затрудняют пользование словарем.

Варианты же русских терминов медицины в ряде случаев приводятся в самих статьях: *Hypaleitron*, **лопаточка, шпатель, инструментъ для намазыванія пластырей; отъ ὑπαλείφω, мазать** [8, с. 320]; *Enterelcosis*, **нарывъ, рана, язва въ кишкѣ; отъ ἐντερον кишка и ἐλχωσις нарывъ, рана** [8, с. 206]; *Emphysema*, **вътрешная или воздушная опухоль**<...> [8, с. 194]; *Acupunctura*, **иглоколотье, иглоукалываніе – операція, употребляемая Китайцами и Японцами въ припадкахъ ломотныхъ и ревматическихъ** <...> [8, с. 7] и т.п.

Вместе с тем в словарном труде присутствуют и статьи **комбинированного типа**. В этом случае в структуре статьи сочетается содержание основной и отсылочной

статей. Например: *Semeiosis, то же, что Diagnosis отъ σημειοσις рисовать, чертить; черты лица, напечатленные болѣзнію; пособляютъ Врачу распознать ее* [8, с. 552].

В статьях словаря, как показывает анализ, есть указание на многозначность медицинских терминов. Так, в частности в статье *Hypochondriacus* автор фиксирует два значения данного термина: 1) *происходящій, зависящій отъ живота, брюха*, 2) *принадлежащій къ ипохондріи* [8, с. 328]; в статье *Hypophysis* отмечается 1) *мокротная железа въ мозгъ*, 2) *То же что Cataracta отъ ὑποφύσις, постепенно роста, вѣроятно потому, что бѣльмо образуется мало по малу* [8, с. 332].

Безусловным достоинством труда А. Н. Никитина является наличие этимологических сведений, которые в структуре статьи находятся, как правило, на последнем месте, после объяснительной части: *Dyssititis, трудность принимать пищу; отъ δύς трудный и σιτήσις пища* [8, с. 177]. При этом автор приводит первоначальный источник – греческое слово (или слова, если объясняется сложный термин) с его переводом на русский язык: *Lycoides, задушающая хроническая жаба, которою страждутъ волки (ΙΙ) и которая происходит (по мнѣнію Галена) отъ плотскаго воздержанія; отъ λύκος волкъ и είδος видъ* [8, с. 371]; *Melaenscus, а, им, происходящій отъ черной немочи, μέλνινα (т.е. νόθος), черная немочь* [8, с. 382]. В редких случаях при заглавном слове отсутствует перевод и/или толкование слова, а дается только этимологическая справка с соответствующим комментарием автора: *Thelogonia, то же, что Nymphetomania; отъ θήλυς, женскій родъ и γυνή, младенецъ; по сей этимологіи нельзя понять значеніе слова сего* [8, с. 591]. Указание на этимологию отсутствует только при производных адъективах или в отдельных отсылочных статьях.

Обобщая все, сказанное выше, необходимо отметить, что русская лексикография в первой трети XIX в. достигла определенных успехов в составлении терминологических словарей, что заметно по труду А. Н. Никитина, отражающему стремление автора использовать отечественные средства номинации объектов и понятий медицины. «Врачебный словарь» следует рассматривать как толково-переводной словарь, сочетающий в себе различные жанры. Медицинская терминология, представленная в труде А. Н. Никитина, является результатом использования тех ресурсов, которые были накоплены благодаря деятельности как русских, так и западноевропейских ученых, медиков, переводчиков XVIII–начала XIX века. «Врачебный словарь» продолжает первые попытки лексикографического описания медицинской специальной лексики и занимает свою нишу в истории русской терминографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекишева Е. В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии / Е. В. Бекишева // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4 (2). – С. 260–264.
2. Биржакова Е. Э. Русская лексикография XVIII века / Е. Э. Биржакова // Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 212 с.
3. Змеев Л. Ф. Русские врачи писатели / Л. Ф. Змеев. – Вып. I– [3]. – Вып. I, 1986. – 903 с.
4. Касьяненко Н. Е. Из истории русской терминографии XVIII в.: «Анатомико-Физиологический словарь» 1783 г. Н. М. Максимовича-Амбодика / Н. Е. Касьяненко // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Науч. журнал. – Т. 4 (70). – 2018. – № 3. – С. 168–186.
5. Кауфман И. М. Русские биографические и библиографические словари / И. М. Кауфман. – М.: Гос. изд-во культурно-просветительской лит-ры, 1955. – 754 с.
6. Кауфман И. М. Терминологические словари: Библиография / И. М. Кауфман. – М.: Сов. Россия, 1961. – 419 с.

7. Максимович-Амбодик Н. Анатомико-физиологический словарь, в коем все наименования... – Во граде св. Петра: Тип. Морск. шляхетн. кад. Корпуса. – 1783. – 10. – LXVIII. – 160, 136, 1 с.
8. Никитин А. Н. Врачебный словарь, изъясняющий принятые въ медицинѣ греческие и латинские термины... / А. Н. Никитин. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1835. – [4], IV, 620 с.; 17.
9. Симоненко А. Е. Из ранней истории описания русской медицинской терминологии / А. Е. Симоненко // Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII–первой пол. XIX вв. – Донецк: Юго-Восток, 2009. – С. 216–246.
10. Симоненко А. Е. «Дикционер» К. А. Кондратовича в истории русской лексикографии XVIII века / А. Е. Симоненко // Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII–первой пол. XIX вв. – Донецк: Юго-Восток, 2009. – С. 257–301.
11. Сложеникина Ю. В. Из истории упорядочения русской медицинской терминологии / Ю. В. Сложеникина, В. С. Звягинцев // Язык и культура. – 2017. – № 2 (38). – С. 94–104.
12. Ущeko О. И. К вопросу о терминологизации слова «хирургия». Историко-диахронический анализ / О. И. Ущeko // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 1. – С. 50–59.

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

**FROM THE HISTORY OF RUSSIAN NINETEENTH-CENTURY TERMINOGRAPHY:
"MEDICAL DICTIONARY" BY A.N. NIKITIN**

N.E. Kasyanenko

The article deals with the analysis of "Medical Dictionary", which is one of the special medical works of the first third of the 19th century, published in 1835. It was compiled by Doctor of Medicine A. N. Nikitin, who is considered to be one of the founders of the Pediatric School of the Russian Empire, and a founder and a member of the Society of Russian Physicians in St. Petersburg. The paper provides information on the history of the dictionary compilation, describes its sources, the scope and composition, analyzes the types and structure of dictionary entries, as well as the nature of the information they provide. The study also considers the problem of polisemy and the treatment of meaning variation. The importance of the "Medical Dictionary" in the Russian lexicography is emphasized.

Key words: terminology, medical vocabulary, 19th century, A.N. Nikitin, dictionary.

Касьяненко Наталья Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры общего языкознания и истории языка им. Е. С. Отина.

E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

Kasyanenko Nataliya Evgenievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin.

E-mail: kasyanenko_natusya@mail.ru

УДК 811.161.1.

ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ФИДЕИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

© 2021 Н.В. Лешкова

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

Статья посвящена анализу прагматики языковых средств реализации фидеистической стратегии современной православной проповеди. В ней рассмотрены метатекстовые операторы, благодаря которым происходит линейное развертывание текста, проанализированы прагмасемантические жанровые элементы и определены их характеристики.

Ключевые слова: прагматика, средства, реализация, проповедь, священник.

К прагматическим языковым средствам реализации глобальной фидеистической стратегии современной православной проповеди относятся прагмасемантические и локальные стратегии и тактики.

В результате рассмотрения прагмасемантических характеристик реализации фидеистической стратегии православной проповеди, мы можем выделить текстуальные и интерперсональные элементы.

К текстуальным средствам относятся структурно-композиционные средства, прежде всего те, которые передают линейность, то есть разными способами способствуют реализации коммуникативной цели говорящего. Мы рассмотрим те метатекстовые операторы, которые служат линейному развертыванию текста. Такое развертывание речевой парадигмы происходит благодаря внутренним каузальным связям, которые появляются за счет логико-грамматических лексических единиц. Охарактеризуем такие текстуальные средства, опираясь на классификацию В.А. Судовцева, которые выделяют семь смысловых классов [8, с. 115]:

1) соединение и логическая последовательность идей, которая выражается лексическими единицами соответствующей семантики (*также, кроме того, более того, одновременно*): *Но во исправление грехов рода человеческого начиная от Адама, нам дана, вместе с ведением о том, что есть Божественный разум, и сила Божественная, Божественная благодать, которая помогает хранить этот разум в своем разуме и, более того, вооружает нас возможностью сопротивляться множеству притягательных предметов, мыслей, идей и всего прочего, что обрушивается на человека, и сохранять доверие Божественному разуму* (патриарх Кирилл);

2) парафраза и наслоение (*так как, такой же как, похоже, одинаково, подобно, такой как, так же как*): *Подобно евангельским волхвам принесем же Богу наши дары – нашу веру в Него, нашу надежду на Его непрестанную помощь и милосердие и, самое главное, нашу любовь* (митрополит Рижский и всея Латвии Александр);

3) причинность (*потому что, поэтому, таким образом, видим, что*): *А второе – это напряжение всех сил, умственных, нравственных, духовных, с тем чтобы без принуждения, правильными словами, а главное, любовью воздействовать на своих детей таким образом, чтобы оградить их от очень опасных, иногда смертельно опасных жизненных ошибок* (патриарх Кирилл);

4) контраст и сопоставление (*однако, с другой стороны, в отличие от, даже если, но если, несмотря на*): *Этих людей, которые, несмотря ни на какие испытания и угрозы, сохраняли веру в Единого Бога в море многобожия, мы и называем святыми праотцами и святыми отцами, то есть теми, кто сохранял Богоданный идеал человеческой святости и веру в Единого Бога до пришествия в мир Христа Спасителя* (патриарх Кирилл);

5) ограничения (*кроме, невозможно, только если, только когда, в том случае если*): *И если мы молимся Богу о Церкви, друг о друге и о себе, Господь с нами, мы чувствуем это и сердце наше наполняется радостью, потому что от общения с Богом не может быть ничего другого, кроме радости, утешения и надежды* (митрополит Воскресенский Дионисий);

6) предположение, когда священник апеллирует к мыслям или аналитическим способностям слушателя. К этой группе будет целесообразным отнести такой класс, как достоверное утверждение (*действительно, подлинно, воистину, в самом деле, верно, разумеется, конечно, точно*): *Есть ли воистину стремление к тому, что преподобный Ефрем Сирий назвал «небесным желанием и божественным житием»* (митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий);

7) вопрос (*Почему? Чем? Как? О чем?*): *Кто же были эти святые? Ведь Господь еще не пришел в мир, и еще не совершилось искупление человеческих грехов. Кто же сподоблялся тогда святости, кто сподоблялся общению с Самим Богом?* (патриарх Кирилл).

В православной проповеди также можно выделить явление интертекстуальности, которое реализуется с помощью вводных текстовых конструкций, вносящих в текст информацию о различных прецедентных феноменах. Это свидетельствует о «цитатности мышления» – традиционной насыщенности проповедей различными реминисценциями. Так, согласно текстуальной концепции полифонизма М.М. Бахтина «все слова для каждого человека делятся на свои и чужие, но границы между ними могут смещаться, и на этих границах происходит напряженная диалогическая борьба» [1, с. 448], однако православной проповеди этот тезис не касается, потому что священник максимально диалогизирует в пределах незыблемых догматических шаблонов, имея целью слияние соборной церковной истины и своих слов. Основным источником прецедентности для православного священнослужителя являются отрывки из Священного Писания, фрагменты из литургических текстов: тропарей, кондаков, молитв, текстов произведений святых отцов и прямая речь святых. Для православных проповедей характерно то, что в используемых цитатах присутствуют архаичные грамматические формы (например, *...нам дан виноградник Христов – наша душа.. если мы эти плоды не вырастим...* (прот. Димитрий Смирнов).

К интерперсональным языковым средствам, которые помогают осуществить запланированное адресантом речевое воздействие, причисляют аппроксиматоры, средства передачи деперсонализации, персонализации, а также эмоционально-экспрессивные средства.

Из перечисленных для православной проповеди характерны следующие индикаторы: аппроксиматоры, которые являются лексическими единицами, реализующими коммуникативно-прагматическую категорию аппроксимации, и одной из универсалий, сочетающей в себе обозначенность точки отсчета и необозначенность границы. Лингвисты различают несколько семантических оттенков: однонаправленность приблизительно или уменьшения, или увеличения в сторону точки отсчета; разнонаправленность без указания направления; сходство

приблизительности [7, с. 37]. Среди аппроксиматоров православной проповеди есть такие, которые обозначают приблизительность количества (*в большинстве случаев, как минимум, примерно, значительно*), качества (*похоже на, вроде того*), аппроксиматоры-генерализаторы (*вообще, в целом, в общем, в большинстве*), аппроксиматоры-рестрикторы (*а именно, имеется ввиду*), темпоральные (*и ныне и присно, и во веки веков, в будущем веке*), локативные (*где-то*), гипотетические (*допустим, наверное*) аппроксиматоры: *И второе, что Господь нам напоминает: мы не должны стесняться своих предков, даже если они где-то в чем-то спотыкались и что-то неправильно делали. Мы должны сами исправить их ошибки, то есть не повторять их ошибок* (митр. Онуфрий);

Деперсонализация, средствами передачи которой являются:

- безличные обороты и безличное обобщение, нейтрализующие личность священника, создают эффект деперсонализированной соборности мысли или адресование среднестатистическому верующему: *Только бы прикоснуться к краю одежды его* (митр. Владимир (Сабодан).

- инклюзивное «мы» или обобщающее «ты, вы»: *В этот священный вечер, когда мы, вместе с нашими братьями и сестрами на просторах всего Отечества нашего и за его рубежами, собираемся, чтобы прославить ныне родившегося в мир Спасителя, всем вам вместе и каждому из вас передаю благословение и поздравление с великим праздником Рождества от Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Кирилла* (митрополит Воскресенский Дионисий);

- кроме средств деперсонализации, в некоторых примерах проповеди существует персонализация – употребление авторского «я». Результаты анализа материала показали, что персонализация возникает в том случае, когда адресант выражает субъективное отношение к чему-то, дает совет, рассказывает жизненные случаи, делится собственным опытом: *На этот краткий вопрос я мог бы ответить весьма подробно – так, что ответ занял бы целый номер газеты «Печат»* (епископ Бачский Ириней);

- экспрессивность выражается эмоционально-экспрессивными средствами, к которым относятся тропы, являющиеся не только средством художественного изображения, но и в гораздо большей степени – средством раскрытия смысла [2, с. 205].

Исследователи православной проповеди выделяют следующие средства:

- 1) метафора: *Я испытываю чувство искренней благодарности и радости за то, что замечательная традиция жертвенного служения во имя блага и здоровья жизни ближних сохраняется в жизни современных людей, в том числе молодежи* (патриарх Кирилл),

- 2) метонимия, металепсис: *Страх сковывает человека и нередко может полностью его поработить, лишить свободы действий* (патриарх Кирилл);

- 3) синекдоха: *Как похожа на него наша современная интеллигенция, хромающая на оба колена* (свщм. Серафим Звездинский);

- 4) антономазия: *Дьявол же является не в виде злодея, кощя бессмертного, а в виде ангела света* (см. 2 Кор. 11:14) (патриарх Кирилл);

- 5) гипербола: *Совершенно очевидно, что опыт Украины должен научить всех нас, что преобразования в обществе должны проходить таким образом, чтобы они не сопровождались нарастанием внутренней напряженности и особенно радикализацией отношений между людьми, морем крови* (патриарх Кирилл);

6) литота: *На примере мироносиц Церковь учит нас искренней вере в счастье и горе, в скорби и радости, в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в тишине и буре душевной* (митр. Владимир (Сабодан);

7) эпитет: *Если, например, нам врач прописывает одно горькое лекарство, а другое сладкое и говорит: эти два лекарства вместе окажут на вас исцеляющее воздействие, то будет странно, если мы в ответ скажем: я буду принимать только сладкое лекарство, потому что оно вкусное, а горькое я не буду* (митрополит Волоколамский Иларион);

8) сравнение: *Но когда я писал свое сочинение «Страсти по Матфею», в первой версии этого произведения все заканчивалось на смерти и погребении Иисуса Христа, как это принято в традиционном жанре страстей со времен Баха и даже его предшественников* (митрополит Волоколамский Иларион);

9) инверсия: *Становимся мы сами победителями и смерти, и ада, и воскресаем мы к жизни вечной* (митрополит Волоколамский Иларион);

10) антитеза: *Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте, смех ваш уже обратился в плач, и радость в печаль* (архимандрит Иоанн (Крестьянкин);

11) повторы: *Я считаю, что мы – очень счастливые, мы живем под Покровом Царицы Небесной, мы и Бога прославляем, и сами спасаемся* (игуменья Олимпиада (Баранова);

12) синтаксический параллелизм: *Любая инициатива государства, направленная на помощь больным детям, должна только приветствоваться. Любая инициатива будет приветствоваться...* (митрополит Волоколамский Иларион);

13) аллюзия: *...пусть не будет гордых умников, Каиаф и Пилатов пусть не будет среди вас. Будьте же подобны смелым исповедникам Христа – сотнику и Иосифу»* (свщм. Серафим Звездинский).

Специфика использования в современной православной проповеди выразительных средств обусловлена также их функциональной многоплановостью. С одной стороны, они способствуют созданию образности, экспрессивности, выразительности речи духовного лица, с другой – всегда связаны со сдержанностью, формируют и воплощают ее. А также средства выразительности способствуют развитию речи проповедника над обыденным языком, этому способствует использование суперлативных (напр. *большие страдания, вечная жизнь* и т. п.) и метафорических (напр. *духовная радость, жестокие гонения* и др.) эпитетов. Они позволяют создать особую атмосферу восприятия духовного текста, делают священника более убедительным [6, с. 19]: средства передачи эмпатии и средства создания юмористического эффекта, например, *Есть очень сильная молитва Оптиных старцев, так вот ее называют Оптимистической... так ведь и не поспоришь* (митрополит Волоколамский Иларион). В этом примере средством создания комического эффекта выступает игра слов – *Оптинская – Оптимистическая* употребленного в переносном значении. Юмористический эффект в этом примере основан на несовместимости внешнего благочестия, соблюдения церковных канонов и внутреннего фарисейства.

Итак, текстуальные и интерперсональные прагмасемантические маркеры фидеистической стратегии православной проповеди являются общими и доминантными, влияние индивидуального фактора обнаруживает себя в подборе и частоте употребления этих элементов различными проповедниками.

Следующим этапом прагматического анализа было установление наличия средств речевых актов реализации глобальной фидеистической стратегии современной

православной проповеди. Анализ иллюкативных реализаций фидеистической стратегии православной проповеди свидетельствует о наличии в последних таких речевых актов, как репрезентативы, директивы, экспрессивы, комиссивы, декларативы, а также фатические метакоммуникативы.

Рассмотрим последовательно все элементы речевых актов православной проповеди. Репрезентативы прокладывают путь от действительности, как ее воспринимают верующие, к выражению, пытаясь отразить духовное состояние человечества, охарактеризовать догматические положения, отразить исторические события и пр. На основе уточнения типа информации, которую предоставляет проповедник, можно выделить такие подтипы репрезентативов:

- сообщение (священник говорит об основных исторических событиях, догматах, основах вероучения и необходимой, по его мнению, информации для раскрытия темы): *Важно, чтобы каждый из нас постиг значение Его жизненного пути, то, что совершил ради нас Христос. И чтобы в благодарность все мы от мала до велика приносили Ему в дар наши добрые дела – в этом залог светлого будущего для Беларуси и для каждого из нас* (митрополит Минский и Заславский Вениамин);

- осуждение (проповедник дает отрицательную оценку определенным событиям, человеческим деяниям и образу мыслей, которые, по мнению церкви, являются греховными или обманчивыми): *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7:1);

- предсказание (этот подтип не является типичным для традиционной православной проповеди, потому что святые отцы завещали не доверять самим себе, даже если у человека есть способности к предвидению будущего, он их скрывает или говорит намеками. Чаще всего проповедник как раз и предостерегает людей от предсказания и любопытства относительно будущего, цитируя Священное Писание, что «... это время никто не знает – ни Сын Божий, ни ангелы, ни люди, только отец» (Мк. 13, 32) и «много лжепророков появилось в мире» (Ин. 4, 1). Прогнозирование в православной проповеди встречается только тогда, когда священник говорит о человеческих грехах или добродетелях, которые в свое время приведут к определенному результату: *Думаю, что за это преступление он ответит перед законом* (митрополит Волоколамский Иларион);

- констатация (этот репрезентатив засвидетельствован при утверждении определенных аксиом, неоспоримых для православного человека суждений и мнений. Констатация несет фактуальную или концептуальную (или модальную) информацию): *Сейчас настало время проявить и терпение, и смирение, и тогда Господь избавит нас от той великой скорби, которая пришла на нашу землю* (протоиерей Александр Мужиченков);

- признание (в отличие от других типов дискурса, для православного не характерно употребление признания как репрезентатива преимущественно потому, что проповедник выступает от МЫ-группы, поэтому признание может использоваться в двух формах – как исповедь своей греховной природы перед Богом от всех православных христиан или как рассказ от исторического или мнимого лица и признание им своих грехов в роли поучения): *«Мои мысли – не ваши мысли, – говорит Господь, – и Мои пути – не ваши пути»* (см. Ис. 55:8). *Неспособен человек своим ограниченным разумом постичь премудрость Божественного замысла о мире и о человеке* (патриарх Кирилл);

- описание (священник последовательно и развернуто иллюстрирует исторические события, явления, духовное состояние человека и др.): *А всплеск веры православной, огромный рост религиозности во время Великой Отечественной войны – ведь и он*

происходил именно в том пространстве, в котором человек осознает свою уязвимость, неспособность спастись от беды. Именно в годину испытаний возрастает религиозное чувство, и это свидетельствует о том, что люди остаются способными верить в Бога (патриарх Кирилл).

Директивы, с ориентацией от высказывания к действительности, побуждающие адресата делать / не делать что-либо, предполагают наличие у священника соответствующей риторической цели, а их пропозициональное содержание всегда состоит в том, что адресат совершит / не совершит некоторое действие в будущем. Директивы направлены на изменение поведения и линии мировосприятия мирянином в соответствии с церковными канонами и традициями. Директивы по прагмасемантическому критерию делятся на инъюнктивы и реквестивы, где инъюнктив определяется как предложение-приказ, а реквестив – как предложение-просьба [4, с. 67]. Другие авторы причисляют к директивам также советы или адвисивы, а также квеситивы [4], отличающиеся от собственно директивов тем, что побуждают адресата к осуществлению вербального действия (ответа). В частности, прямые директивы-инъюнктивы представлены предложениями побудительной структуры, которые содержат глаголы в повелительном наклонении, косвенные директивы-инъюнктивы, представленные предложениями повествовательной структуры, в которых есть глаголы с побудительной семантикой.

В православной проповеди можно выделить такие подтипы директивов:

- просьба (чаще всего священник обращается с просьбой к Богу и его святым о спасении души, молитвенной помощи, реже священник адресует свою просьбу мирянам или абстрактному адресату, чтобы люди опомнились, прекратили совершать свои злодеяния и открыли глаза и принесли Богу покаяние): *Его молитвами да хранит Господь Русь Святую, все государства на просторах этой Руси, весь наш исторический русский народ, который, живя сегодня в разных странах, по-разному себя именует, но это тот самый народ, который был просвещен светом Христовой истины трудами множества святых, начиная с апостола Андрея Первозванного, – исповедников, мучеников, святителей, утвердивших веру православную в исторической памяти и в сегодняшней жизни нашего народа. Их же молитвами да хранит Господь всех нас!* (патриарх Кирилл);

- запрет (во время проповеди даются жизненные советы, как нельзя себя вести, в виде запрета или в форме императива повеление не совершать то или иное действие): *Но это не означает, что каждый человек получает и усваивает этот Божественный дар, потому что благодать никого не лишает свободы. Не хочешь – не принимай!* (патриарх Кирилл);

- советы (указание, как действовать при определенных обстоятельствах, помощь в понимании священных текстов и т. п.): *Для того чтобы мы укрепились духом, сосредоточились, не позволяли своим эмоциям выплескиваться и обижать окружающих нас людей, нам и надлежит сегодня вспомнить о подвиге апостола Андрея, просветителя Руси, просветителя всех племен, которые жили на нашей земле и которые объединились в великую державу Российскую* (патриарх Кирилл);

- призывы (акцентируется внимание на необходимости для верующего определенных действий в его жизни, участия в таинствах, сюда относятся также слова ободрения): *Это напоминание всем родителям, особенно тем, кто крестил своих детей: вы должны приводить их в храм, это прямой долг каждого родителя* (патриарх Кирилл).

- комиссивы (ориентированные, как и директивы, от выражения к действительности, используются адресатом с целью связать себя обязательством делать / не делать что-либо, предполагают наличие у него соответствующего намерения, желания. В православной проповеди не используются традиционные комиссивы-обещания, клятвы или гарантирования. Кроме того, проповедник от своего лица не имеет полномочий что-то обещать, кроме возможности спасения души в церкви, может гарантировать, что истина содержится именно в рамках православного сообщества:

Также мы научаемся в храме через слышание слова Божия, через проповедь, но, самое главное, мы получаем в храме особый дар благодати, без которого трудно идти по жизни (патриарх Кирилл);

- экспрессивы (являются выражением определенного эмотивного, психологического состояния священника, который этими чувствами олицетворяет не свои индивидуальные мысли, а Соборное отношение церкви к определенной теме проповеди. Сюда также относятся экспрессивы, которые не являются эмотивным воздействием на слушателя, а становятся стандартными этическими нормами общения, например, благодарностью, поздравлениями, извинениями, обращением и т. п.): *С праздником Рождества Христова!* (патриарх Кирилл).

Декларации – отличаются от других проанализированных параметром связи с неязыковыми институтами и спецификой соответствия между высказыванием и действительностью: объявляя (декларируя) определенные явления, состояние дел, речевой акт декларации тем самым и делает его существующим в реальном мире. Примерами деклараций в православной проповеди является объявление праздников, объявление о начале постов, отлучение от церкви, рукоположения в священника и т. д., например: *Возблагодарим Господа за все то, что Он явил нам, и испросим у Него помощи свыше, дабы, опираясь на эту Божественную помощь, мы могли достойно противостоять болезни, которая так тяжело сказалась на жизни всего человеческого рода* (патриарх Кирилл).

Метакоммуникативы представляют использование языковых средств для регулирования общения, существуя при этом как составляющие фатической метакоммуникации, «в которой реализуется фатическая функция языка – предназначенность языковых средств к установлению, поддержке и размыканию речевого контакта» [3, с. 78]. Фатические метакоммуникативы делятся на три группы в зависимости от их направленности на формирование, поддержание, размыкание вербального контакта. Эти группы обозначаются терминами инхоативные, процессные и финитные высказывания. Так, инхоативная фаза нацелена на установление контакта и поддержание связи в большой социальной группе; процессную фазу следует считать главной по передаче информации; финитная фаза «закрывает коммуникативный акт, закладывает предпосылки для последующих действий» [3, с. 118].

В православной проповеди инхоативные элементы употребляются проповедником для налаживания контакта и для готовности мирян воспринимать наставления священника, понимать главную интенцию его сообщения, например: *Взглянем, братья и сестры, на лик великого угодника – Предтечи и Крестителя Иоанна* (митр. Владимир (Сабодан)). Процессная фаза проявляется в логическом, последовательном изложении мыслей, удержании внимания слушателей, акцентировании главных смысловых моментов проповеди: *Например, тела многих святых на протяжении веков не подчиняются закону природы – тлению... Еще одним примером является уникальный факт мироточения...* (патриарх Кирилл). Среди средств поддержания контакта между проповедником и мирянами зафиксированы:

- предложения с обращениями: *Дорогие братья и сестры, в преддверии Нового года по сложившейся традиции мы совершаем молебен* (патриарх Кирилл);

- вопрос, который контролирует мыслительную деятельность прихожан: *Почему Он не...*

- синтаксические структуры – поясняющие маркеры-идентификаторы: *Но благодаря подвигу святителя Николая и других отцов I Вселенского Собора этой трагедии в IV веке удалось избежать, и сейчас, благодаря догматам I Вселенского Собора, подвигам отцов Никейских, святителя и чудотворца Николая и мы с вами живем в мире, где в центре – Бог* (патриарх Кирилл);

- содержательно пустые структуры – маркеры заполнения пауз, которые свидетельствует о том, что проповедь не является полностью спланированной: *...Наверное, ни к кому не обращается так дерзновенно наш верующий народ, как к Пресвятой Богородице* (патриарх Кирилл).

Финитная фаза завершает общение, фокусируя внимание на ключевых мыслях священника и наставляя прихожан на самостоятельную духовную работу: *Молитвами Пречистой Преподобной Царицы Небесной да хранит Господь землю Русскую, Церковь нашу и всех, кто с верой и надеждой обращает к Ней свою молитву. Аминь* (патриарх Кирилл).

Все элементы речевых актов являются общими и доминантными в реализациях фидеистической стратегии православной проповеди. Влияние индивидуального фактора на элементы речевых актов является значительным: его проявлениями являются разная частотность употребления элементов речевых актов и их неодинаковые характеристики в проповедях разных священников, а также в специфике средств установления / прерывания контакта – нестандартных неэтикетных инхотативных высказываний, однако чаще всего используются шаблонные этикетные финитные высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров : лит.-критич. ст. / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1953. – С. 428–472.
2. Волков А.А. Курс русской риторики / А.А. Волков. – М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2001. – 480 с.
3. Матюхина Ю.В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском 16–20 вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Ю.В. Матюхина. – Харьков, 2004. – 227 с.
4. Огнева Е.А. Когнитивная сцена как формат репрезентации религиозного знания (на материале проповеди митр. Антония Сурожского) / Е.А. Огнева // Научный результат. Серия : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Том. 2. – № 1 (7). – С. 31–38.
5. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бу, 2000. – 352 с.
6. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы : дис. ... д-ра филол. наук / О.А. Прохвятилова. – Волгоград, 2000. – 495 с.
7. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е.А. Селиванова. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
8. Судовцев А.А. Научно-техническая информация и перевод / А.А. Судовцев. – М.: Высш. шк., 1982. – 232 с.

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

PRAGMATICS OF LANGUAGE MEANS OF IMPLEMENTING THE GLOBAL FIDEISTIC STRATEGY IN MODERN ORTHODOX PREACHING

N.V. Leshkova

The article addresses the pragmatics of linguistic means of implementing the fideistic strategy in modern Orthodox preaching. The metatext operators, which foreground the linear structure of the text, are considered. The pragmatic genre elements are analyzed, with their characteristics being defined.

Key words: pragmatics, means, implementation, sermon, priest.

Лешкова Наталия Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

Leshkova Nataliya Viktorovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Gorlovka Institute for Foreign Languages.

Associate Professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

УДК 82.09

**СВЯЩЕННЫЙ ИСТОК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ
(И.А. ИЛЬИН, Н.О. ЛОССКИЙ)**

© 2021 *О.Р. Миннуллин**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье предложен аналитический обзор «философии искусства» И.А. Ильина и некоторых идей Н.О. Лосского относительно ценностной природы художественного творчества. Главное внимание сосредоточено на проблеме взаимоотношений священного начала и эстетически-созерцательной деятельности в творческом акте. В работе проводится апробация применимости идей религиозных философов в качестве инструмента раскрытия смысла поэтического произведения (предложены разборы стихотворений Б.Ш. Окуджавы и Н.А. Заболоцкого). Описанный подход к художественному творчеству определяется как религиозно-аксиологический.

Ключевые слова: священное, прекрасное, русская религиозная философия, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, религиозно-аксиологический подход.

Русская религиозная философия Серебряного века уделяет существенное внимание значению искусства в *событии человека*. В трудах В.С. Соловьева [16], С.Н. Булгакова [2], Н.А. Бердяева [1], И.А. Ильина [7–9], Н.О. Лосского [13] и др. отечественных мыслителей этой поры содержатся оригинальные идеи о смысле и назначении художественного творчества, объединенные мыслью о его неслучайной, незаменимой роли в судьбе человека как духовного существа на пути к самому себе в свете божественного замысла о нем.

В представленной статье мы сосредоточимся на философии искусства двух видных деятелей русского религиозно-философского ренессанса первой половины минувшего столетия: Ивана Александровича Ильина и Николая Онуфриевича Лосского. В наибольшей степени нас интересует проблема соотношения священного истока творчества и исторически обособившегося от сферы сакрального, автономного характера искусства, оформленного в Новое время и существующего в современности.

В характеристиках поэтического у автора «Поющего сердца» неизменно применяется язык описания состояний, связанных с религиозным опытом: человек, воспринявший слово поэта ощущает, встречу со священным; он чувствует, что перед ним нечто, что «существенно, как хлеб жизни, и драгоценно, как откровение» [8, с. 190]. В статье «Что такое искусство?» мыслитель вменяет художнику статус особой ответственности перед Богом за свой дар, за свое творчество. В ильинском понятии *содержание*, лежащем в основании творческого акта, преобладает онтологический компонент, который у философа связан с пониманием творческого состояния как «бытия перед лицом Божиим» [14, с. 284]. «Онтологический корень», «священный родник» искусства мыслитель видит именно в божественном, а не в человеческом. У И.А. Ильина поэт служит «живой тайне Божьей», в этом его призвание, это его «художественный предмет», «одобряющий» форму, определяющий ее. Искусство обладает духовно-священным смыслом, не в узком обрядово-догматическом смысле (светское искусство, по И.А. Ильину, может быть проникнуто «молитвенным духом, религиозным видением» [7, с. 176]).

Священный характер связан с ролью искусства в обретении человеком его будущего полного духовного облика, приближению к состоянию человека в его подобии Богу: искусство способно преобразовать в человеке содержания, определяемые «тёмной глубиной инстинкта», обращать их к свету, «перерождая<...> прожигая их духом... вковывая их в художественную форму» [7, с. 63]. Укажем в качестве примера на античную трагедию, «замешанную» на родственной крови, и очищающую у сопричастного зрителя «через страх и сострадание» (Аристотель) подобные аффективные состояния, т.е. переводящую эту «тёмную глубину инстинкта» в торжество духовной жизни. Для И.А. Ильина в своем пределе художественное творчество и религиозный культ заняты одним делом – «одоухотворением бессознательного», его преобразованием.

В области творчества это реализуется как откровение нового созерцания бытия, нового видения жизни, являющегося в сосредоточенной медитации художника, наконец, переходя от познания к онтологии, – подлинное творчество есть утверждение «нового способа жизни» [7, с. 53] преобразованного человека. Вспомним в связи с этим слова Ф.М. Достоевского из записной книжки («Маша лежит на столе...») о том, что «человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» [5, с. 173]. Чувство прекрасного в свете религиозной философии подготавливает и подвигает человека в приближении к будущей должной осуществиться форме.

Однако автор «Пути к очевидности» принимает не всё искусство, а лишь его часть, руководствуясь, всё-таки, в первую очередь, своим вкусом и мировоззрением, а не стремлением понять всякое художественное явление как оно есть. В этом отношении И.А. Ильин в первую очередь религиозный мыслитель, а не «незаинтересованный» эстетик. Он указывает на разрушительные возможности искусства, ведущие к «распаду и гибели», приводя в качестве примеров модернистское творчество отдельных поэтов (А. Блок), композиторов (А. Скрябин, И. Стравинский), художников (П. Пикассо). Выходит, что «благодатное служение», относимое к «пророческому», классическому искусству не исчерпывает специфики эстетической деятельности в целом. Многое существенное изгоняется И.А. Ильиным из творческой сферы как вредное, а кризис искусства XX века, начавшийся с модернизма, по его мнению, связан с религиозным кризисом.

О такой же ценностной неоднородности художественного творчества в свете религии пишет и русский христианский философ Н.О. Лосский. Вводя философскую категорию «субстанциальных деятелей» (нечто, близкое *монадам* Г.В. Лейбница) в своей работе «Ценность и бытие» (1931), указывает на два возможных направления в их развитии:

- 1) «стремясь к абсолютной полноте бытия, некоторые проявляют бескорыстную любовь к этому совершенству в Боге... они устаиваются обожения»;
- 2) «другие деятели задаются целью достигнуть полноты бытия... вне Бога, путем деятельности по своему плану и самочинному избранию» [13, с. 275].

Субъект эстетического опыта, автор-творец должен быть понят именно как субстанциальный деятель. Ученик и последователь Н.О. Лосского С.А. Минский пишет: «<...> субстанциальные деятели не способны к творчеству из Ничего (это есть прерогатива Господа Бога), они способны к творчеству в смысле того или иного оформления данного им материала и в этом смысле субстанциальный деятель – также творец, хотя и с маленькой буквы «т» [13, с. 393]. Эстетическая активность автора может быть разноректорной, т.е. обладать противоположным бытийным содержанием.

В логике размышлений Н.О. Лосского, опирающегося на свято-отеческую традицию (Блаженного Августина, Дионисия Ареопагита, Фому Аквинского и др.), у творения искусства оказываются все те же две перспективы: «соработничество» Богу или отпадение от Бога и самоутверждение.

К теме утраты обращенности к Творцу, к единству творения в искусстве XX века обращается в «Умирании искусства» сочувственно относящийся к идеям русской религиозной философии В.В. Вейдле: «Художественное творчество исходило в былые времена из всего целиком духовно-душевно-телесного человеческого существа, укорененного в надчеловеческом и сверхприродном<...> Все больше и больше в создании статуи и картины, музыкального или поэтического произведения, как и в их восприятии, вкушении стали участвовать одни лишь эстетические в узком смысле слова, т.е. специализированные, чувственно-рассудочные, относительно-поверхностные, способности человека<...> которые не достаточны сами по себе ни для творчества, ни даже для восприятия творчества» [3, с. 288].

В суждениях об искусстве, принадлежащих к этой духовно-философской парадигме, есть известная правота – требование в подлинном творчестве *всего человека*, но есть и чрезмерная категоричность в понимании самих путей искусства. Справедливо указание на всё возрастающую проблематичность соотнесения художественного творчества (и особенно того, что позиционирует себя как таковое, в сущности, им не являясь) и священного. И неоправданно вынесение художественно-ценностных вердиктов направо и налево. Весьма остро встает вопрос о тенденциозно-вкусовом характере эстетических суждений. Каковы же критерии отделения «благодатного» искусства от деструктивного, ведь субъектом оценки всегда выступает человек? Острота проблемы формулирования критериев здесь едва ли большая, чем в случае с критериями художественности, где камнем преткновения выступает категория *эстетического вкуса*. В данном же случае это усложняется еще и религиозным отношением к бытию и творчеству, «религиозным чувством», которое сложным образом сообщается с чувством прекрасного, но, конечно, не совпадает с ним.

Для И.А. Ильина художественный вкус в пределе связан с «живой религиозностью в человеке» (не догматической, а личной), и отсюда его соотнесение с нравственным началом (понятие «художественной совести»). Религиозный философ ждёт от искусства ответственности конкретного характера. Он требует от художника проникновения в «сокровенную сущность вещей», отыскания «зерна священного» в них. «Воображение» и «выражение», необходимые художнику для создания произведения искусства, второстепенны по отношению к этому главному: «духовное созерцание» ведет веру, философию, науку и искусство.

Порой складывается впечатление, что И.А. Ильин хотел бы, чтобы все искусство было сугубо определенного толка, – и его философ готов практически приравнять к религии, унифицировать разный опыт. Проблема оборачивается тем, что зачастую философ пытается возвысить, «подтянуть» смысл искусства до религии (проведя предварительную ревизию, заранее отбросив всё, что к этому не прилагивается). При чтении отдельных статей возникает ощущение, что само религиозное чувство И.А. Ильин выводит из *созерцания*, понятого эстетически как инобытийный, «вненаходимый» (М.М. Бахтин) опыт. У него именно это *созерцание* – необходимая и главная основа любой духовной активности, в том числе и художественного творчества.

Так или иначе, религиозный философ явственно выступает с апологией строго определенных ценностей и начал, отсюда нескрываемое раздражение в отношении

однозначно не решаемых эстетических вопросов и его порой откровенно риторический пафос (пусть этот пафос, может быть, и питается священными истоками). Идеи И.А. Ильина, связанные с взаимоотношениями искусства и религии, сложно принять целиком, его мысль зачастую оглядывается на религиозную традицию в ее авторитарно-догматическом проявлении. Именно оглядывается, т.к. часто не совпадает с ней и вступает в заметное несогласие: Ильин – апологет христианства и Ильин – эстетик неосознанно расходятся.

Отсюда противоположные упреки, которые высказывают комментаторы религиозно-эстетических трудов философа-публициста. Первую позицию критики можно назвать *ревностно-религиозной*. Критикуя взгляды И.А. Ильина, К.Е. Мурышев пишет, что «есть такие духовные обстояния, которые не вмещаются в художественное произведение. Не существует такой эстетической материи, которая могла бы их понести» [14, с. 287]. Историк философии настаивает, что возможности искусства ограничены сферой чувственного переживания и предельные его способности весьма далеки от той полноты, которую способна открыться в непосредственном религиозном опыте.

Категорически неприемлемыми для него являются, например, размышления о пророчески-мессианской роли А.С. Пушкина [9], сформулированные в известной торжественной речи И.А. Ильина, произнесенной по случаю двухсотлетия со дня смерти поэта: «на этом алтаре, действительно, горел «священный огонь»... К этому пророку, действительно, «воззвал Божий глас»<...> не в смысле поэтических преувеличений или языческих аллегорий, а в порядке истинного откровения...» [9, с. 5]. Осмысление поэзии А.С. Пушкина как некоего «священнодействия», интерпретируемого в контексте христианского мировоззрения, складывается в отечественной филологии в авторитетную традицию. Одним из относительно недавних ее проявлений можно считать монографию Н.П. Жилиной [6]. Прямое приравнивание поэтического искусства к религии, проводимое в речи философа, справедливо представляется критику неоправданным, ложным.

К.Е. Мурышев упрекает И.А. Ильина в том, что он «сознательно воздерживается от рассуждений на тему эсхатологии» [14, с. 289]. Комментатор обвиняет философа в том, что он не доводит до логического предела своих размышлений, вменяет художественному творчеству больше, чем оно способно явить, не указывает искусству его, в сущности, скромного по сравнению с религией места (как это делает, например, о. Сергей Булгаков).

Критика религиозно-эстетических идей И.А. Ильина с другой стороны связана с неприятием его трактовки искусства всецело в контексте сакрального, неприятием проявлений религиозного ригоризма по отношению к свободному творчеству. Так, А.Г. Лавров именует философию искусства И.А. Ильина «оригинальным сплавом феноменологии, исихазма и глубокого православно-мистического канона, пропущенным через ввевшиеся в сознании философа гегельянско-правовые схемы» [11, с. 79] и указывает на опасности его религиозно-идеологизированного подхода: «тенденциозность, чрезмерный морализм» и даже «опасность стать орудием политики...» [11, с. 77], что, как показывает опыт истории, весьма справедливо. Для первого комментатора философия искусства Ильина непоследовательно и, в конечном счете, недостаточно религиозна, для второго – она избыточно религиозна. Но в некотором отношении критики с разных сторон говорят об одном и том же: искусство – это не религия.

Примечательно то, что об этом время от времени напоминает читателю и самому себе и сам русский философ. Мыслитель, чье художественное чутье, интуиция прекрасного, несомненны, о чем свидетельствуют его глубокие и точные разборы произведений, порой как бы спохватывается в своем религиозном пафосе и говорит о неустранимой специфичности духовного опыта в эстетическом созерцании: «произведение искусства измеряется... особым критерием совершенства... не «умственно-мысленно-познавательным»; не «нравственно-добродетельно-праведническим; не «гражданственно-лояльным» или «прогрессивно-социальным» и не «догматически-вероисповедально-религиозным»; а особым – художественно-эстетическим, не сводимым и не разложимым на их элементы» [7, с. 116]. Приходится констатировать, что целостной теории религиозного понимания искусства, в которой бы сложились четкая система его понимания, И.А. Ильину выстроить не удалось. Однако и преуменьшить ценность многих его идей и интуиций в этой области нельзя. Здесь остается лишь повторить знаменитые слова платоновского Сократа, что «прекрасное трудно» («Гиппий больший»).

Наиболее определенно свое понимание взаимоотношений искусства и религии И.А. Ильин выразил, обратившись к метафоре художественного произведения как *риз*ы, облакающей божественное, Истину, в чувственно-воспринимаемые формы: «не следует думать, будто “риза” есть не более, чем праздничная ткань, лежащая в случайных, более-менее приятно выглядящих складках... нет, за одеждою скрыто главное: она есть *его* одежда, *его* облачение или риза... всё чувственное, внешнее есть лишь верный знак прорекающей через него главной тайны» [7, с. 54–55]. И.А. Ильин настаивает, что идея самоценности формы в искусстве зачастую трактуется однобоко: форма обладает ценностью именно и только как форма *главного*, форма содержания, превышающего узко понятое эстетическое как только особым образом чувственно переживаемое. В чувственном опыте созерцания прекрасного открывается бытие в его священном смысле, в прямой связи с Творцом (это «огонь, мерцающий в сосуде», Н.А. Заболоцкий), эстетическая форма являет перспективу приближения к сакральному содержанию.

Весьма точно об этом говорит уже упоминавшийся ранее В.В. Вейдле: «Искусство можно рассматривать как чистую форму; беда в том, что как чистую форму его нельзя создать. Без *жажды* поведать и сказаться, выразить или изобразить не бывает художественного творчества» [3, с. 277]. Естественно, что и рассматривание искусства, ограничивающееся формой, неполно и одномерно. Эта «духовная жажда», в ответ на которую является шестикрылый серафим в пушкинском «Пророке», томление поэта и художника, составляющие исток творчества и ведущие его, определяющие оформление материала, принадлежит не эстетике, хотя и обнаруживают в себе ее законы. Однако само формотворчество есть уже действие содержания, его воплощение. Именно артикуляции содержание впервые обретает свою определенность и впервые вполне является.

Форма в произведении искусства метонимически свидетельствует о сверхчувственном содержании, ясно являя его контуры, очертания через набрасывание чувственно-воспринимаемой материи, т.е. утаивая, скрывая облачением, форма на самом деле, являет и обнажает тайну бытия. Отсюда и метафора творчества как *художественного тайноведения* у И.А. Ильина.

Донецкий литературовед А.А. Кораблев размышляет о специфике *восприятия* поэтического творчества, опираясь на круг идей, близкий к религиозному мыслителю, о котором шла речь. В статье «Кожаный путь» [10, с. 41] филолог пишет, что рецепция

поэзии дает инобытийный опыт, который остаётся с телесным человеком: «Читающий как бы перевоплощается из своей – физической, жизненной, телесной – оболочки в иную – метафизическую...» [10, с. 43]. Через поэтическую форму читатель входит в пространство духа. Время чтения, будучи частью времени жизни, а значит, прямым опытом бытия, а не только чувственным переживанием, преображает человека, перенося его во вневременной, сверхтелесный план. Речь здесь идет уже не о рецептивной эстетике, а о своеобразной *рецептивной онтологии* художественного творчества.

Сам механизм этой рецептивной онтологии осмыслен следующим образом. Телесность – это «кожаные одежды» Адама, изгоняемого из рая, по метонимическому принципу принимающие на себя смысловую полноту всего человека в духовном измерении. Духовное не утрачивается, но существует теперь в такой опредмеченной, телесной форме. Эта «одежда» символически выражает то, что она облекает, т.е. она способна выявлять и внутренний смысл облекаемого.

Восприятие художественного произведения, чтение, дает подобный опыт обретения *тела*. Мыслитель трактует художественную образность как особую телесность в неоплатоническом духе, телесность, в которую облекается читатель, а катарсис может быть истолкован как некое эстетическое «воскресение в телах». Эта телесность в свою очередь тоже существует в форме сотканной одежды – текста (лат. *textus* – ткань). Текст – одежда образа, но все же, говоря словами поэта А.С. Кушнера, сказанными по другому поводу, – это «кожа, а не платье».

Приведем небольшую художественную иллюстрацию идеи соотношения духовного смысла и его внешнего облачения, обратившись к стихотворению Б.Ш. Окуджавы «Старый пиджак» [15, с. 201]:

Я много лет пиджак ношу.
Давно потерял и не нов он.
И я зову к себе портного
И перешить пиджак прошу.

Я говорю ему шутя:
«Перекроите все иначе.
Сулит мне новые удачи
Искусство кройки и шитья».

Я пошутил. А он пиджак
Серьезно так перешивает,
А сам-то все переживает:
Вдруг что не так. Такой чудак.

Одна забота наяву
В его усердьи молчаливом,
Чтобы я выглядел счастливым
В том пиджаке. Пока живу.

Он представляет это так:
Едва лишь я пиджак примерю –
Опять в твою любовь поверю...
Как бы не так. Такой чудак.

1960

В этом произведении образ потертого пиджака метафорически соотносится с образом судьбы лирического героя, его мироощущением, у поэта чаще всего это образ русского интеллигента советской эпохи, что, в общем-то, в данном стихотворении специально не выделено. Просьба «перекроить все иначе», несмотря на иронию, с которой она произнесена, прочитывается как желание изменить сложившуюся жизнь, а «искусство кройки и шитья» становится тайно действенным опытом преображения судьбы.

Подобное соотнесение одежды и человека в его ситуации (социально, психологически и экзистенциально определенной), реализуемое через символизацию, традиционно для русской литературы («Шинель» Акакия Акакиевича у Н.В. Гоголя, халат Обломова в романе И.А. Гончарова, «Шапка» В.Н. Войновича и др.). Внешняя форма через особое художественное отождествление открывает сущность внутренней жизни, оказывается энтелехийно неотделимой от него, как тело от души («душа – это энтелехия тела», Аристотель).

Образ портного, которого призывает лирический герой, того, кто способен чудесным образом изменить всё, может быть понят как фигура *другого*, в пределе это поэтический образ бога-мастера (в духе Ренессанса), который в «усердии молчаливом» занимается перешиванием пиджака, чтобы обратившийся к нему обрел счастье – у Окуджавы «*выглядел счастливым*» (казался). Он надеется воскресить в герое любовь (*поверил*): именно в воображении этого мастера к герою возвращаются любовь и счастье («*Он представляет это так...*»).

Безусловно, в стихотворении Окуджавы отношения кажущегося и наличного бытия, воображаемого и действительного, фантазии и жизни весьма драматичны и неоднозначны. Это стихотворение само по себе составляет и художественно сформулированный вопрос о творчестве, о его возможностях и *онтологических пределах*. Но шутливо-скептическое определение лирическим героем своего портного как «чудака», несмотря на облегченно-иронический модус интерпретации сюжета, что отчасти продиктовано жанром эстрадной песни, все-таки не отменяет и его потенциальную интерпретацию как «чудотворца». Уже «примерка» включит воображение героя, изменит его самоощущение, и оживит мысль о любви. При всей наивности этого допущения – одежда оказывается способной дать герою новое *ощущение бытия*. Отрицание этого в финальной строке звучит нетвердо, словно герой готов погрузиться в раздумья, сомнения, воспоминания, т.е. его трансформация уже началась, и она отзывается в читателе (слушателе) как «затронутость» этим событием.

И.А. Ильин говорит о первостепенности в творческом акте «божественного предмета», священного содержания, который определяет сам творческий процесс, саму художественную форму и, в общем-то, философ отказывает искусству в какой-то исключительности его путей в приближении к этому божественному началу: «Все эти предметные обстоятельства сами по себе *не* художественны и доступны *не только* художникам. Они могут быть восприняты актом иного строения – актом религиозным, философским, нравственным или познавательным» [7, с. 146]. Не в смысле того, что *одно и то же* содержание может явиться в разном духовном опыте и быть оформлено по-разному – здесь никакого буквального тождества быть не может, – а в том смысле, что божественное открывается не только художнику.

Стремясь предельно развести понимание эстетической формы и священного содержания, в теории И.А. Ильин слишком механистично разделяет творческий акт на переживание содержания и его оформление. Он пишет, что художник «облекает в образы некоторые нечувственные существенности, которые он сначала испытывает

духом, «видит» духовно-нечувственным воображением. В этом основная природа искусства» [7, с. 98]. Классическая эстетика, однако же, традиционно описывает само оформление, артикуляцию, как предельную и единственно возможную актуализацию содержания, когда нет никаких *до* и *после*. Обязательность формы, ее единственность и способность явить только в себе, в самом акте оформления, то, чему должно явиться, многократно и глубоко осмыслена. Пока содержание не оформлено, оно и не вполне пережито, не вполне является тем, чем оно явится в процессе эстетического завершения. По-видимому, ощущение такой механистичности, связано с самой по себе попыткой максимальной формализации анализа творческого акта и божественного откровения (через диалектику), которые до конца не поддаются подобному способу описания.

Представленным размышлениям соотношений «формы и содержания» в художественном событии созвучны идеи русского феноменолога А.Ф. Лосева: «Тайна искусства... заключается в этом совмещении невыражаемого и выражения, смыслового и чувственного, “идеального” и “реального”<...> Лик художественной формы сияет этими подвижными и устойчивыми, как бы вращающимися сами в себе световыми лучами смысла, смысловыми... энергиями невыразимого» [12, с. 198]. Форма понята как возможность высшего содержания воплотить и открыться миру через человеческое сознание. Она является важным фактором идентичности произведения – его тождества самому себе при неизбежной естественной изменчивости его прочтений и всевозможных исторически обусловленных трансформациях в его интерпретации, при всех изменениях его «жизни» в культуре. Форма соотносима с существенной задачей творчества – воплотить духовный опыт в осязаемую материю, когда само существование произведения и есть акт воплощения, дающий возможность переживать данный феномен как *длительность*. До оформления и вне оформления этот опыт есть лишь «смутное томление», предчувствие, но томящийся и предчувствующий еще не творец. Только артикуляция смысла, выражение, раскрывает его вполне и удовлетворяет художника, потому что *допускает* к этому опыту *другого*, делает встречу возможной для *другого*, открывает ему путь «непосредственного созерцания и опознания чужого бытия» (Н.О. Лосский [13, с. 271]). Таким образом, искусство преодолевает дискретность существования, разрывы в бытии.

Близкими к идеям И.А. Ильина являются размышления о ценностной природе творчества, предложенные Н.О. Лосским в его религиозно-аксиологической теории. Оправдание всех видов ценностей он усматривает в причастности высшей полноте бытия, Богу, который и есть основание бытия как ценности, и художественное творчество осознается им в этой же перспективе: для религиозного сознания «положительная ценность есть бытие в его значении для приближения к Богу и к Божественной полноте бытия» [13, с. 265]. Но даже благодатное искусство, обращающее к своему священному истоку, на первый взгляд, тем не менее, не сам исток, не то, что И.А. Ильин называет *духовным предметом*, а только *путь* к нему. Однако, согласно Н.О. Лосскому, способность подлинного художественного произведения и открывающегося в нем состояния к приближению человека к абсолютной ценности *онтологизирует* творческий акт. Чувственное переживание полноты бытия в образе искусства – эстетическая ценность – потому также есть бытие, а потом уже дело, причем бытие определенного качества.

Н.О. Лосский опирается на понятие философии В. Штерна *лучевая ценность* – то, в чем раскрываются первичные ценности. Например, любовь к ближнему не *средство* обретения какой-либо еще высшей ценности (например, абсолютной полноты бытия), а

составляющая этой высшей ценности, частичность, обращенная к Абсолюту, поэтому она – «самоценность», но не в каком-то изолированно-обособленном отношении, а в смысле причастности превосходящему началу.

Это же понятие *лучевой ценности* стоит, по Н.О. Лосскому, распространить и на прекрасное в искусстве. Религиозный мыслитель пишет: «Так же, как любовь, неразрушима красота и подлинное переживание ее хотя бы в том виде, как оно доступно нам в психоматериальном царстве» [13, с. 304]. Специального анализа эстетических ценностей в работе «Ценность и бытие» Н.О. Лосский не предлагает, но примеры из области литературы и искусства здесь он приводит неоднократно. Мыслитель обращается к творчеству Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»), Л.Н. Толстого («Казачество»), музыке Бетховена, живописи Рафаэля («Сикстинская мадонна»).

Н.О. Лосский пишет, что ценно каждое «приближение к абсолютной полноте бытия, хотя бы самое отдаленное, видение Божественного бытия как бы “через зеркало в гадании”» [13, с. 265]. Эти слова апостола Павла из «Первого послания Коринфянам», приведенные русским философом, могут быть отнесены и к искусству. Обладает ли ценностью само это «зеркало», само «тусклое стекло», через которое способен созерцать Истину и Красоту человек в своем настоящем состоянии (не «лицом к лицу»)? Ценно ли искусство само по себе или его ценность сводится к служебной по отношению к религиозному опыту, опыту откровения, встречи со священным?

На первый взгляд, в особенности для религиозного мировоззрения, такой самостоятельной ценности нет. Это, в частности, и приводит многих философов, опирающихся, в общем-то, на метафизическую платформу, в конечном отказе эстетическому от собственной специфической ценности, своего особого содержания. Кажется, что вся ценность художественно-творческого акта состоит в приближении к некому высшему бытию, открывающемуся за стеклом, за «магическим кристаллом» (А.С. Пушкин) искусства. Поэтому особенно носиться с этим «тусклым стеклом» и тем более как-то абсолютизировать его значение не стоит. Но, по-видимому, в той ситуации, в которой пребывает человек сейчас, и, учитывая способности его духовного зрения в этом положении, предшествующем явлению человека в его полном воплощении, самораскрытии, без тех или иных «тусклых стекол» не обойтись. Стало быть, призма искусства – хоть и инструмент – но такой, который основывается в своей ценности на абсолютной полноте бытия, инструмент, без которого, выходит в человеческой ситуации не обойтись.

Более того, эстетический опыт открывает бытие в таком аспекте, в котором никакой другой опыт открыть его не может. Здесь священное способно выступать как прекрасное. И сведение переживания прекрасного в творческом акте невозможно адекватно истолковать в чисто инструментальном, служебном отношении. Нечто незаместимое есть в нем самом. Словом, идея понимания прекрасного как лучевой ценности священного наиболее точно выражает характер субординации разных начал в свете религиозно-аксиологического подхода к творчеству.

Обратимся к знаменитому стихотворению Н.А. Заболоцкого «Некрасивая девочка», где проблема отношения формы и содержания (и открывающаяся за ней перспектива соотношения прекрасного и священного) поставлена весьма остро и составляет одну из главных тем стихотворения. В «Некрасивой девочке» автор утверждает идею того, что смысл красоты сокрыт в глубине, что красота есть некоторая внутренняя духовная составляющая человека. За внешней некрасивостью (тем более выразителен контраст) спрятан «красивый» духовный мир, духовная чистота человека,

не знающего «ни тени зависти, ни умысла худого», и это глубинное внутреннее содержание заполняет все в этом человеке, захватывая, в конечном счете, и форму. Здесь подлинное прекрасное содержание как бы проступает через внешне несовершенную оболочку. Поэтому при «худой рубашонке» (внешней оболочке) девочка не знает «худого умысла» (зла, недостатка духа, неполноты, ущербности внутренней жизни).

Ситуация «чужой радости», которая для этой девочки, «как своя», подчеркивает отсутствие ясной границы «я» и «другого», отделения внутреннего мира от внешнего. Форма (внешнее) оказывается во власти содержания, поэтому, несмотря на «некрасивость», в движениях девочки уже «сквозит» (доносится из глубины и уводит в глубину) «младенческая грация души». Форма здесь, говоря на богословском языке, *одухотворена*. В финале стихотворения героиня оборачивается своеобразной «нимфой», прекрасным дитя природы: ее глубинная сущность окончательно захватывает внешнюю форму и определяет ее свойства. Здесь «некрасивость» сменяется грациозностью – безусловно, эстетической характеристикой, поддерживаемой явственно ощутимой нарастающей музыкальностью:

Младенческая грация души

Уже сквозит в любом ее движении...

Приведем слова святителя Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого), размышляющего о проявлении внутренней духовной жизни в наружности человека: «Не только глаза – зеркало души, но и все формы тела, его движения соответствуют душе, духу» [4, с. 49] человека. Глаза девочки как раз и не даны в ее портрете у Н. А. Заболоцкого как некая сокровенная тайна, прямая встреча с которой разрушила бы равновесие, говоря языком М. Хайдеггера, *явленности* и *сокрытости* в произведении искусства. Через восприятие грации движения извне глядящий субъект сознания и речи стихотворения окончательно проникается глубиной внутренней жизни девочки и созерцает прекрасный мир духа.

До определенного момента «красота» некрасивой девочки сосредотачивается в этической сфере – речь идет о ее духовно-нравственной чистоте, проистекающей из свободного выявления природных сил, говорится о ее способности радоваться бытию как таковому, ощущать «чужую радость» «как свою». Затем автор моделирует ситуацию предстоящей жизненной драмы этой девочки – дескать, чистота неизбежно исчезнет, героиня поймет, что «она всего лишь бедная дурнушка». Хотя лирический субъект и говорит, что ему хочется верить, что этого вмешательства мира в чистую душу не произойдет, в самой интонации заложена горечь и понимание неотвратимости столкновения грубого внешнего мира и чистоты, внутренней красоты девочки. Это пронизанное болью глубоко человеческое желание автора верить, что «сердце не игрушка...», что нравственную чистоту не истребить, и сознание реальной неотвратимости кризиса этого состояния, сознание уязвимости, хрупкости внутренней красоты в совокупности создают мощное этическое напряжение и преодолевающий его сильнейший художественный пафос. В результате «камень» действительно «перетапливается» и красота, идущая *de profundis* (из глубины), торжествует, а читатель ощущает жар таинственного «огня внутри сосуда», дух освящает форму изнутри.

Здесь вполне уместно привести рассуждения о духовно-нравственной человека красоте и красоте «неорганического мира» уже упомянутого святителя Луки (Войно-Ясенецкого): «...если так очевидно, что в этих формах нравственной красоты и безобразия мы реально воспринимаем излучения духа красоты и духа злобы, волнующие сердца наши, то не вправе ли мы сказать, что в основе тех глубоких

духовных восприятий, которые получаем мы от красоты и безобразия форм неорганической природы, лежат подобные же воздействия на нас духовной энергии, присущей всей природе?» [4, с. 51]. Это сказано о «красоте в природе», но саму мысль о том, что «дух творит форму» подкрепляется у В.Ф. Войно-Ясенецкого размышлениями о живописи Леонардо да Винчи, об искусстве как некотором продолжении действия того же духа, сотворяющего красоту природы в человеческом творчестве.

Главное художественное событие происходит не в душе девочки, а в воображении лирического «я», точнее, в созерцании творца, который с такой мощью пропевает победоносный гимн красоте, нравственной, в первую очередь, но и любой вообще красоте. Этот «чистый пламень», который автор вдохнул в свою героиню, при этом сам по себе является вместилищем авторского мирозерцания. Творец оказывается способен перетопить камень, обжечь глину, утверждая веру в человека, в котором присутствует образ и подобие высшего начала.

В эту веру вовлекается и читатель, переживающий художественное событие «Некрасивой девочки» как опыт *причастности* и в конечном итоге опыт *своего* бытия. Читатель не столько обнаруживает смысл, сколько осуществляет его в ситуации сопереживания. Постигание произведения предполагает «открытие» самого читателя, его *самоактуализацию*: «...любуюсь целостностью фрагмента мировой жизни (произведением искусства. – О.М.), мы ее «возводим» к космической цельности миропорядка... В такие моменты человеческое «я» становится вполне самим собой, озаряется внутренним светом самоактуализации» [17, с. 60]. Будучи захваченным произведением, «втянутым в историю» и претерпевая некоторое «преображение», читатель, возвращаясь к себе, застаёт себя измененным. Самораскрывающееся бытие в произведении захватывает реципиента и трансформирует его, по крайней мере, на время художественного *со-бытия*. Дальнейшее – открытый вопрос индивидуального соотношения опыта переживания явленного идеала полноты завершённого в произведении бытия и реальной незавершимости, открытости жизни. Выходя из области художественного контакта, *причастившись* полноте бытия, воссозданной в произведении искусства, читатель на мгновение видит ситуацию своего частного бытия совсем другим зрением.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем первостепенную роль священного истока в событии искусства, которая всесторонне осмысливается в русской религиозной философии (в частности, в трудах И.А. Ильина и Н.О. Лосского). Общая плодотворность философско-эстетических идей и самого религиозно-аксиологического подхода к смыслу художественного творчества подтверждается предложенной аналитикой. При этом *всецело* принять весь спектр предложенных религиозными мыслителями эстетических идей едва ли возможно в силу того, что риторический компонент рассуждений (особенно у И.А. Ильина) порой откровенно затушевывает неподатливость отдельных эстетических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев; вступ. Статья Л.В. Полякова. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения // Булгаков С.Н. Первообраз и образ: в 2 т. – Т. 1; предисл. И.Б. Роднянской. – М.: Искусство, 1999. – 416 с.
3. Вейдле В.В. Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества / В.В. Вейдле. – Париж: Типография Линтера и Мореля, 1937. – 138 с.

4. Войно-Ясенецкий В.Ф. (Святитель Лука) Дух, Душа и тело / В.Ф. Войно-Ясенецкий. – М.: Образ, 2011. – 130 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений / под общ. ред. В. Г. Базанова и др.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 20: Статьи и заметки 1962–1965. – 432 с.
6. Жилина Н.П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: монография / Н.П. Жилина. – М.: ИТРК, 2017. – 320 с.
7. Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 6, Кн. 1 / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга, 1996. – С. 51–182.
8. Ильин И.А. Поющее сердце: Книга тихих созерцаний / И.А. Ильин. – М.: Даръ, 2013. – 320 с.
9. Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина / И.А. Ильин. – Рига: Русское академическое общество, 1937. – 47 с.
10. Кораблев А.А. Пределы филологии: монография / А.А. Кораблев. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2008. – 261 с.
11. Лавров А.Г. Философия искусства И.А. Ильина / А.Г. Лавров // Челябинский гуманитарий: Философия, социология и культурология. – 2010. – № 2 (11). – С. 74–80.
12. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1995. – 940 с.
13. Лосский Н.О. Ценность и бытие: Бог и царство Божие как основа ценностей // Бог и мировое зло / Н.О. Лосский; сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А. А. Яковлев. – М.: Республика, 1994. – С. 250–314.
14. Мурышев К.Е. Философия художественного творчества И. А. Ильина / К. Е. Мурышев // Вестник РГГУ. – Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2011. – № 15 (77). – С. 281–290.
15. Окуджав Б. Ш. Стихотворения / под ред. А. С. Кушнера и др.; вступ. Статья Л.С. Дубшана и Д.В. Сажина. – СПб: Академический проект, 2001. – 715 с.
16. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 73–90.
17. Тюпа В.И. «Теория литературы Два» как гуманитарная угроза / В.И. Тюпа // Вопросы литературы. – 2019. – № 1. – С. 52 – 66.

Поступила в редакцию 27.12.2020

**SACRED SOURCE OF ART IN THE CONTEXT OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY
(I.A. ILYIN, N.O. LOSSKY)**

O.R. Minnullin

The article deals with the analytical review of the “philosophy of art” by I.A. Ilyin and N.O. Lossky. The focus is made on the problem of the relationship between the sacred principle and aesthetic-contemplative activity in the creative act. The contribution is aimed at verifying the applicability of the religious philosophers’ ideas as a tool for revealing the aesthetic message of a poetic work (based on the poems by B. Okudzhava and N. Zabolotsky). The suggested approach to artistic creativity is defined as religious and axiological.

Key words: sacred, beautiful, Russian religious philosophy, I.A. Ilyin, N.O. Lossky, religious-axiological approach.

Миннуллин Олег Рамильевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: papulia@yandex.ru

Minnullin Oleg Ramilevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor at Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: papulia@yandex.ru

УДК 81'373.2

ДЕНОТАТЫ, РЕФЕРЕНТЫ, ОНИМНАЯ НОРМА, ИЛИ ФЕНОМЕН В.М. КАЛИНКИНА

© 2021 В.И. Мозговой

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Анализируется правомочность современных способов именования с точки зрения сущности объекта номинации. Описываются виды денотатов в различных разрядах нарицательных и собственных имён, которые определяют специфику их нормативного выделения в официальном контексте (общего, онимного, юридического). Указываются причины и последствия употребления ошибочных форм онимотворчества. Определяются способы и критерии их распознавания и механизм преодоления в социально-правовой практике.

Ключевые слова: денотат, референт, собственное имя, имя нарицательное, номинативный процесс.

Введение: Современное состояние номинативного процесса, сопряжённого с неконтролируемой сменой собственников, вряд ли можно считать удовлетворительным. Онимная лексика, подверженная страсти к «обновлениям» и переименованиям, изменяет саму идеологию онимизации, изначально направленную на передачу социально-адресного и культурно-исторического кода грядущим поколениям. Устойчивость и консерватизм онимного фонда – факт в таком случае безусловно прогрессивный, обеспечивающий сохранение онимосферы как продукта развития цивилизационной культуры, истории и права. Смена именований по идеологическим или каким-либо иным субъективным соображениям может удовлетворить поэтому разве что временщиков, стремящихся явными или неявными способами выделить не объект, а себя в нём в качестве главного собственника и «творца» истории:

– **Руководитель** учредителя образовательной организации И.И. Иванов (министр образования);

– **Государственное** образовательное **учреждение** высшего профессионального образования «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк (не университет, а учреждение);

– **Державний вищий навчальний заклад** «Донецкий національний технічний університет», г. Красноармейск (не университет и не Донецкий) и т. п.

Отношение к нормам официального именования можно с большой долей уверенности квалифицировать как дилетантское.

– рус. **Екатерина** > укр. **Катерина**, рус. **Афанасий** > укр. **Опанас**;

– укр. **Чепурний** > рус. **Чепурной**, укр. **Білоусенко** > рус. **Белоусенко**;

– рус. **Набережные Челны** (Россия) > укр. **Набережні Човни**;

– рус. **Еленовка** > укр. **Оленівка** (Украина) > рус. **Оленовка** (ДНР);

– рус. **Железнодорожная** больница при станции **Донецк** (СССР) > укр. **Дорожня** лікарня при станції **Донецьк** (Украина) > рус. **Дорожная** больница при станции **Донецк** (ДНР) и т. п.

Высшим проявлением дилетантизма являются инициируемые властными структурами идеологические переименования и восстановления, не учитывающие реальные отношения, сложившиеся в социальной практике:

– кр. Бахмут (Русь) – г. Бахмут (Россия) – г. Артёмовск (СССР) – м. Артемівськ (УССР) – м. Бахмут (Украина) // г. Артёмовск (ДНР);
 – г. Тверь (Россия) – г. Калинин (СССР) – г. Тверь (РФ);
 – ул. Николая Островского (г. Славяногорск, УССР) – вул. Івана Мазепи (г. Святогорск, Украина);
 – ул. Щорса (г. Киев, СССР) – вул. Євгена Коновальця (г. Киев, Украина);
 – Крещатицкая площадь (Русь) – Думская площадь (Россия) – площадь Советская, площадь им. М.И. Калинина, площадь Октябрьской революции (УССР) – площадь Независимости // Майдан Незалежності // Майдан (Украина, г. Киев) и т. п.

Подобная «вольность» противоречит природе адресной номинации, сформировавшей нормы обычного права, материализующего главную мысль о необходимости неограниченного во времени закрепления внеязыковой информации о конкретных предметах и явлениях окружающего мира и допускающей её корректировку лишь при изменении освоенной, осмысленной и присвоенной человеком действительности: **председатель Государственного комитета по народному образованию СССР Г.А. Ягодин** > **министр просвещения РФ С.С. Кравцов**; **Донецкий горный техникум** (1921 г.) > **Донецкий горный институт** (1926 г.) > **Донецкий углехимический институт** и **Донецкий металлургический институт** (1934 г.) > **Донецкий индустриальный институт** > **Донецкий ордена Трудового Красного Знамени политехнический институт** (1959 г.) > **Донецкий государственный технический университет** (1951 г.) [2, с. 51–52] и т. п.

Норма в ономастике связана, таким образом, не с чьей-то прихотью, а в первую очередь со структурой самих объектов и их денотатов, отвечающих системе социальных вызовов и изменений, и уже во вторую – зафиксированных с учётом национальной графики, орфографии, грамматики и стилистики языка или речи.

Цель статьи – описать нормы ономообразования и выявить причины и последствия их нарушения, игнорирующих составную структуру собственных имён и предполагающих, что она неделима.

Основная часть: Понятие неделимости собственных имён (СИ) присутствует в тех учебниках и пособиях, где СИ представлены как имена существительные. Тщательно подобранные при этом примеры, иллюстрирующие этот тезис, игнорируют составную структуру онимного образования, якобы потому, что оно отвечает на вопросы «кто?» или «что?»: <девочка> *Наташа*, <начальник цеха> *Д.В. Стукалов*, *Московский государственный университет*, *магазин продуктов «Впрок»*, *Баренцево море*, *Сейшельские острова*, *Республика «Сейшельские Острова»* и т. п. При этом именование может выражаться любыми частями речи, словосочетаниями и предложениями, переданными графикой любого языка:

- нем. *Wien* > рус. *Вена* // польск. *Wiedeń* > укр. *Видень*;
- фр. *Paris* > рус. *Париж*;
- др.-рус. «*Ъ*» («ер») – деловая газета России;
- «*Запад*» – жилищный кооператив в Ростове-на-Дону;
- *граф* (денотат – имя существительное) *Орлов* (СИ – притяжательное имя прилагательное);
- *океан*, *война*, *город* (денотаты – существительные) *Тихий*, *Отечественная*, *Снежное* (СИ – имена прилагательные);
- *фотостудия* (денотат – имя существительное) «*Увидимся*», г. *Донецк* (СИ – глагол);
- *кафе* (денотат – имя существительное) «*Вкусно*», г. *Ялта* (СИ – наречием);
- *рюмочная* (денотат выражен именем существительным) «*То-то*», г. *Харцызск* (СИ выражено местоимением);

– *хозтовары* (денотат – имя существительное) «*От и до*», г. Красный Лиман (СИ – словосочетание);

– *магазин* (денотат – имя существительное) «*Ням-Ням*», г. Донецк (СИ – междометие) и т. п.

Классификация СИ, а затем и методика обращения с ними построена между тем на грамматических характеристиках имени существительного, которые искажают онимную реальность:

а) оценивают не СИ, а денотат, выраженный именем существительным, не обязательно совпадающим с зафиксированным в номинации (так, в названии *сметана* «*Свежие новости*» – денотат не «сметана», а производитель, ассоциирующийся с соответствующей маркой продукции);

б) смешивают в ономастике как СИ, функционирующие в языке и имеющие реальные денотаты (*Докучаевск, Елена, Иван Александрович*), так и вымышленные, существующие в речи и опирающиеся на непредсказуемое количество референтов и коннотаций, зафиксировать которые невозможно: *Докуч* // *Докучка* (г. Докучаевск); *Лена* // *Алёна* // *Олена* (Елена); *Органчик* (персонаж М.Е. Салтыкова-Щедрина); *Хлестаков* (герой комедии Н.В. Гоголя «Ревизор») и т. п.;

в) путают реальные номинации (*Шахта № 19, Донецкий республиканский центр психологической службы образования*) с метафорическими (г. Донецк: *алкомаркет «Доцент»*, *магазин сладостей «Вкусняшка»*), в том числе не являющимися ими, но представленными в закавыченном виде: *Государственное управление «Донецкий республиканский центр психологической службы образования»*;

Корни этих онимных перевёртышей обывателю выявить и понять очень сложно из-за массового внедрения в онимное сознание ложных установок:

а) что СИ – это часть лексической системы языка, а поэтому они, как и обычные слова, должны переводиться (ул. *Советская* – вул. *Радянська*) или подвергаться процедуре эквивалентности, якобы из-за сохранения национальной идентичности (читай «уничтожения»): *Михаил* – *Михайло*; *Анисим* – *Онисько*; *Никитовка* – *Микитівка*;

б) что в структуру СИ входит не только именование, но и его «назначенная приказом» денотативная часть, выраженная любым именем существительным с зависимыми от него словами (*Государственное бюджетное нетиповое общеобразовательное учреждение «Республиканский многопрофильный лицей «Григорьевская школа» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики»*);

в) что кавычки или прописная буква должны сопровождать любые номинации как символ выделения и знак особого уважения к объекту или должности: *Министр здравоохранения ДНР, Донбасс Арена, из города «Шахтёрск»* (ДНР), *Муниципальное образование «Город Пермь Пермского края»* (РФ), *Кафедра «Теоретическая механика»* (ДонНТУ), а дальше, следуя логике, возможно, и *Учредитель образовательного учреждения «Ректор А.Я. Аноприенко»* и т. п.

В результате большинство из собственников или обладателей имени при регистрации принадлежащего ему объекта и даже своей фамилии вряд ли вспомнят полное или «правильное именование», сталкиваясь с массой юридических проблем, которые не могут решить суды: они не владеют правовыми процедурами именования, считая нормой то, что утверждено чиновниками.

Первым оригинальным протестом против онимного безрассудства можно считать позиции донецких учёных (как и многих других!), которые обратили внимание на то, что коннотирующие имена (Е.С. Отин) – не совсем собственные: «Онимы не только способны

выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имён нарицательных». Такие имена он называет *коннотонимами*, а поскольку они обладают коннотацией, то у них должны быть денотаты и референты, которые, обладая вторичными значениями, являются ономастической универсалией, присущей словарному составу любого языка мира [6, с. 5].

Позже эта мысль намного ярче и глубже была развита в теории поэтонимологии, связанной с «феноменом В.М. Калинкина». Вот как представляет эту науку одна из её апологетов К.А. Федотова: «Поэтонимология (от др.-греч. «*λογος*» – «учение») – наука о собственных именах в художественных произведениях. В определённой степени термин «поэтонимология» является синонимом более распространённого понятия «литературная ономастика», однако если в понятие «литературный» можно включить не только художественные, но и любые тексты, в том числе, публицистические и фольклорные, предметом «поэтонимологии» являются только те собственные имена, которые функционируют в художественных авторских произведениях» [7, с. 230].

Феномен В.М. Калинкина проявился в нескольких фундаментальных положениях ономастики.

Во-первых, в отграничении поэтонимов, имеющих прерогативы в речи, от всех других разрядов онимной лексики по следующим параметрам:

«Система собственных имён языка первична. – *Литературные собственные имена являются вторичной семиотической системой, моделирующей первичную.*

Онимия языка детерминирована языковыми и историческими факторами. – *Литературная онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора.*

Основная функция реальных онимов – дифференцирующая. – *У литературных онимов на первое место выдвигается стилистическая функция.*

Общепринятая ономастическая система – явление языка. – *Онимная система художественного произведения принадлежит речи»* [1, с. 82].

Во-вторых, во внедрении в ономастическое пространство понятия референта: «Основное отличие <поэтонима> кроется в свойствах референта собственного имени. Поэтоним всегда и во всех без исключения случаях именуется виртуальный референт, существующий в творческом сознании автора, воссоздающийся им в тексте произведения и воспроизводимый творческим сознанием. Это в равной степени распространяется как на целиком вымышленные автором и поименованные объекты, так и на объекты существующие в действительности и существовавшие в прошлом реальности, поскольку все они в литературном тексте функционируют в виде художественной эстетической (и вторичной семиотической) модели» [1, с. 83]. Добавим к этому, что денотат при этом не мог исчезнуть полностью: он превратился в представление автора о денотате, а референтное значение приобрёл в речи.

В-третьих, главной заслугой «феномена В.М. Калинкина», может быть, не оценённой самим автором, явилось естественное распространение теории поэтонимологии на другие разряды собственных имён. Такая непланируемая распространённость произошла не по принципу их связи с определённым типом денотата (антропонимами, топонимами, ойконимами, эргонимами, гидронимами и т. п., которые существуют как в вымышленной, так и реальной ономастике), а по их соотносённости с собственником.

На этой основе к поэтонимологии может быть «присоединён» и корпус любых внешних интерпретаций, так называемых *внесобственных имён* [3], который в отличие от зарегистрированных поэтонимов «конструируется» непредсказуемым количеством авторов, но как и в случае с поэтонимами имеет одинаковые речевые характеристики:

а) не подвергается регламентации:

– *Михаил* > *Мишаня*, *Мишика*, *Михайло*, *Мии*, *Мишуня*, *Михаэль*, *Мишель*, *Потапыч*;
 – *Ярослав* > *Ярик*; *Герман* > *Гера*;
 – *Харахан* > *Харахандюк* из воспоминаний режиссёра А.Германа; *Славянск* > *Славянск*, *Славик*; *Снежное* > *Снежное*);

б) не имеет права быть перенесённым в категорию классических собственных имён: *Михаил* ≠ *Михайло*, *Днепропетровск* ≠ *Днепр*), за исключением процедуры трансонимизации (*парикмахерская «Мишель»*, кафе *«У Потапыча»*).

Логика «феномена В.М. Калинкина» была постепенно распространена и на класс реальных СИ, выделенных на основе противопоставления к поэтонимам по принципу наличия онимного денотата и способов его именования:

а) с помощью переводимой денотативной группы слов и реального имени, одинаково точно передающим смысл СИ фонетико-графическими и грамматическими символами другого языка:

– рус. **столяр** *Ефрем*, укр. *Єфрем* – русский, но укр. *Охрім*, рус. *Охрим* – украинец;

– рус. **посёлок** *Красная Поляна* – укр. **селище** *Красна Поляна*;

– укр. **місто** *Червона Кам'янка* – рус. **город** *Червонная Каменка*);

– рус. *Донецкая железная дорога* – укр. *Донецька залізниця*;

б) переводимой денотативной группой слов с метафорическим именем, заключённым в кавычки и непередаваемым на другие языки:

– укр. *гастроном «Світанок»* – рус. *«Свитанок»* (г. Макеевка);

– рус. *супермаркет «МоЛоко»* (г. Донецк) – англ. *«MoLoko»*;

в) переводимой денотативной группой слов и ситуативным переводом рекламно-информативного имени:

– магазин *«Бери тут!»* (г. Донецк) – укр. *«Купуй тут!»*;

– кинофильм *«Операция «Ы», или другие приключения Шурика»* – укр. *«Операція «Ы», чи інші пригоди Шуріка»*.

Все эти типы имён мы предлагаем выделить в отдельный раздел ономастики – **проприноменологию** (от лат. *proprietas, atis, f* «право собственности» + *nomen* «имя» + греч. *λόγος* «слово; мысль, смысл, понятие»), изучающую собственные имена в качестве активаторов культурно-исторической реальности, а также принципы их выделения, способы именования и передачи правовой информации о собственнике и его собственности в различных языковых системах [5].

Вне её компетенции остаются три типа номинаций:

1. Не собственные имена, имеющие лексическое значение, употребляющиеся в качестве номинативных конструкций, но представляющие апеллятивную лексику:

а) ситуативные номинации: *Магазин*, *Промышленные товары*, *Канцелярские товары*, *Алкомаркет*, *Ремонт обуви*;

б) терминологические словосочетания, не имеющие адресно-выделительной функции: *заслуженный мастер спорта*, *министр образования*, *отдел внешних связей*, *филологический факультет*, *вавилонское столпотворение*, *английская королева*, *российское правительство* [4].

2. Ложные номинации, оказывающиеся «за бортом» права и его юридической истории. Они появляются там и тогда, где в роли ономатета выступают облечённые властью политики, а ономастика вынуждена регистрировать несуществующие способы номинации и узаконивать, таким образом, ошибки, утверждающие:

а) что *Дмитрий*, *Сергей* и *Дмитро*, *Сергій* одни и те же лица;

б) что *Красноамейск* искажает действительность, а переименованный *Покровск* (в честь рождения УПА на Покрова?) восстанавливает её;

в) что *кафедра «Теория языка и русский язык»* (Южный федеральный университет), *кафедра «Иностранные языки и методика обучения»* (Севастопольский гуманитарно-педагогический институт), *кафедра «Интенсивного обучения иностранным языкам № 2 Минского лингвистического университета»* (Беларусь) или *Факультет «Техносферной безопасности»* (Донецкая академия гражданской защиты) – правильные названия, а *кафедра теории языка и русского языка*, *кафедра иностранных языков и методики обучения*, *кафедра интенсивного обучения иностранным языкам* или *факультет техносферной безопасности* – «устаревшие» формы;

г) что юридически «правильными» следует считать варианты *Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»* (ДНР) или *Государственное высшее учебное заведение «Донецкий национальный университет им. Василя Стуса»* (г. Винница, Украина), хотя в реальности может существовать только *Донецкий национальный университет* и только в Донецке;

д) что парадоксальное с точки зрения графики, синтаксиса, логики и права лжеименование *Общеобразовательное учреждение «ЛИЦЕЙ «КОЛЛЕЖ» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики* следует считать официальным, хотя оно не имеет никакого отношения к *Общеобразовательному коллежу* в г. Донецке;

е) что во имя сохранения национальной культуры собственные имена следует обязательно «переводить» или переименовывать:

- *Михеил* – *Михайло* (Саакашвили?);
- *ул. Горная* в Донбассе – *вул. Гірська* (в Карпатах?);
- *пр. Ленина* – *пр. Волі* в Луцке (антонимичное противопоставление?);
- *пос. «Красный Партизан»* – *Бэтманово* (от «партизана-американца»?);
- *ул. Ленина* – *вул. Дж. Леннона* в Запорожской области.

Таким образом, языковые формулы имени нарицательного и имени собственного различаются в зависимости от характера и смысла представления об имени (денотате) и конкретном предмете номинации (референте).

У имён нарицательных – обобщённый денотат, который соотносится с любым предметом или явлением действительности (*тёмное облако*, *образовательное учреждение*, *промышленное предприятие*, *обучающиеся*).

У имён собственных – онимный денотат, относящийся к реальным или вымышленным, но всегда конкретным объектам:

- *Московский государственный университет*;
- *директор шахты «Краснолиманская»*;
- *студенты МГУ*;
- *капитан Немо* (автор номинации Жюль Верн);
- *страна Швамбрания* (автор номинации Лев Кассиль);
- *прозвища Серый, Серёга, Серж* (зафиксированные в устной речи интерпретации личного имени) и т. п.

В первом случае объект связан с юридическим денотатом и официальными коннотациями, а во втором – с референтными оценками, обладающими способностью продуцировать непредсказуемое количество онимных вариантов, в том числе межъязыковых:

- *рус. Дарья* = *укр. Дар'я*, но не равно *Дарина* // *Одарка*;
- *рус. Лавр* = *укр. Лавр*, но не равно *Лавро*;

– укр. *Микола Політи́ко* = рус. *Микола Политы́ко*, но не равно *Николай Поли́тико*;

– рус. *Красное Поле* = укр. *Красне Поле*, но не равно *Червоне Поле*;

– рус. *Рабочие Городки* = укр. *Робочі Городки*, но не равно *Робітничі Містечки*;

– рус. ул. *Советская* = укр. *Советська*, но не равно *Радянська*;

– рус. ул. *Речная* = укр. *Річна*, но не равно *Річна* // *Річкова* и т. п.

Это различие в адресно-информативной идентификации объектов нужно учитывать, ибо подмена онимных денотатов (например, *руководитель образовательной организации А.Я. Аноприенко* или *обучающиеся в образовательных учреждениях*), их смешение с нарицательной лексикой (*Государственное учреждение «Институт научно-технической информации»*), игнорирование субъектов или объектов номинации (*Руководитель учредителя образовательной организации...*) рождает в массовом порядке настолько запутанные формулы именования, что об их адекватности можно только догадываться (в наших примерах это «ректор», «студенты», «институт», «министр» и «министерство»).

Заключение:

1. Любое собственное имя, используемое для выделения и идентификации конкретных субъектов и объектов окружающей действительности, уникально и неповторимо, поэтому не может быть переведено, переименовано или восстановлено по субъективным соображениям.

2. Формирование онимосферы связано с развитием собственности и становлением правовых отношений, возникающих в конкретном социуме.

3. СИ – это языковой знак конкретного объекта (денотата) и одновременно информация о нём.

4. Онимы – условная категория языка, противопоставленная всей апеллятивной лексике, а не только нарицательным именам.

5. Классификация номинативных единиц в зависимости от денотата (представления об имени вообще) и референта (конкретного предмета внеязыковой действительности) имеет смысл, если она дополнена их характеристикой на уровне денотатов.

6. Денотат (от лат. *denotare* «отмечать, обозначать») – любой предмет или явление окружающей действительности, с которыми он соотносится, имя нарицательное: *облако* («тёмное»), *человек* («удивительный»), *учреждение* («воспитательное»), *заведение* («учебное, увеселительное»), *предприятие* («промышленное»), *процесс* («законодательный»), *гроза* («сильная»), *дерево* «цветущее»), *шкаф* («платяной»), *время* («утреннее»).

7. Онимный денотат – это реальный или вымышленный предмет (явление), обладающий внутренней способностью к адресной номинации и выделению из массы других однотипных предметов (явлений): *планета Марс*, *бригадир Н.И. Петров*, *Донецкий металлургический завод*, *Торичеллиева пустота*, но также *Серёга*, *страна Утопия*, *Город жёлтого дьявола*, *помещик Собакевич*, *герой комедии «Недоросль» Митрофанушка*, *Шева*.

8. Юридический денотат – это реальный предмет (явление), наделённый внутренней способностью к адресному выделению и передаче правового смысла, содержащегося в номинации; физическое или юридическое лицо, исключаящее коннотативную вариативность: *директор школы М.И. Криворучко*, *Донецкий завод штампов и прессформ*, *королевство Великобритания*, *футболист Андрей Шевченко*.

9. Онимный референт – ситуативные представления и интерпретации о называемом предмете, складывающиеся у конкретного субъекта речевой деятельности под влиянием индивидуальных коннотаций.

10. Любое имя существительное соотносится с определённым денотатом (*человек*, *зверь*), но не каждый денотат может быть онимным (например, не может быть *человека Ивана*, *зверя Жучки*) и не каждый онимный денотат (*яхта «Беда»*, *руководитель*

Иванов, *персонаж* пьесы Фонвизина *Митрофанушка*) может стать юридическим (только *яхта* «Калипсо» капитана Кусто, *ректор* университета Н.И. Иванов, Константинопольский *патриарх* Митрофан).

11. Классификация номинативных единиц имеет правовой смысл, если дополняется онимной характеристикой различного типа денотатов, которые различают:

- нарицательные имена: *российский город, английская булавка*;
- собственные имена, не допускающие перевода: *г. Москва, Ефросинья*;
- гибридные собственные имена, требующие перевода: *Министерство экономического развития, Центральный республиканский банк* (ДНР);
- имена-рекламы, допускающие ситуативный перевод в случае необходимости: *Детский супермаркет «Купи, мама»* (г. Донецк);
- имена-интерпретации и имена-вымыслы: *Питер, Аннушка; Обломов, Глупово*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии [Текст] / В.М. Калинин. // Логос ономастики. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
2. Мозговой В.И. Проблема ономастической нормы и методика определения реальной и ложной номинации вузов Донецка / В.И. Мозговой, С.А. Верховская. // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы III Международной научно-методической конференции (22 мая 2020 г.) – Донецк : ДонНТУ, 2020. – С. 48–54.
3. Мозговой В.И. Имена собственные и не собственные / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т. 3. – № 3. – Севастополь : СГУ, 2017. – С. 44–51.
4. Мозговой В.И. О судьбе ономастики в связи с трансформациями собственных имен в условные номинации. / В.И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Языкознание. Научный журнал. – Т. 4. – № 3. – Севастополь: СГУ, 2018. – С. 60.
5. Мозговой В.И. О предмете проприонимологии / В.И. Мозговой. // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы VII Всероссийской научной конференции. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 28–31.
6. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток Лтд, 2004. – 412 с.
7. Федотова К.С. Онимная лексика в языке писателя : поэтонимографический аспект (на материале творчества Н.С. Гумилёва) / К.С. Федотова. – Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2018. – 232 с.

Поступила в редакцию 30.01.2021 г.

DENOTATIONS, REFERENTS, ONOMASTIC NORM, OR V.M. KALINKIN'S PHENOMENON

V.I. Mozgovoi

The validity of modern ways of nomination is analyzed in terms of the essence of the object of nomination. The types of denotatum within different categories of common and proper names, which determine the specifics of their normative allocation in the official context (general, onomastic, legal) are described. The causes and consequences of onyms misuse are pointed out. The ways and criteria for detecting errors and the mechanism for overcoming them in social and legal practice are determined.

Key words: denotation, referents, proper name, common name, nomination process.

Мозговой Владимир Иванович.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры русского языка.

E-mail: mowi48@mail.ru

Mozgovoi Vladimir Ivanovich.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.
Associate Professor of the Russian Language
Department.

E-mail: mowi48@mail.ru

УДК 811.11

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВКУСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© 2021 М.Н. Мохосоева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена комплексному исследованию лексем со значением вкуса в немецком языке. Полевый подход позволил раскрыть особенности системной организации густативной лексики, определить идентификатор, связывающий все элементы поля ассоциативной связью. Ядро поля «Geschmack» образуют элементы, в семантической структуре которых первичное значение совпадает с понятием вкуса. Критерий разграничения других зон семантического поля – степень семантической близости с ядерными значениями. Определение коэффициента ранговой корреляции между семантическими компонентами густативных лексем позволило установить иерархию сем.

Ключевые слова: системный анализ, семантическое поле, коэффициент ранговой корреляции, иерархия сем.

1. Введение. Вкусовые ощущения играют важную роль в жизни человека. Как указывает Э. Б. де Кондильяк, вкусовые ощущения действуют на человека сильнее, чем запахи, и определяют его состояние больше, нежели звуки, поскольку чувство вкуса неразрывно связано с принятием пищи [5, с. 192].

Несмотря на заинтересованность лингвистов перцепцией вкуса, (А.В. Куценко, Т.М. Матвеева, В.В. Гридасов, Н.А. Тимейчук, А.Х. Мерзлякова, Н.К. Малинауспене, Н.Э. Гронская, Ж.В. Лечицкая, А.В. Макарова), густативная лексика не была предметом комплексного изучения на материале немецкого языка, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Целью статьи является комплексное описание и классификация лексики со значением вкуса в немецком языке.

Как отмечает Д.Н. Шмелев, «потребность системного изучения лексики стала почти аксиомой» [14, с. 7]. Неоспоримым фактом современной лингвистики является то, что «одним из основных достижений лингвистических исследований справедливо считают понимание лексики как системы» [1, с. 65].

В ходе описания лексики со значением вкуса используем полевый принцип системной организации. Полевый подход к описанию языковых явлений широко применяется в лингвистике. Этот подход возник в семасиологии и распространился на широкий круг явлений, в частности, лексические группы или парадигмы, парадигматические (понятийные) поля (Й. Трир, У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, Е. Косериу), семантические поля (Ю.М. Караулов), синтаксические поля (В. Порциг, Л. Вайсгербер), грамматические (В.Г. Адгмони), грамматико-лексические (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс), функционально-семантические поля (А.В. Бондарко).

Идея поля возникла у немецкого филолога Й. Трира в 1923 г. Языковым полем Й. Трир называл группу родственных значений (нем. *sinnverwandte Bedeutung*) или некоторую смысловую сферу (нем. *Sinnbezirk*) [19, с. 9]. С позиции современной лингвистической терминологии, точнее называть поля Й. Трира лексико-семантическими, а не семантическими – они выделяются на основе логико-семантического, а не собственно языкового подхода. Под полевой структурой, вслед

за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, называем объединения разных элементов системы языка, которые имеют признаки языкового поля [12, с. 8].

Материалом исследования являются прилагательные, существительные и глаголы немецкого языка со значением вкуса, полученные методом сплошной выборки из современного толкового словаря Duden. Общий объем густативной лексики составил 918 единиц. За единицу исследования принят лексико-семантический вариант многозначной густативной лексемы.

2. Структура семантического поля «Geschmack».

Лингвисты объединяют в одну группу густативные лексемы (чаще всего прилагательные), исходя из семасиологического принципа – на основе общего семантического компонента (К.М. Герасимова, А.В. Куценко, Г.Н. Лукина, Л.И. Ширина), или на основе ономасиологического принципа – соотносительности значений слов с определенными понятиями (Ж.В. Лечицкая). Учитывая дуализм лингвистического знака как единства формы и содержания, в данном исследовании придерживаемся одновременно двух подходов к анализу языковых явлений.

Ономасиологическим свойством семантического поля является наличие в его основе родовой обобщающей семы, или гиперсемы. Основой объединения слов в семантическое поле является наличие семы *Geschmack* (вкус) в структуре основного значения лексем.

Архилексема немецкого языка *GESCHMACK* покрывает все значение вкусового поля и выполняет интегрирующую функцию. Архилексемой, вслед за Э. Косериу и В.Г. Гаком, называем общую сему родового значения [3, с. 22; 7, с. 12].

Семасиологическая характеристика поля заключается в том, что члены поля соотносятся друг с другом по интегрально-дифференциальным признакам, это свойство позволяет объединять и различать их в рамках одного поля. Таким образом, семантическая структура поля состоит из таких частей:

1) ядро поля, которое представлено родовой семой (гиперсемой). Гиперсема поля – это семантический компонент высшего порядка, который организует около себя семантическое разворачивание поля;

2) центр поля, состоящий из единиц, имеющих интегральное (общее с ядром и смежными единицами) значение;

3) периферия поля, которая включает единицы, наиболее отдаленные в своем значении от ядра; при этом общее родовое понятие отодвинуто к разряду потенциальной или вероятностной семантики. Периферию поля составляют элементы, имеющие вкусовой признак в производных значениях. Периферийные единицы поля вступают в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы.

В данном исследовании статус каждого члена семантического поля определялся посредством компонентного анализа на основе выявления в значении парадигматических связей. Компонентный анализ, базирующийся на словарных дефинициях, делает возможным раскрытие сути значений слов.

В результате компонентного анализа выделено ограниченное количество сем, что связано со «слабовыраженной дифференциацией как вкусового качества, так и густативных значений» [4, с. 32].

Корпус густативной лексики немецкого языка (918 единиц) распределяется количественно между зонами семантического поля «*Geschmack*» следующим

обоязом: ядро – 8 единиц (1%), околоядерная зона – 318 единиц (35%), ближняя периферия – 270 единиц (29%), дальняя периферия – 322 единицы (35%).

Ядро исследуемого поля образуют элементы, в семантической структуре которых первичное значение совпадает с понятием вкуса. Ядро семантического поля «*Geschmack*» представлено густативными значениями:

1) одноименного существительного: *Geschmack*¹ (m) «*etwas, was man mit dem Geschmackssinn wahrnimmt; charakteristische Art, in der schmeckt, wenn man ihn isst oder trinkt*» – «то, что воспринимается с помощью чувства вкуса; характерный вкус вещества, которое человек ест или пьет»; *Geschmack*² (m) «*Fähigkeit zu schmecken; Geschmackssinn*» – «способность ощущать вкус; чувство вкуса» [23, с. 681],

2) прилагательных, связанных с существительным *Geschmack* (m) гипогиперонимическими и синтагматическими отношениями, которые объективируют в языке основные вкусовые качества: *süß* «сладкий», *bitter* «горький», *salzig* «соленый», *sauer* «кислый».

Ядро семантического поля «*Geschmack*» соответствует критериям ядра, определенным А.М. Кузнецовым: а) слова, относящиеся к ядру, простые по своей морфологической структуре; б) семантика ядерных слов шире, чем семантика периферийных слов; в) ядерные лексемы имеют более широкую сочетаемость [8, с. 77].

Критерий разграничения других зон семантического поля «*Geschmack*» – степень семантической близости с ядерными значениями. Вокруг ядерных значений группируются слова, именуемые **околоядерными**. Они представляют собой:

а) однокоренные (с ядерными лексемами) слова, имеющие общее густативное значение, напр.: *salzig* → *salzhaltig* «соленый»; *bitter* → *Bitternis*¹ (f) «горький вкус»; *Bitterstoff* (m), *Bittermittel* (n) «горькое вещество, добываемое из растений»; *süß* → *Süße*¹ (f), *Süßigkeit*¹ (f); *Süßlichkeit* (f) «сладкий вкус»;

б) синонимы ядерных лексем, напр.: *Geschmack*¹ (m) «вкус» – *Geschmackigkeit* (f) «вкус»; *Geschmacksrichtung*¹ (f) «направленность вкуса, вкусовой признак, определенный вкус»; *Schmack*² (m) «вкус»;

в) значения, соответствующие формуле толкования: «**имеющий вкус [+ N]** [+ дифференциальные компоненты], где де N – эталон вкуса, квадратные скобки указывают на факультативность признака.

В ходе исследования были выделены такие дифференциальные компоненты:

– **интенсивность** (сильный/ слабый вкус), напр.: *bitter*¹ «*von sehr herbem (bis ins Unangenehme gehendem) Geschmack*» – «имеющий очень терпкий (до неприятного) вкус» [23, с. 311]; *streng*⁴ «*durchdringend auf den Geschmacks- oder Geruchssinn wirkend; herb und etwas bitter*» – «острый на вкус или запах; терпкий, горьковатый» [23, с. 1604];

– **оценка** (приятный/ неприятный вкус), напр.: *lecker*¹ «*besonders wohlschmeckend (aussehend, erscheinend)*» – «особенно вкусный (аппетитный на вид)» [23, с. 715]; *geschmackig*¹ «*gut gewürzt, pikant; geschmackvoll, wohlschmeckend*» – «хорошо приправленный, пикантный; вкусный» [23, с. 681]; *köstlich*¹ «*(besonders von Speisen, Getränken und anderen Genüssen) besonders gut, herrlich (schmeckend, erfrischend)*» – «(о еде, напитках и других лакомствах) очень вкусный, великолепный на вкус, освежающий» [23, с. 654];

– комбинация компонентов **интенсивность + оценка**, напр.: *übersüß, übersüßt*

«*allzu süß, süßer als nöthig oder angenehm ist*» – «слишком сладкий, неприятно сладкий, приторный» (**оценка «–» + насыщенность**);

г) единицы, обозначающие вкус вследствие синестезийного переноса, напр., перенос тактильная сфера → вкусовая сфера: *kräftig*¹, *intensiv*, *heftig*¹ «сильный, острый (о вкусе)».

Периферию поля формируют элементы, имеющие вкусовой признак в субординативной позиции – в производных значениях (значения № 2, № 3 и т. д.), напр.: *streng*⁴ «острый, едкий (на вкус, запах)». К периферии относим также вторичные значения полисемантических лексем, составляющих ядро семантического поля «*Geschmack*», напр. *sauer*⁷ «*Verdruss über etwas, Missmut ausdrückend*» – «огорченный, недовольный»; *sauer*⁸ «*über etwas verärgert, wütend*» – «расстроенный, рассерженный» [23, с. 1574].

Производные значения относятся к ближней или дальней периферии поля.

Ближняя периферия представлена:

а) группой, в которой вкусовое качество выражено через отношение к конкретным предметам (группа формируется относительными прилагательными, называющими плоды, ягоды, фрукты, грибы и т. д.), напр.: *Erdbeere*- «клубничный», *Johannisbeer*- «смородиновый», *Apfelsinen*- «апельсиновый», *Bananen*- «банановый», *Trauben*- «виноградный»;

б) единицами, являющимися оценочными и характеризующими вкус в определенном контексте, напр.: *berühmt* «знаменитый, несравненный», *vorzüglich* «превосходный», *vortrefflich* «прекрасный, отличный», *angenehm*, *lieblich* «приятный».

Дальняя периферия семантического поля «*Geschmack*» включает негустативные значения, образованные от густативных лексем: а) семантическим способом (метафорический и метонимический перенос), напр.: *versalzen*² перен. «портить», *Süß*¹ (n) «сладкое вещество» → *Süß*² (n) «выполненная, но еще не оплаченная работа». Границы поля «*Geschmack*» варьируют в зависимости от словообразовательных возможностей языка [13, с. 39]. В связи с этим, к дальней периферии исследуемого поля относим лексемы немецкого языка, образованные словосложением, напр.: *Salzbrunnen* (m) «соляной источник», *Salzablagerung* (f) «соляные отложения; залежи соли», *Salzgrube* (f) «соляной рудник», *Geschmackssinnesorgan* (n) «орган вкуса» и др.

Семантическое поле «*Geschmack*» имеет двойную структуру: на первичное денотативное поле, отражающее реальные связи и зависимости между элементами действительности, напр. *gesalzene Fische* «соленая рыба», *gesalzene Gurken* «соленые огурцы», накладывается вторичное, метафорическое поле, которое отображает социальные, интеллектуальные, духовные сферы: *gesalzener Mensch* «неприветливый человек», *gesalzene Preise* «непомерно высокие цены».

Между ядром и периферией существует промежуточный уровень, который тяготеет или к ядру, или к периферии, опознавательными признаками содержания при этом выступают семы [2, с. 54; 16, с. 33; 20, с. 27].

Выделение интегральных и дифференциальных признаков в результате компонентного анализа стало основой для группирования густативной лексики в 22 лексико-семантических и 47 тематических групп. Основой выделения лексико-семантических групп является лингвистический критерий (наличие общей инвариантной семы), тематические группы представляют собой не собственно

языковые, а предметные объединения слов с общим денотатом (общая идентифицирующая сема на является обязательной [3, с. 150]. Две классификации лексического материала (лексико-семантическая, лингвистическая и тематическая, экстралингвистическая) не противоречат друг другу. Они дают возможность более полно описать исследуемый пласт лексики и проследить ее развитие.

Для раскрытия структуры семантического поля важна не простая констатация сем, а определение их статуса в иерархии структуры значения. Использование метода В. В. Левицкого для вычисления веса компонентов в словарном толковании и определение коэффициента ранговой корреляции между семантическими компонентами лексем со значением вкуса позволило установить иерархию сем.

Коэффициент ранговой корреляции между семантическими компонентами лексем со значением вкуса рассчитывается следующим образом. Вес компонента в толковании определяется по формуле $W = ((n+1) - r) : n$, где W – искомый вес, n – число компонентов в словарном значении, r – ранг компонента (значения № 1, № 2, № 3 и т. д.) [9, с. 130]. Значения W могут колебаться в пределах от нуля до единицы, статистически весомыми считаются коэффициенты 0,5 и выше.

Процедура базируется на таком предположении: чем ближе к трактуемому слову находится слово в словарной дефиниции, тем более тесной связью характеризуется семантика обеих слов. В. В. Левицкий утверждает о возможности осуществления инвентаризации лексико-семантической группы таким методом.

Ниже приводятся *интегральная, дифференциальные и факультативные* семы поля «*Geschmack*», выделенные в ходе исследования.

I. *Интегральными* называем семы родового значения. В исследуемом семантическом поле сема **Geschmack** имеет статус архисемы и выполняет интегральную функцию, объединяя наименования вкуса в одно поле. Для густативной лексики с компонентом *Geschmack* характерен максимально возможный коэффициент ранговой корреляции, который равен 1. Эта лексика входит в состав значений, формирующих ядро и околоядерную зону семантического поля «*Geschmack*».

В качестве примера, определим вес компонента *Geschmack* в первых двух значениях шестизначной лексемы *süß*¹: «*in der Geschmacksrichtung von Zucker oder Honig liegend und meist angenehm schmeckend; nicht sauer, bitter*» – «имеющий вкус сахара или меда и, в основном, приятный на вкус; не кислый, не горький»; *süß*² «*in seinem Geruch süßem Geschmack entsprechend*» – «который своим запахом соответствует сладкому вкусу». Компонент *Geschmack* входит в состав обоих значений и равняется максимально возможному весу компонента: $W_{Geschmack} (m) = ((6+1) - 1) : 6 = 1$.

II. Исследование позволяет вычлнить *дифференциальные семы* видового значения **интенсивность** (сильный, слабый вкус) и **оценка** (приятный, неприятный вкус). Эти компоненты имеют достаточный вес в толковании густативной лексики – от 0,8 до 1 и относятся к околоядерным значениям семантического поля «*Geschmack*».

Например, вес семы **интенсивность** равен 1 в трехзначной лексеме немецкого языка *säuerlich*: $W_{int} = ((4+1) - 1) : 4 = 1$. *Säuerlich*¹ «*ein wenig sauer, schwach sauer*» – «немного, слегка кислый»; *säuerlich*² «*ein wenig gegoren, leicht verdorben*» – «который немного перебродил, испортился»; *säuerlich*³ «*leicht verdrießlich*,

missmutig, missvergnügt» – «слегка растерянный, недовольный, подавленный» [23, с. 1437].

Сема интенсивности (**Int**) имеет такие градуальные конкретизаторы: **Int**<< = нулевая степень интенсивности, **Int**< = недостаточная степень интенсивности, **Int**_{norm} = нормальная степень интенсивности, **Int**>> = превышение степени интенсивности. После знака “=” указаны слова, использованные в словарных дефинициях для передачи интенсивности.

Вес семы **оценка** в лексеме немецкого языка *pikant* равняется 1: *pikant*: $W_{\text{оценка}} = ((3+1) - 1) : 3 = 1$ (*pikant*¹ «*angenehm scharf durch verschiedene Gewürze*» – «приятно острый из-за наличия различных приправ»; *pikant*² «*reizvoll, interessant*» – «восхитительный, интересный»; *pikant*³ «*zweideutig, leicht schlüpfrig*» – «двусмысленный, не совсем пристойный» [23, с. 1387]).

Сема **оценка** имеет такие конкретизаторы:

(+) = позитивная оценка (приятный на вкус), напр.: *lecker*¹ «*besonders wohlschmeckend*» – «особенно вкусный»;

(–) = негативная оценка (неприятный на вкус), напр.: *bitter*¹ «*von sehr herbem (bis ins Unangenehme gehendem) Geschmack*» – «имеющий очень терпкий (до неприятного) вкус».

Семы **Int** и **оценки** могут как входить в состав ядра лексического значения, так и формировать его периферию, указывая на интенсивность проявления вкусового признака и на квалификативно-оценочное отношение говорящего к обозначаемому признаку, то есть, эти семы являются факультативными. Семы **Int** и **оценки** легко меняют свой статус и могут быть: а) дифференциальными, б) потенциальными и актуализироваться в переносных значениях. Например, в густативных значениях, соответствующих формуле толкования «**имеющий вкус** + **int**< + **оценка** (–)» сема негативной оценки актуализируется в переносных значениях, напр.: *fade*(e)¹ «*[leicht unangenehm] nach nichts schmeckend*» – «[не совсем приятный] не имеющий вкуса, пресный» → разг. *fade*² «*ohne jeglichen Reiz u. daher langweilig*» – «лишенный какой-либо привлекательности и потому скучный» [23, с. 1287].

III. Семы, коэффициент ранговой корреляции которых составляет < 0,5, относим к *факультативным*. Лексико-семантические варианты, содержащие факультативные семы, формируют периферию семантического поля «*Geschmack*». Например, полисемантическая лексема немецкого языка *Geschmack* (*m*) насчитывает восемь лексико-семантических вариантов. Факультативными являются семы **Anstand**, **Takt**, **Ton** «пристойность, манеры, такт, хороший тон», входящие в седьмой ЛСВ и имеющие вес 0,25: $W_{\text{Anstand, Takt, Ton}} = ((8+1) - 7) : 8 = 0,25$.

3. Выводы. Полевый подход позволил раскрыть особенности системной организации густативной лексики в немецком языке.

3.1. Определен стимул-идентификатор *Geschmack*, связывающий элементы поля ассоциативной связью. Ядро поля образует лексика с семантикой вкуса. Критерий разграничения других зон семантического поля «*Geschmack*» – степень семантической близости с ядерными значениями. Периферию поля формируют элементы, имеющие вкусовой признак в субординативной позиции.

3.2. Проведенный компонентный анализ позволил выделить интегральную, дифференциальные и факультативные семы поля «*Geschmack*». Определен коэффициент ранговой корреляции между семантическими компонентами

густативных лексем, установлена иерархия сем, а также выявлена зависимость веса компонента в словарном значении от его близости к ядру семантического поля.

3.3. Семантическое поле «*Geschmack*» имеет двойную структуру, а именно: первичное денотативное поле, отражающее реальные связи и зависимости между элементами действительности; на него накладывается вторичное (метафорическое) поле, отображающее социальные, интеллектуальные, духовные сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. Монография / В.П. Абрамов. – М.; Краснодар: Академия педагогических и социальных наук РФ; КубГУ, 2003. – 338 с. – ISBN 5-89502-467-X (в пер.).
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Анна Вежицкая; [Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной]. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – 776 с. – ISBN 5-7859-0032-7.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 264 с. – ISBN 978-5-397-01463-2.
4. Герасимова К.М. Лексикографическая и семантическая интерпретация прилагательных вкусового ощущения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 „Русский язык” / К.М. Герасимова. – М., 1986. – 16 с.
5. Кондильяк де Э.Б. Трактат об ощущениях / Э.Б. де Кондильяк // Сочинения в 3-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1982. – С. 189–400. – портр.; ISBN (В пер.).
6. Косериу Е. Лексические солидарности / Е. Косериу // Вопросы учебной лексикологии и лексикографии. – М.: Изд.-во Московского гос. ун-та, 1969. – С. 80–104.
7. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история = Sincronía, diacronía e historia: проблема языкового изменения / Э. Косериу; пер. с исп. И.А. Мельчука. – Изд. 3-е. – Москва: Едиториал УРСС, 2009. – 204 с. – ISBN 978-5-354-01281-7.
8. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. На материале английского языка / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1980. – 160 с.
9. Левицкий В.В. Семасиология / В.В. Левицкий. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Винница: Нова книга, 2012. – 675 с. – ISBN 978-966-382-369-0.
10. Лечицкая Ж.В. Прилагательные вкуса в современном русском языке (в аспекте номинации): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 „Русский язык” / Жанна Владимировна Лечицкая. – М., 1985. – 218 с.
11. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 „Теория языка” / Альфия Хамитовна Мерзлякова. – Уфа, 2003. – 357 с.
12. Полевые структуры в системе языка / наук. ред. З.Д. Попова. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 196 с. – ISBN 5-7455-0179-0.
13. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц: учебное пособие / Сагит Гайлиевич Шафиков. – Уфа, 1999. – 88 с. – ISBN 5-7477-0426-5.
14. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – Изд. 4-е. – Москва: URSS, 2017. – 278 с. – ISBN 978-5-9710-4100-9.
15. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А.Н. Шрамм. – Л.: ЛГУ, 1979. – 134 с.
16. Robinson R. Definition / R. Robinson // The Journal of Symbolic Logic. – Oxford: Clarendon press, 1980. – P. 61–64.
17. Shuter R. A field study of nonverbal communication in Germany, Italy and the United States / R. Shuter // Communication monographs. – 1977. – № 44. – P. 298–305. – URL: <http://doi.org/10.1080/03637757709390141> (дата обращения: 20.12.2020).
18. Schierholz S. Lexikologische Analysen zur Abstraktheit, Häufigkeit und Polysemie deutscher Substantive / S. Schierholz. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2011. – 262 S. – ISBN 9783111702520.
19. Trier J. Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie [Ed. Anthony van der Lee, Oskar Reichmann] / J. Trier. – Walter de Gruyter, 2013. – 216 S. – ISBN 3111351599, 9783111351599.
20. Weinreich U. On Semantics / U. Weinreich, W. Labov, B. S. Weinreich. – University of Pennsylvania Press, 1980. – 440 p. - URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv4s7jg5> (дата обращения: 23.12.2020).

21. Wunderlich Dieter. Arbeitsbuch Semantik / Dieter Wunderlich. – 2., erg. Aufl. – [Frankfurt a. M.] : Hain, 1991. – 368 S. – ISBN 3-445-03051-0.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

22. Левицкий В.В. Этимологический словарь германских языков = An Etymological dictionary of Germanic languages : В 3 т. / В.В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2000. – Т. 1. – 262 с. – ISBN 966-568-209-1.

23. Duden. Deutsches Universalwörterbuch: Das umfassende Bedeutungswörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 7 Auflage : Bibliographisches Institut, FA Brockhaus AG, 2003. – 2016 S. – ISBN 9783411055074.

Поступила в редакцию 25.01.2021 г.

**SYSTEMIC ANALYSIS OF LEXICAL UNITS WITH THE MEANING OF TASTE
IN THE GERMAN LANGUAGE**

M.N. Mokhosoeva

The results of the manifold study of lexical units with the meaning of taste in German are considered in the article. The field approach makes it possible to reveal the features of the systemic organization of gustatory lexical units, to determine the identifier that enables to combine all the elements under study into one semantic field. The core of the semantic field "Geschmack" is formed by elements, in which the primary meaning coincides with the concept of taste. The criterion for distinguishing other zones of the semantic field is the degree of semantic proximity to the nuclear values. The determination of the rank correlation coefficient between the semantic components of gustatory lexical units allowed to establish the hierarchy of semes.

Key words: systemic analysis, semantic field, rank correlation coefficient, seme hierarchy.

Мохосоева Марина Николаевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры английского языка для
экономических специальностей.

E-mail: marinamohosoeva@gmail.com

Mokhosoeva Marina Nikolaevna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of the
English Language for Economic
Specialities.

E-mail: marinamohosoeva@gmail.com

УДК 82-31

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОНИМОВ В ОЧЕРКЕ «ЖЕЛЕЗНЫЙ МИРГОРОД» С.А. ЕСЕНИНА

© 2021 А.А. Сорокин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается функционирование онимов, позволяющих расширить представление о природе как языкового понимания, так и образного осмысления художественных явлений в очерке «Железный Миргород» С.А. Есенина. Обращается внимание на допечатный и печатный варианты художественно-публицистического произведения поэта, полемический диалог с оппонентами автора.

Ключевые слова: С.А. Есенин, «Железный Миргород», ономастика, онимы, поэтонимы.

Языкознание и литературоведение, как известно, находятся в постоянном взаимодействии. Наблюдения над различными процессами в словесности определяются спецификой материала исследования, но и имеют общие точки соприкосновения между изучаемыми явлениями в литературоведении и изучаемыми явлениями в языкознании. Чаще всего это связано с произведениями художественной литературы, когда изучается язык писателя, его индивидуальный стиль.

Одно из существенных явлений ономастики, наблюдаемых языковедами, – поэтонимы и онимы, которые с ними связаны. Как отмечают одни исследователи, сама ономастика признаётся «областью языковедческих исследований, так как именно языковой анализ имён собственных, особенно их стилистики, коннотативного наполнения, позволяет раскрыть творческую лабораторию автора, его видение художественного мира, отражённого в текстах» [1, с. 3]. Другие учёные отмечают, например, в «Словаре ономастической терминологии»: «поэтическое имя (поэтоним) – имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [8, с. 108].

Таким образом, мы видим, что поэтоним, как объект исследования, может быть интересен не только для языковедов, но и для литературоведов. Об этом говорят и сами лингвисты. Так, К.С. Федотова, обращая самое серьёзное внимание на онимную лексику, отмечает, что «через неё проявляются все особенности авторской поэтики и стиля, раскрывается творческая личность, становятся понятны предпочтения автора в выборе имён, и его мировоззрение» [11, с. 26]. Исследователь поэтонимов Н.А. Максимчук также отмечает «общую литературную природу» литературных имён. Под этими именами подразумеваются имена литературных персонажей и названия литературных произведений, а это, как мы видим, – часть поэтонимов [7, с. 103].

Поэтонимы (и вообще онимы) учёные-языковеды изучают в своих научных работах с целью определить частотность употребления исследуемых слов, их коннотативное наполнение, то, как эти слова «участвуют в выражении темы и идеи стихотворения, связаны с биографией поэта и отражают хромотипичность текста» [1, с. 49]. Исходя из ряда работ исследователей в области ономастики (например, Е.Е. Гунтаревой [1], К.С. Федотовой [11], Ю.А. Истратовой [5]), можно сделать вывод, что их интересы выходят за рамки только лингвистического исследования. Учёные прибегают в своих работах не только к лингвистическому анализу текста, но и к литературоведческому.

Следует отметить, исходя из этого, что ономастика в целом (и литературная ономастика в частности) не определяется какой-то промежуточной своей природой исследования, «смежной областью знания» [1, с. 3].

Вполне справедливо, на наш взгляд, объясняет это явление В.М. Калинин: «Литературная ономастика относительно свободна и во многом зависит от воли автора» [6, с. 82]. А также: «Функция поэтонима – это его специфическая деятельность в создании образности художественной речи» [6, с. 86].

Однако, вполне понимая, что лингвистов всё-таки интересует по большей части языковая, речевая сфера исследования словесности, мы обращаем внимание на более широкое осмысление литературоведческого материала для понимания тех или иных явлений художественной литературы. В связи с этим мы рассматриваем, в спектре общих интересов, очерк «Железный Миргород» С.А. Есенина [3, с. 161–172].

Исходим, в первую очередь, из того, что данный очерк имеет допечатный вариант и основной вариант публикации [9, с. 388]. Особое внимание обращаем на первый, допечатный вариант «Железного Миргорода» как не подвергшийся редакторской правке, как сохранивший авторскую индивидуальность С.А. Есенина [4, с. 265–278]. При этом мы учитываем общее число онимов в обоих вариантах, особенности употребления автором и правящим рукопись редактором отдельных имён и названий.

В очерке упоминаются следующие топонимы: Флорида, Канада, Бруклинский мост, Берлин, Париж, Тула, Миргород, Нью-Йорк, Соединённые Штаты Америки (Штаты, штаты Северной Америки, «AMERIKA»), Европа, Германия – Бельгия («*германские и бельгийские шоссе*»), Большой театр, Россия, «*наша деревня*» (может подразумеваться как русская деревня вообще, так и Константиново), «*Элис-Аленд*» (Эллис-Айленд), Вашингтон, «*статуя свободы*», Бродвей, Невский (проспект), Петербург, Москва, Сан-Франциско, Чикаго, Калифорния, Одесса, «*западные области*» (подразумеваются западные области Украины и, возможно, Белоруссии), Черниговская губерния, Полтава, Италия, Греция, Парфенон, Теннесси. Таким образом, упоминаются 7 государств, 5 административных единиц разных государств, 12 городов, 1 село, 2 наименования улиц, 1 остров, 1 континент, 4 наименования достопримечательностей (одно из них со строчной буквы).

Нами выявлено 29 антропонимов «Железного Миргорода»: Троцкий, Тальников, Горький, Лазарь, Мещеряков, Вейс, Гайавата («*Гайавата*»), Колумб, Маяковский, Айседора Дункан, Пичугин (имя иллюстратора гоголевских произведений З.Е. Пичугина употреблено не совсем верно, подразумевался С.И. Ягужинский [9, с. 401]), Гоголь, Есенин, Гардинг, Иисус Христос, Денис (Фонвизин), Чайковский, Эдгар По, Эдисон, Терпсихора, Ленин, Козьма Индикоплов, Уитмен («*Уитман*»), Мани-Лейб (Брагинский), Пушкин, Гофштейн, Маркиш, Иван Иванович, Иван Никифорович.

Среди упоминаемых антропонимов выделяются отдельные имена, которые можно рассматривать следующим образом: только как имена исторических известных лиц (Колумб, Козьма Индикоплов, Фонвизин, Пушкин, Эдгар По, Гоголь, Чайковский); как исторических, менее известных (Пичугин); как исторических, библейских и мифологических (Лазарь, Иисус Христос); как исторических и как мифологических (Гайавата, Терпсихора); как литературных персонажей (Иван Иванович, Иван Никифорович, Гайавата). Остальные имена – имена современников автора, включая и его самого, – всего 14 имён.

Обращают на себя внимание текстуальное решение и, следовательно, коннотативное наполнение значимыми смыслами определённые из указанных онимов. Так, например, топоним Америка осмысливается Есениным с разных сторон, тем самым расширяется диапазон художественных наблюдений автора.

«Я объездил все государства Европы и почти все штаты Северной Америки. Зрение моё переломилось особенно после Америки. Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой...» [4, с. 265].

Изначально автор (помимо заглавия) представляет США в противопоставлении с Европой. Есенин, конечно же, упоминая о «переломленном» зрении, имеет в виду художественное, образное зрение. И если не обращать внимания на Европу как на «старинную усадьбу», то следует говорить о неполном, недостаточном понимании насыщенности смыслами, есенинскими образами, где даже предлоги «*после*» и «*перед*» вбирают в себя дополнительную нагрузку, усиливающую контраст образного оформления следующих за ними слов.

Если представить упоминание в «Железном Миргороде» США в определённом, последовательно осмысляемом в образах ряду, то это представляется так: Америка – не Европа, не «старинная усадьба» – «страна Колумба» [4, с. 267] – «бездарны поэмы Маяковского об Америке» [4, с. 267] – «железная и гранитная мощь», которую невозможно выразить словами, «поэма без слов» – небоскрёбы в дыму, который «навевает что-то таинственное» [4, с. 267] – автор-наблюдатель «был бы лучшим спортсменом в Америке» [4, с. 269] – «Миргород! Миргород!» [4, с. 270] – «MI LAIK AMERIKA» [4, с. 271] – «Америка внутри себя не верит в Бога» [4, с. 271] – «Америка... была страна краснокожих» [4, с. 271] – «у какого-то смешного поэта, написавшего «сто пятьдесят лимонов», есть строчки о Чикаго как символе Америки» [4, с. 273] – «праздничная», «выставочная Америка» [4, с. 275] – «впечатления громадности исчезают», «всё взрыто и навалено, как попало», «страна всё строит и строит» [4, с. 275] – Эдисон «есть сердце этой страны» [4, с. 276] – «для русского уха и глаза вообще Америка, а главным образом Нью-Йорк, немного с кровью Одессы и западных областей» [4, с. 276–277] – «в специфически американской среде отсутствие всякого присутствия» [4, с. 277] – «сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение» [4, с. 277].

Также неоднозначно воспринимается очерк, если воспринимать его внимательным взглядом в глубокой текстовой последовательности.

После очеркового сравнения Европы со «старинной усадьбой» возникает заголовок «BOT “PARIS”» [4, с. 265]. Выделенный строчными буквами, благодаря газетному шрифту, он, в потоке русской речи, изначально не воспринимается латиницей, а представляется как русская указательная частица «*вот*» и закавыченное французское слово «*Париж*». То есть автор, отталкиваясь от «старинной усадьбы», переосмысляет суть столицы Франции в словесном приближении и – в кавычках – в непрямом, искажённом виде. Игра слов в разноязычных словосочетаниях: «*бот* (пароход) “*Париж*”» и «*вот* ”PARIS ”» – создают иллюзию и констатацию одновременно двух противостоящих смыслов и образов. Это образ неприглядного столичного города Европы и парохода, напоминающего собой гигантский город, который «превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз» [4, с. 265].

Помимо указания на пароход крупных размеров, Есенин полемизирует со своими собратьями по перу, имажинистами, на которых он указывает как на тех, кто неминуемо идёт и приближается к «иссякаемому» явлению. Они, имажинисты, по мысли автора, не способны облечь слово сильной художественной образностью и продлить буквально всё в бесконечный, ассоциативно разложимый ряд образов.

«Громадина» – «туша» – «слон» [4, с. 265–266] не приводят к пониманию истинных размеров и сути большого корабля в его образном осмыслении. Внутри “*bot*” происходит своя жизнь, жизнь «*Парижа*». Это жизнь, где есть ресторан, подменяющий размерами Большой театр. На корабле есть место «специальным библиотекам» и многочисленным комнатам для игры в карты. Город-пароход имеет «танцевальный зал» и «огромнейший коридор» с «кабинами» [4, с. 266].

В целом, гигантские масштабы увиденного приводят автора к мыслям о противостоянии такой жизни судьбе современной «*нищей России*» с её «непролазными

дорогами» [4, с. 266]. И опять автор номинативно осмысляет свою страну. И снова, как и Америку, сравнивает Россию с Европой.

Дороги его родной стороны не идут ни в какое сравнение с «германскими и бельгийскими шоссе» [4, с. 266]. Поэт негодует на «всех цепляющихся за “Русь”» [4, с. 266]. Русь после заковыченного Парижа воспринимается, однако, не как неприглядное государство, хотя её неприглядные стороны автором не утаиваются.

«Русь» – это и образ, и мотив, и тема «цепляющихся» за слово писателей, реально не принимающих близко к сердцу беды, боль и трагедию своей родины, своей страны. Именно их и «ругает» автор очерка. Он же «ругает» и свой народ, поющий «раздирающую душу» песню «про Лазаря» [4, с. 267]. Песня не спасает от катаклизмов. Поэтому так заметна переключка авторских мыслей о «сортирах» на месте разрушенных церквей с идеей Чекистова из «Страны негодяев» о строительстве на месте «храмов Божьих» «отхожих» мест [9, с. 463]. В этой переключке заявлена не идея разрушения ради разрушения, а идея хоть какого-то созидания вместо бездельного страдания, закладываемого псевдопатриотами – писателями, пишущими о «Руси».

«Дым отечества», о котором вспоминает поэт, – это всё-таки не «дым отечества» из монолога Чацкого [10, с. 398]. Это, как и у Грибоедова, перифраз из державинского стихотворения «Арфа» [2, с. 189–192]. Воспоминание в «Железном Миргороде» о поросятах и телках, спящих в крестьянских избах с мужиками, в «нашей деревне» переключается с державинскими строками «О колыбель моих первоначальных дней, / Невинности моей и юности обитель» [2, с. 191]. А сам народ, сравнивающийся со 150-миллионным рогатым скотом, у С.А. Есенина полемически оспаривается в диалоге с тем лирическим героем, который у Державина «наследственны стада» собирается «зреть» [2, с. 191].

Прибытие к берегам Америки, в «страну Колумба», также рассматривается автором с литературной точки зрения: «Мать честная! До чего бездарны поэмы Маяковского об Америке» [4, с. 267]. Интересно, что изначально в конце второго из приведённых здесь предложений у С.А. Есенина стоял вопросительный знак, «осторожно» снятый правящим текстом редактором [10, с. 392]. Всё острее становится полемика с автором поэмы «150 000 000», со сторонниками урбанизма и «электрофикаторами» [4, с. 267–268]. Их творчество в пределах литературных организаций «Кузница» и «ЛЕФ» соотносится у Есенина с восприятием городской культуры Тулы в её противостоянии Берлину или Парижу.

На новом уровне изображается не «Дым отечества», но «небо в свинце», «дым», который «навевает что-то таинственное», где за ним происходит что-то «великое и громадное» [4, с. 268].

Однако поэтичность воображаемого прерывается банальной проверкой паспортов и удалением опасных пассажиров на остров Эллис-Айленд для проверки их благонадёжности. Прозаическая тема проверки документов у представителей Страны Советов врывается в текст, переключаясь – снова полемически – с очерком «Париж» Маяковского [10, с. 400]. Однако если французский «специальный комиссар полиции» восторженно воспринимает «бумажку», то у Есенина всё происходит иначе. Хотя и представлена вся сцена проверки документов и их хозяев в юмористическом свете, тем не менее, никакого восторга у проверяющих американцев ни паспортá, ни их владельцы не вызывают.

Первый проверяющий долго осматривает документы «косыми взглядами» [4, с. 268] и не пропускает в Америку подозрительных пассажиров. На острове Эллис-Айленд, пройдя «бесчисленные комнаты» (обратная сторона жизни, не похожей на ту, что происходила на пароходе «Paris»), советские пассажиры попадают в «комнату политических экзаменов» [4, с. 269]. И здесь сцена встречи с новым проверяющим – это

жёстко выписанная сцена допроса. Тем не менее, «мистер Есенин» выглядит не теряющим самообладания. И помогает ему в этом осознание, что он попал в гоголевский литературный Миргород, где вполне возможно появление свиньи, которая могла бы спасти всё дело, съев никому не нужные, спорные для людей бумаги. Проверяющий удивительно напоминает Чичикова.

Вся действительность, которую продолжает видеть в дальнейшем автор очерка в открывающейся перед ним Америке, наполняется миргородским мироощущением. Мир бетонных городов, даже там, где их нет, но где *«всё взрыто и навалено, как попало»*, для дальнейшего строительства и преумножения мира городов, душит всё живое и, в конечном итоге, лишает человечности, а значит, и духовного зренья.

Необходимо к этому добавить, что поэтонимы, присутствующие в тексте «Железного Миргорода», не всегда выражены явно. Исследователь должен понимать, что, помимо явных онимов, встречаются и скрытые. Так, например, вступая в полемику с Троцким, Есенин в скрытой фразе из драматического своего произведения, отстаивает право на собственное художественное самовыражение (*«Мне нравится гений этого человека, но видите ли?.. Видите ли?..»*). Реминисценция из «Пугачёва» [10, с. 396] порождает внимание к поэтонимам и Пугачёва, и Хлопуши. Нельзя не обратить внимания и на упоминавшегося выше в данной статье Чичикова [10, с. 401]. Скрытый поэтоним возникает из наблюдений автора: *«Когда мы сели на скамьи, из боковой двери вышел тучный, с круглой головой, господин, волосы которого немного были вздёрнуты со лба чёлкой кверху и почему-то напомнили мне рисунки Пичугина в сытинском издании Гоголя»* [4, с. 269].

Скрытыми представляются антропонимы «друзей Айседоры Дункан» [4, с. 270] – брата известной танцовщицы Августина (Огюстена) Дункана и Сола Юрока. В качестве «спутника» поэта [4, с. 269] выступает А. Ветлугин. Также скрыто имя произнесшего фразу: *«Умри, Денис!..»* [4, с. 274]. – Г.А. Потёмкина-Таврического.

Проблемным представляется вопрос о вторичных поэтонимах. Или, возможно, их стоит называть псевдопоэтонимами. Мы говорим, в срезе исследуемого очерка, о фельетоне О.Л. Д'Ора (И.Л. Оршера) «Сергей Есенин в Америке: личные воспоминания», напечатанного в газете «Правда» вскоре после публикации «Железного Миргорода» в «Известиях».

Д'Ор обращает внимание на скрытые поэтонимы по реминисценции из «Пугачёва» и, не стесняясь собственного цинизма, пишет: *«Надо будет сообщить ему (Л.Д. Троцкому – С.А.), чтобы он зашёл ко мне в „Известия“. Думаю поощрить „этого человека“. В „этом человеке“, кажется, что-то есть»* [10, с. 397]. Пароход «Париж» назван у Иосифа Оршера «нашим пароходом». Размеры парохода пародист измеряет не на уровне имажинистских образов, а на уровне московских «дистанций»: *«Наш пароход (почти вдвое длиннее Тверской с Ямскими и впятеро шире Ходынки)...»* [9, с. 560]. Сам поэт глазами вымышленных «ста тысяч» фотографов и репортёров представляется в любовании самим собой (*«белизна моих плеч», «классическая правильность моих форм»* [9, с. 560]) и сравнивается с Венерой Милосской и Фриной, афинской гетерой и натурщицей. В тексте «Железного Миргорода» Есенина называют «мистер». Для «удобства» понимания советским читателем «сто тысяч» журналистов у О.Л. Д'Ора определяют его как «мистера-товарища».

Ясно, что фельетон-пародия никак не отражал ни осмысления Д'Ором опубликованного «Железного Миргорода», ни понимания личности С.А. Есенина как художника слова.

Если обращаться к стержневому сравнению есенинского очерка, то «сто тысяч» фотографов и репортёров удивительным образом напоминают собой «тридцать пять тысяч одних курьеров» из реплики Хлестакова в известной комедии Н.В. Гоголя

«Ревизор». Вследствие этого становится ясно, что заказной фельетон в большей степени является пасквилем, а его автор продолжателем и ревнителем хлестаковщины.

Псевдопоэтонимы должны также рассматриваться филологами-учёными для понимания глубины противоречий и противостояния между определённого рода апологетами официоза и истинными художниками слова.

В целом, на наш взгляд, ономастам в перспективе следует, определяя, прежде всего, коннотативное наполнение тех или иных онимов, иметь в виду не только те достижения, которыми обладает литературоведение на сегодняшний день, но и применять глубокий текстологический подход. Этот подход позволяет глубже понять связи между исследуемыми словами в одном художественном тексте и в контекстах вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гунтарева Е.Е. Имена собственные в лирике С.А. Есенина: коннотативный аспект / Е.Е. Гунтарева // Дисс... канд. филол. н. – Смоленск, 2020. – 187 с.
2. Державин Г.Р. Арфа // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я.Грота. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1865. – Т.2. – С. 189–192.
3. Есенин С.А. Железный Миргород // Полное собрание сочинений: В 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. – 1997. – С.161–172.
4. Есенин С.А. Проза: Другие редакции. Железный Миргород // Полное собрание сочинений: В 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995–2002. Т. 5. Проза. – 1997. – С.265–278.
5. Истратова Ю.А. Аллюзивные онимы в поэзии Брассенса и её русских переводах / Ю.А. Истратова // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 2010. – 24 с.
6. Калинин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии / В.М. Калинин // Ономастични науки. – 2006. – № 1. – С. 81–89.
7. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Часть 1 / Н.А. Максимчук. – Смоленск: СГПУ, 2002. – 184 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; Отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
9. Прилепин З. Есенин: Обещая встречу впереди / Захар Прилепин. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 1029 с.
10. Самоделова Е.А. Комментарии / Е.А. Самоделова, С.И. Субботин, А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов // С.А. Есенин. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995–2002. – Т. 5. Проза. – 1997. – С. 325–557.
11. Федотова К.С. О материалах к словарю поэтонимов в поэзии Николая Гумилёва / К.С. Федотова // In Nōminum Spatio (В пространстве имён): материалы II Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (22–23 окт. 2016 г.) – Донецк: Изд. Фонда «Азбука», 2017 – С. 25–34.

Поступила в редакцию 05.03.2021 г.

ONYMS IN THE ESSAY «IRON MIRGOROD» BY S. A. YESENIN

A.A. Sorokin

The article deals with the functioning of onyms, which extend the interpretation of language and artistic phenomena of the essay "Iron Mirgorod" by S. A. Yesenin. The focus is made on the pre-printed and the printed versions of the "Iron Mirgorod", the polemical dialogue with the author's opponents.

Key words: S. A. Yesenin, "Iron Mirgorod", onomastics, onyms, poetomy.

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: aa40in@inbox.ru

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor at Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: aa40in@inbox.ru

УДК 82.1

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ ЭЛЕГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

© 2021 Л.Т. Сенчина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена изучению жанровых разновидностей элегии в творчестве В. Тредиаковского. Особое внимание уделяется процессу трансформации регламентированного ритуального образа в собственно элегический жанр. Осмысливается роль такой жанровой разновидности элегии, как треническая, в развитии русской литературы XVIII в.

Ключевые слова: элегия, жанр, жанровые разновидности, личностное начало.

В исследовательской литературе интерес к жанру элегии не ослабевал фактически никогда. По-видимому, это связано с тем, что элегия на протяжении всей долгой «жизни» (как любой жанр) трансформировалась и изменялась, но лабильность типологических признаков была весьма существенная, что ставило теоретиков литературы в сложное положение.

«Малые» лирические жанры по своей сущности, бесспорно, подвижны и изменчивы в большей степени, чем эпические, но элегия особо выделяется своей непредсказуемостью и явной трансформацией жанровых границ. Не случайно К. Мальтбрен утверждал: «Ни один род стихотворений не определен так худо в пиитической теории, как элегия» [1; с. 215]. Длительность изучения жанра элегии в теории литературы, к сожалению, не дала существенных результатов. «Попытки ответить на вопрос, что такое элегия, предпринимались многократно, но мы и сегодня не имеем, и вряд ли будем когда-нибудь иметь исчерпывающее определение», – отмечают Т. Тищенко и Л. Фризман [2; с. 8]. Этим обусловлено появление всевозможных «поясняющих» определений жанра элегии по ее разновидности (треническая, любовная, историческая); по месту возникновения (греческая, римская, французская, английская и т. п.); по имени автора (сумароковская элегия, карамзинская, пушкинская).

Ответы на многие нерешенные вопросы, возникающие в связи с изучением жанровой природы произведения, по-видимому, можно найти в истоках формирования элегии на русской почве. Обращение к периоду формирования этого типа произведения способствует осмыслению сущностной природы элегии, дает возможность выявить значимые процессы, происходящие в русской литературе XVIII в., в период формирования жанровой системы в целом. Известно, что элегия берет свое начало в плаче по умершему.

В этой связи, обращение к элегическому творчеству В. Тредиаковского дает возможность в определенной степени проследить те значимые процессы, которые обусловили трансформацию регламентированного ритуального обряда в собственно элегический жанр. Нагляднее всего эти процессы отражаются в такой разновидности элегии, как треническая. Эту разновидность жанра разрабатывал В. Тредиаковский.

Обратимся к «Элегии о смерти Петра Великого» В. Тредиаковского. В основу этого произведения положено реальное событие – смерть Петра I. Выбор жанра элегии

был, по-видимому, обусловлен как «архаичными плачами», известными поэту, так и наставлениями предшественников, касающимися типологических признаков этого древнего жанра:

В одеждах траурных, потупя взор уныло,
Элегия, скорбя, над гробом слезы льет...

(Н. Буало «Поэтическое искусство»)

Элегия В. Тредиаковского, конечно же, имеет принципиальные отличия от ритуального, строго регламентированного обряда.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ритуальное оплакивание предполагает наличие определенного количества людей, «коллектива». Это общее горе, лишенное личностного, индивидуального переживания, можно сказать, что ритуал – это «от себя», а субъективное переживание – это «в себе». В коллективном ритуале явно присутствует некая театральность, которая, по-видимому, ставит для себя задачу охватить, организовать всех присутствующих. Таким образом, ритуальное оплакивание предполагает, прежде всего, обращение к слушателям, возникает необходимость ориентироваться на них. Отсюда – «громогласность» этого погребального ритуала. Автор элегии стремится передать ощущения общего горя, «громкую» скорбь, многолюдство. Возникают аллегорические фигуры: Паллады, Славы, Нептуна, Марса, Политики; они «рассказывают» о своем горе, подчеркивая при этом, значимость «деяний» Петра I не только для России, но и для всей Вселенной («со стенанием в слезах Вселенная ныне...»). В диалоги аллегорических героев вводится речь автора, которая всячески подчеркивает собственную боль и печаль в связи с кончиной царя-реформатора. Авторская речь «слышна» в начале текста:

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! Знать Россия плачет в многолюдстве гласно!

и в заключении:

Всюду плач, всюду туга презельна бывает.
Но у бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе
Ибо по заслугам там ему быти требе [3, с. 59].

Вся элегия пронизана одной всеобъемлющей эмоцией – боль утраты. Эта эмоция объединяет всех и одновременно автор пытается подчеркнуть, что его страдания, его печаль, его индивидуальные чувства сильнее других, его утраты ощутимее. Это стремление в определенной степени персонифицировать свои переживания способствует формированию индивидуально-личностного начала в произведении. Намечившаяся тенденция, на наш взгляд, существенно изменила «облик» элегии, трансформируя ее, переводя из сферы «коллективного» в сферу «личностного».

Целесообразно подчеркнуть, что в «Элегии о смерти Петра Великого» В. Тредиаковского в редуцированном виде присутствуют фактически элементы трех родов – эпоса, лирики и драмы, что свидетельствует об особом виде синкретизма впоследствии разделившихся родовых признаков.

В элегии В. Тредиаковского в измененном виде представлены элементы драмы. Герои произведения (Паллада, Марс, Слава, Политика) ведут между собой «разговор» в форме развернутого диалога.

Ощутимо стремление автора элегии детально объяснить роль Петра I в становлении государства, общества, каждого отдельного человека. Эпическое описание деяний царя, его заслуг перед отечеством, бесспорно, становится ведущей темой в данной элегии. Математика, механика, наука, философия, искусство и т. п. – во всем этом многообразии заметна активная роль Петра-созидателя, Петра-реформатора.

Расширение эпического начала в данной элегии свидетельствует о возможности освоения ею тех сфер бытия, которые изначально принадлежали эпосу. Отмеченную близость В. Тредиаковский, бесспорно, ощущал и явно реализовал в своей поэтической практике. Подчеркнем, что и современные исследования элегического жанра, анализируя многовековой опыт функционирования этого типа произведений, отмечают родство элегии и эпоса. «Близость элегии и эпоса вполне закономерна: их связывала общность лексики, историческое родство... общность целей», – отмечает в связи с этим Н. Чистякова [4; с. 11].

Отмечая многообразие возможностей элегического жанра, реализованных В. Тредиаковским, подчеркнем, что в «Элегии о смерти Петра Великого» соединяющим началом все же является лирическая доминанта: на первый план выдвигается глубокое эмоциональное переживание, вызванное трагическими событиями.

Дальнейшее развитие жанра элегии связано, на наш взгляд, с усилением и расширением роли чувствующего субъекта в организации лирического произведения, с появлением специфического *элегического* слова, с осмыслением душевных эмоций как «всеобъемлющей» реакции на человеческое бытие.

Подчеркнем, что на определенном этапе развития элегии на русской почве этот жанр, трансформируясь, включается в иные жанровые образования: в чувствительную повесть, в драму, в стихотворение-исповедь. Все это стало осуществимым благодаря изначально многообразным возможностям элегического жанра.

Кроме тренической элегии, В. Тредиаковский разрабатывал и такую ее разновидность, как любовная (эротическая).

Известно, что В. Тредиаковский ввел в русскую литературу XVIII в. тему любви. Эту тему поэт разрабатывал в разных жанрах и достиг определенно совершенства в освоении этого глубоко чувства в лирике. Достаточно вспомнить названия стихотворений В. Тредиаковского «Прощение любви», «Песенка любовна», «Стихи о силе любви» и т. п., чтобы убедиться в важности этой темы в творчестве поэта. Подчеркнем, что первый светский роман о любви перевел с французского именно В. Тредиаковский, за что был назван «развратителем русского юношества».

Закономерно, что тема любви становится ведущей в «Элегии I» и «Элегии II»: поэт всячески подчеркивает, что всепобеждающая любовная страсть способна победить разум: «Разум от меня бежит, страсть же мучит злая...» [3, с. 397].

Большой объем произведений явно свидетельствует о стремлении поэта передать все тонкости и глубину переживаемых чувств; душевные эмоции описываются поэтом удивительно проникновенно. В. Тредиаковский вводит в «Элегии II» тему смерти возлюбленной, и это, бесспорно, усиливает душевные страдания лирического героя. В элегиях поэта явно отсутствует временная дистанция между всепобеждающей эмоцией и высказыванием; образ умершей возлюбленной не в прошлом, а в настоящем. Любовная страсть передана так точно и полно, что автор элегий был вынужден пояснять читателю, что он описывает «не... зазорную» любовь, но законную, то есть таковую, какова хвалится между благословенно любящимися супругами» [3; с. 395]. Поэту удалось создать ощущение «реального» присутствия в элегии – отсюда энергия душевных эмоций.

Анализ элегий В. Тредиаковского свидетельствует о новаторском характере его произведений, об активном поиске поэтом новых содержательных возможностей этого жанра на русской почве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальтбрен К. Рассуждения об Элегии / К. Мальтбрен // Сын Отечества. – 1814. – Ч. 18. – № 51. – 253 с.
2. Тищенко Т. Песня грустного содержания. История русской романтической элегии / Т. Тищенко, Л. Фризман. – Харьков, 2008. – 208 с.
3. Тредиаковский В.К. Избранные произведения / В.К. Тредиаковский. – М-Л: Сов. писатель, 1963. – 577 с.
4. Чистякова Н.А. Древнегреческая элегия / Н.А. Чистякова. – СПб., 1996. – 392 с.

Поступила в редакцию 02.03.2021 г.

TO THE QUESTION OF GENRE VARIETIES OF ELEGY IN THE WORKS BY V.K. TREDIAKOVSKY

L.T. Senchina

The article addresses genre varieties of elegy in the works by V. Trediakovsky. A special attention is paid to the process of transformation of a regulated ritual image into the elegiac genre proper. The role of such genre variety of elegy as a training one in the development of the Russian literature of the 18th century is discussed.

Key words: elegy, genre, genre varieties, personality.

Сенчина Людмила Тимофеевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Доцент кафедры истории русской литературы и
теории словесности.

E-mail: senchina.liudmila@mail.ru

Senchina Ludmila Timofeevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk National University.
Associate Professor at Department of History of
Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: senchina.liudmila@mail.ru

УДК 811.161.1:81'373.21

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ УСИЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»)

© 2021 Л.Е. Шокотько

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»

В статье анализируются функции усилительных частиц в языке русской литературы XVII века. Рассматриваются союзные функции частиц *ведь* и *же*. Описываются основные и дополнительные значения частицы *и* и условия их реализации.

Ключевые слова: частица, отождествление, присоединительная функция, союз, усилительное значение.

Введение. Цель исследования – описать семантические и функциональные особенности усилительных частиц с учетом их союзных функций и морфологических трансформаций в «Житии протопопа Аввакума». Намеченная цель предполагает решение следующих задач: извлечение и анализ минимальных контекстов с усилительными частицами; описание основных функций усилительных частиц, условий их употребления, а также дополнительных значений, вносимых ими в высказывание.

Актуальность статьи обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью частиц, особенно в историческом аспекте, а во-вторых, необходимостью дать более полное и четкое описание значений, вносимых ими в контекст.

Одно из основных значений, выражаемых частицами, – усилительное. Группа усилительных частиц весьма разнообразна по своему составу но, по сравнению с другими разрядами частиц, претерпела минимальные изменения в составе, семантике, выполняемых функциях. В языке XVII века, как и в современном русском языке, основными средствами выражения усилительного значения являлись частицы *и*, *же*, *да*, *ну*, *вот*, *ведь*, реже – *даже*. Исключение составляет слово *бо*, которое уже в XVIII веке выполняло только союзную функцию [12], а затем и вовсе исчезло из языка.

История изучения частиц, в том числе усилительных, насчитывает несколько столетий. В 1596 г. вышла в свет «Грамматика словенска совершенна искусства осми частей слова», составленная Лаврентием Зизанием [3], а в 1619 – «Грамматики словенския правильное синтагма» Мелетия Смотрицкого [17]. Большинство слов, которые в настоящее время принято считать усилительными частицами, авторы определяли как наречия, а лексемы *и*, *же* и некоторые другие – как “сцепляющие” и “сопрягательные” союзы. И до 1899 года, когда А.А. Добиаш выделил частицы в отдельную категорию, лингвисты придерживались этой классификации.

Так, М.В. Ломоносов считал усилительные частицы условными союзами, а слова *и*, *же*, *также* – “сопрягательными” (соединительными) [4], А.А. Барсов – сопрягательными, противительными и винословными союзами, [1], А.М. Пешковский – усилительными, или выделительными словами [7]. А.А. Шахматов слова *ведь*, *и*, *же*, *ну*, *давай*, *дай* включил в группу глагольных наречий, а все модальные частицы – в систему союзов [21].

В.В. Виноградов частицы *и, даже и, только, лишь, хоть, ведь, а, да, же* и др. объединил в группу усилительных, или выделительно-ограничительных частиц [2; с. 523], Е.М. Галкина-Федорук – в “подразряд” эмоциональных и экспрессивных частиц, выражающих оттенки эмоциональных значений [18].

В Академической грамматике описывается большая группа слов, подчеркивающих (усиливающих, акцентирующих) сообщение или какую-то его часть. В эту группу входят и частицы, которые обычно относят к другим разрядам (выделительно-ограничительные и т. д.): *благо, будто, было б, ведь, вот, всего, едва ли не, еще, же, и, и есть, лишь, неужели, никак, ну, ну уж, прямо, только, уж, что за, что ни (на) есть* и др. [8]

Основная часть. Следует отметить, что количество “собственно усилительных” частиц незначительно. Большинство из них, наряду с усилительной, выполняют некоторые другие функции: *и, же* – присоединительную и отождествительную, *вот* – указательной частицы, *да* – утвердительной, *ни* – отрицательной, *какой* – определительного местоимения, *ведь, же, бо* выполняют союзные функции и т. д.

Но почти во всех своих проявлениях частицы сохраняли свое основное значение – усилительное.

В XVII в. наиболее употребительными были *ведь, бо, же, и*.

В словарях предлагаются следующие описания значений *ведь* и *же*: *ведь* – союз, употребляющийся в уступительных предложениях, в предложениях, служащих обоснованием или подкреплением мысли, высказанной в первом предложении, открывающий главное предложение после условного, и как усилительная частица [6, 9, 13, 14]; *же* – как союз противительный, сопоставительно-противительный и присоединительный, а также усилительная и отождествительная частица. [6, 10, 13, 15].

Эти слова соединяли высказывания, содержащие информацию о событиях, явлениях, находящихся в каких-то отношениях друг с другом: сопоставления, противопоставления и т. п.

Так, *же* выполняла сопоставительную функцию, причем могли сопоставляться предметы, качества людей и предметов, события, некое потенциальное множество и единичный элемент.

Вет и синонимичная ей *бо*, соединяя фрагменты, связанные причинно-следственными отношениями и сохраняя собственно усилительную и выделительную функции, в то же время вносили в высказывание некоторые дополнительные значения: значение принадлежности, количественной или качественной характеристики объекта, вводили предложения, поясняющие мысль, содержащуюся в предыдущей части высказывания.

Ярким примером многофункциональности представителей этой группы является лексема *и*.

В словарных статьях она описывается как соединительный союз, присоединительный, уступительный, противительный, перечислительный, результативный, выделительный, соотносительный, начинающий новое предложение (6, 11, 13, 16), а также как частица:

- 1) усилительная, употребляется для подчеркивания слова, перед которым стоит, в значении ‘даже, сверх прочего, именно’ [6, 11, 13, 16];
- 2) в знач. ‘тоже, также’ [11, 13, 16];
- 3) выделительная [11].

В отличие от выделительно-ограничительных частиц, которые полностью утратили некоторые функции (предлога, условного союза), **и** сохранила семантическую сложность и многообразие синтаксических функций.

Авторы Академической грамматики выделяли ряд дополнительных значений частицы **и**: следственной обусловленности, соответствия, своевременности, выделения, акцентирования, несоответствия ожидаемому, высокой степени признака, противопоставленности и уступки, соответствия обычному, принятия решения, согласия [8; с. 729–730].

Т.М. Николаева, кроме традиционно выделяемых значений (*‘ведь’, ‘же’, ‘именно’, ‘тоже’, ‘даже’*) [5; с. 113], описывает целый ряд дополнительных. Частица **и** может участвовать в характеристике, оценке ситуации, причем “характеризуются следующие основные ее компоненты: а) действие и б) осуществители действия. Под последними понимается как субъект, так и объект действия” [5; с. 64]. Во всех случаях лексема устанавливает некие отношения между элементом и множеством, которое может быть выражено эксплицитно и имплицитно.

В «Житии протопопа Аввакума» **и** в основном употреблялась в высказываниях, характеризующих актанта события.

1. Актант квалифицировался по количеству. В этом случае частица, сохраняя усилительное значение, выполняла присоединительную функцию, причем добавлялись элементы как входящие, так и не входящие в ряд однородных элементов:

(1) *Около его горы высокая <...>. Чеснокъ на них и лукъ растетъ <...>. Там же растутъ и конопли б(о)горасленные <...>* (АЖит, с. 42);

(2) *Аз же, нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и в той ноци вставше, предѣ образом плакався довол(ь)но о д(у)ше своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть* (АЖит, с. 17).

2. Актант мог отождествляться как таковой, идентифицироваться:

(3) *Тогда при ц(а)рѣ Иванѣ на соборѣ быша знаменосцы: Гурий, смоленский еп(и)ск(о)пъ, и Варсонофий тверский, иже и быша казанские чудотворцы, и Филиппъ, соловецкый игуменъ, иже и митрополитъ московской, и иные от с(вя)тых русских* (АЖит, с. 53).

3. Отождествлялись качества актантов:

(4) *<...> яковъ || от(е)цъ, таковъ с(ы)нъ, таковъ и д(у)хъ с(вя)тый <...>* (АЖит, с. 16); или

(4) *И, плачючи, послал во церковь по потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона – юноша, таков же, что и Евфимей, лет в четырнадцать* (АЖит34, с. 142);

(5) *Подобием онъ, что и Симеонъ, друг мой <...>* (АЖит, с. 62).

4. Актанты отождествлялись по функции:

(6) *<...> б(о)гъ- от(е)цъ, б(о)гъ-с(ы)нъ, б(о)гъ – и д(у)хъ с(вя)тый <...>* (АЖит, с. 16).

Высказывания с **и** могли описывать действие – как не достигающее до минимума, так и распространяющееся на крайний в цепи возможных объектов [5]:

1. Действие не доходило до естественного минимума, причем частица могла относиться и к глаголу, и к имени:

(7) *<...> нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиха; аз же послѣ их всталцился зѣло разслаблен и разломан, не могу и сидѣть* (АЖит, с. 70);

(8) *Егда бысть патриархом, такъ нас и в кр(е)стовую не стал пускат(ь) <...>* (АЖит, с. 23).

2. Действие, наоборот, распространялось на крайний из цепи возможных объектов или даже доходило до запретного по распространению объекта. В этом случае в частице совмещались усилительное и присоединительное значения:

(9) *Отцы же с грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился; ано и стѣны разорены моих храминъ* (АЖит, с. 20);

(10) *Боярня прислала – пожаловала сковородку пиеницы, и мы кутыи наелис(ь). Кормилица моя была боярня-та, Евдокья Кириловна, а и с нею дьяволь ссорилъ сще <...>* (АЖит, с. 37).

И могло употребляться в составе сравнительных союзов, союзов, выражающих условно-следственные, временные, уступительно-противительные отношения, внося значения, близкие к ‘даже’ или ‘также’:

(11) *<...> А мнѣ видятся || равны уже онѣ мертвецам тѣмъ; **аще и** живи сут(ь), но исполу живи, но дѣла мертвечия творят, срамно и з(лаго)лати о них* (АЖит, с. 78);

(12) *Но **аще** ревнитель Стефанъ и обличилъ сию триперъскую ерес(ь), а однако римляне и до н(ь)нѣ трема персты кр(е)стятся <...>* (АЖит, с. 78);

(13) *<...> **хотя**-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы* (АЖит34, с. 106);

(14) ***Хотя и** умрешь после того, ино хорошо* (АЖит34, с. 98);

(15) *До Василия пояху во ц(е)ркви а||нг(е)льския рѣчи <...> **Егда** же бысть Василий, **и** повелѣ пѣти двѣ анг(е)льския рѣчи, а трет(ь)юю – ч(е)л(ов)ѣческую <...>* (АЖит, с. 15);

(16) *“За что ты, с(ы)не б(о)жий, попустил таково бол(ь)но убит(ь)-тово меня? <...> **Когда** воровалъ, **и** ты меня такъ не оскорблялъ, || а н(ь)нѣ не вѣмъ, что согрѣшил!”* (АЖит, с. 30);

(17) ***Яко** же тело алчуще желает ясти и жаждуще желает пити, **так**о и душа <...> брашна духовнаго желает* (АЖит, с. 117).

Заключение. Таким образом, анализ семантики и функций усилительных частиц позволяет сделать вывод об их функциональном и семантическом многообразии. Кроме основных значений, зафиксированных в словарях, частицы вносят в высказывание множество коннотативных. Особого внимания заслуживает вопрос о синонимичности лексем, их контаминациях, а также взаимозаменяемости.

В словарях обычно описываются основные значения частиц (как правило, не более 3–4). Определения носят слишком общий характер (усилительная; употребляется для отождествления; употребляется для придания большей выразительности; употребляется перед словом, которое логичеки выделяется, и т.п.) и не дают представления обо всем многообразии значений, которые частицы вносят в высказывание. Именно эти дополнительные значения и описывались как коннотативные.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. АЖит – Житие Аввакума [Текст] // Пустозерский сборник Н.И. Заволоко. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. – Л. : Наука, 1975. – С. 9–80.

2. АЖит34 – Аввакум. Житие протопопа Аввакума: [Основной текст] // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Academia, 1934. – С. 6–157.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов А.А. Российская грамматика / А.А. Барсов. – М: Изд-во Московского университета, 1981. – 776 с.

2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – [2-е изд.] – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

3. Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска об искусстве совершенного осмий частей слова (1596 г.). Факсимильное издание / Зизаний Лаврентий. – К. : Наукова думка, 1980. – 55 с.
4. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 11 т. / М.В. Ломоносов. – М. – Л. : Изд-во АН СССР. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – 1952. – 591 с.
5. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков) / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка [под ред. Н.Ю. Шведовой] / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1978. – 921 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – [6-е изд.] – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. – 450 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
9. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г.А. Богатова]. – Вып. 2. – М.: Наука, 1975. – 319 с.
10. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г.А. Богатова]. – Вып. 5. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. [гл. ред. Г.А. Богатова]. – Вып. 6. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
12. Словарь русского языка XVIII вв. [гл. ред. Ю.С. Сорокин]. – Вып. 2. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. – 247 с.
13. Словарь русского языка в 4-х томах / [под ред. А.П. Евгеньевой]. – Т. I. – М.: Русский язык, 1981. – 696 с.
14. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 2. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 1460 стлб.
15. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 4. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 1286 стлб.
16. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / [под ред. Н.Ю. Шведовой]. – Т. 5. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 918 стлб.
17. Смотрицкий Мелетий. Грамматика словенская правильное синтагма (1619 г.) / Мелетий Смотрицкий. – К. : Наукова думка, 1979. – 111 с. – (Пам'ятки української мови XVII ст.) / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні.
18. Современный русский язык: учебник для филологических факультетов университетов. Часть II (Морфология. Синтаксис) / В.А. Белошапкова, Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и др.; [под ред. Е.М. Галкиной-Федорук]. – М. : Издательство Московского университета, 1964. – 640 с.
19. Стародумова Е.А. Избранные работы: описание русских частиц, словарные статьи, синтаксис художественной прозы / Е.А. Стародумова. – Владивосток : Изд-во Мор. гос. ун-та, 2011. – С. 101–111.
20. Стародумова Е. А. Союзы и частицы в парадигматическом и синтагматическом аспектах [Текст] / Е. А. Стародумова, А. Ф. Прияткина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 20–24.
21. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. / А.А. Шахматов. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1941. – 620 с.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

SEMANTIC VARIATION OF EMPHATIC PARTICLES IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XVII CENTURE (BASED ON «THE LIFE OF PROTOPOPE AVVAKUM»)

L.Ye. Shokotko

The article deals with the analysis of functions of emphatic particles in the Russian language of the XVII century. The syndetic functions of the particles *ведь* and *же* are considered. The basic and additional meanings of the particle *и* and the conditions of their implementation are described.

Key words: particle, identification, connective function, conjunction, emphatic meaning.

Шокотко Лариса Евгеньевна.

Кандидат филологических наук.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького».

Доцент кафедры русского и латинского языков.

E-mail: larisa.yevvg@mail.ru

Shokotko Larisa Yevgenyevna.

Candidate of Philology.

Donetsk National Medical University named after M. Gorky.

Associate Professor of Department of the Russian and Latin Languages.

E-mail: larisa.yevvg@mail.ru

УДК 811.161.1

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В ОНЛАЙН-ФОРМАТЕ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

© 2021 А.А. Шульдишова

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

В статье представлен опыт организации внеаудиторной культурно-просветительской и воспитательной работы в условиях дистанционного обучения русскому языку как иностранному (РКИ) с использованием интернет-ресурсов и веб-квест технологий для организации ролевых игр на материале русской классической поэзии и русских романсов. Представлены образцы отдельных элементов проекта творческого веб-квеста, его структура, роли для участников и образцы заданий.

Ключевые слова: РКИ, внеаудиторная работа, веб-квест, русская поэзия, русский романс.

На волне вынужденно активизировавшегося интереса к различным формам дистанционного обучения в образовательный процесс стали внедряться различные методики обучения именно с использованием возможностей Интернета, среди которых определённый интерес представляют WebQuest-технологии. Это, сравнительно недавно бывшее инновационным, направление не прошло мимо внимания методистов русского языка как иностранного, заинтересовало преподавателей и побудило к поиску приёмов и способов его применения для реализации целей обучения РКИ. Здесь, конечно, важно разобраться в том, что можно считать уже апробированной в классической и современной методике РКИ *базой*, а что именно – *новациями* в обучении.

В данном случае мы будем говорить о WebQuest-технологиях лишь *в узком педагогическом смысле*, имея в виду специально организованные проблемные задания, своего рода сценарии для организации деятельности учащихся с частичным применением Интернет-ресурсов для поиска необходимой информации.

Вся поисковая деятельность обучающихся и последующее оперирование полученными данными в компьютерных программах относится к безусловным новациям WebQuest-технологий. А всё то, что предшествует собственно поисковой деятельности, вне всякого сомнения, базируется на хорошо известных и широко применявшихся методах, разработанных или адаптированных для нужд РКИ в предшествующий период развития методики его преподавания. Сюда в первую очередь можно отнести ролевые и деловые игры, так же, как и WebQuest-технологии, базирующиеся на принципе интерактивности, а также проективные методики [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Распространение интерактивного подхода на весь комплекс работы (как учебной, так и воспитательной) определило возможности обеспечения готовых к сотворчеству студенческо-преподавательских коллективов идеями и приёмами работы и “на дистанции”, и при непосредственном контакте с обучающимися. WebQuest несомненно эффективен при организации самостоятельной творческой дистанционной работы студентов с участием преподавателя как в учебное, так и во внеаудиторное время. Это позволяет найти резервы и сделать ту работу, которую из-за нехватки времени студенты не успевают выполнить на занятиях.

Как показал непродолжительный, но имевший место опыт, имеет смысл использовать веб-квест-подходы в качестве базового формата при организации

внеаудиторной воспитательной и культурно-просветительской работы с иностранными студентами в целях не только совершенствования знаний, умений и навыков владения русским языком в общественно-культурной сфере, но и для повышения действенности мотивационного фактора. Широкое участие во внеаудиторной работе можно предложить тем студентам-иностранцам, которые желают знать больше, хотят совершенствоваться уже приобретённые навыки.

Очевидно, что изучение языка предусматривает необходимость знакомства с культурой носителей языка. При этом уровень ознакомления иностранцев с культурой, конечно же, зависит от основных задач обучения и связан со временем, отводимым на овладение языком как средством получения образования.

Далее мы покажем, как, используя “симбиоз” возможностей WebQuest-технологий и традиционных приёмов педагогического общения, можно знакомить иностранных студентов с отобранным для внеаудиторной воспитательной работы материалом. Речь пойдёт о текстах стихотворных произведений и песен, которые занимают важное место в культуре любого народа.

Иностранным студентам, приступающим к изучению русского языка, фактически неизвестно творчество русских поэтов и композиторов. Программы же обучения РКИ созданы с учётом в первую очередь языка будущей специальности студентов. Поэтому преподаватели РКИ на нефилологических факультетах и негуманитарных специальностях не имеют возможности осветить системно историю русской культуры. Не предусмотрено и специальное время для знакомства с русской музыкальной культурой. Отсутствуют и учебные пособия, в которых студентам предлагался бы анализ стихотворений и их музыкальных интерпретаций.

Можно отметить, что в отличие от иностранных, русские методисты не проявляют особого интереса к использованию поэтического и песенного творчества в обучении РКИ, несмотря на очевидную мотивационную эффективность правильно подобранного материала. При этом многие иностранные студенты проявляют большой интерес к русской песенной культуре. Особенно это чувствуется при подготовке студентов-иностранцев к различного рода праздничным мероприятиям. Даже те, кто не умеет петь, проявляют желание поучаствовать в подготовке выступлений товарищей. А что касается талантливых исполнителей, то, как показал опыт, все, кому предлагалось исполнить песню, прочесть стихотворение, показать танец и пр., выражали согласие. Ещё одно наблюдение: студенты высоко ценят заинтересованность и помощь преподавателя в подготовке таких мероприятий.

Поскольку методика использования песенного материала в обучении РКИ не разработана, существует возможность направить усилия на её развитие, поэкспериментировать, попробовать использовать интернет-ресурсы. Сейчас, когда интернет в буквальном смысле “заполонён” музыкой, фонограммами, караоке, не представляет особого труда включить песню в учебный процесс, а формат WebQuest позволяет задействовать всех желающих проявить себя.

В сообщении рассмотрен проект творческого использования ролевой игры, элементов театрализации и веб-квест-технологии, предназначенный для долговременной групповой работы, на материале текстов русской поэзии и русских романсов.

Предлагаемый комплекс предназначен для развития навыков выразительного чтения, умения строить монологическое высказывание, вступать в дискуссию, выражать личное отношение к поэтическому тексту, доказывать правоту своего мнения. Предполагается совершенствование культурологической компетенции

иностраннных студентов. Особое место отводится формированию умения аудировать тексты в музыкальном сопровождении. По нашему мнению, всё это способствует привитию не только интереса, но и подлинной любви к поэтическому творчеству, а кроме этого, совершенствует общеречевую и культурологическую компетенцию иностраннных студентов.

В рамках проекта преподаватель создаёт ситуации, в которых студент самостоятельно учится петь под фонограмму, учит слова, совершенствует произношение, занимается поиском значений незнакомых слов и другой работой. Итоги представляются в виде виртуального литературно-музыкального вечера – защиты проделанной работы. Преподаватель предоставляет возможность иностраннным студентам самостоятельно подготовить мероприятие – литературно-музыкальную композицию-концерт.

Часть, относящаяся к использованию WebQuest-технологий, может иметь следующую структуру.

1. «Визитная карточка» – описание предмета веб-квеста. 2. Описание задач для каждой роли, формы презентации результатов работы, пошаговый «маршрут» работы. 3. Описание последовательности действий на «командном» финальном этапе работы под управлением преподавателя. 4. Источники (список ссылок на интернет-ресурсы, электронные библиотеки, другие материалы: тексты песен, поэтических произведений и пр.). 5. Критерии оценки типов заданий. 6. Методические рекомендации для преподавателей. 7. Итоги – результаты, оценка деятельности иностраннных студентов, проведение конкурса выполненных работ. 8. Определение сроков выполнения индивидуальных заданий и коллективной реализации финального задания. 9. Определение сроков выполнения генерального задания – финальный результат (проведение концерта в электронном формате).

Открывает проект вводная часть – визитная карточка, из которой студенты узнают название, продолжительность, цели, задачи, роли для участников веб-квеста, сроки выполнения индивидуальных заданий и коллективной подготовки к концерту. Во вводной части также предусмотрена общая инструкция для всех участников проекта, генеральное задание и рекомендуемый список ссылок на материалы.

В основной части веб-квеста представлены роли для участников: чтец, певец, аккомпаниатор, звукорежиссёр, менеджер по рекламе, биограф, декоратор, музыковед, журналист, ведущий, сценарист, видеомонтажёр. В рамках каждой роли учащимся предлагаются разные по степени сложности темы для обсуждения, вопросы и творческие задания.

Для примера покажем лишь образцы заданий для нескольких ролей.

Роль чтеца / Группа «Чтецы»

Для снятия трудностей в освоении лексики преподаватель должен оказать помощь в семантизации отдельных лексических единиц, прокомментировать обороты образного характера. Однако сначала нужно дать возможность студентам самостоятельно описать значения слов и выражений, попытаться разгадать идейно-художественный замысел поэтического произведения. Поэтому первыми заданиями будут следующие: 1) *прочитать предложенные стихотворения; 2) выбрать одно наиболее понравившееся произведение; 3) перевести незнакомые слова на родной язык, дать толкование на изучаемом русском языке, а результаты работы представить в виде краткого “тематического” словарика незнакомой “поэтической” лексики и словосочетаний выбранного стихотворения.*

При отборе материала целесообразно учитывать наличие «предыстории» у произведений. Это позволяет разумно включать некоторые стороны биографии писателей и поэтов, обращать внимание на события (эпизоды) их личной жизни, относящиеся к периоду создания того или иного художественного произведения.

Снять трудности содержательного плана помогут задания типа: 1) *собрать краткие сведения об авторе стихотворения, мотивах, предопределивших создание произведения*; 2) *охарактеризовать эпоху, в которой творил поэт, реперзентировать отличительные особенности русской литературы того времени*.

В дополнение к уже перечисленным можно предложить задания на: 1) *определение ключевых образов стихотворения*; 2) *выявление скрытого смысла, эмоционального состояния героев*; 3) *подготовку литературоведческого комментария выбранного поэтического произведения, а также собственной интерпретации стихотворения*; 4) *выявление индивидуально-авторских приёмов поэтического письма*; 5. *определение в тексте стихотворения слов, характеризующих героиню (лирического героя)*.

Итоговые задания для роли чтеца: 1) *выучить наиболее понравившееся стихотворение наизусть*; 2) *записать собственное исполнение поэтического произведения*; 3) *составить краткий комментарий к стихотворению*; 4) *подобрать иллюстрацию (рисунок, фотоснимок, репродукцию) к стихотворению*.

Роль менеджера по рекламе

Ни одно мероприятие не обходится без объявления. Чтобы создать рекламный проект литературно-музыкальной композиции, предлагаем выполнить следующие задания: 1) *ознакомиться с программой мероприятия (а) прослушать романсы; б) прочитать стихотворения; в) изучить творческий и жизненный путь поэтов*).

Итоговые задания для роли менеджера по рекламе: 1) *изучить предложенные образцы объявлений*; 2) *придумать текст к «афише» мероприятия*; 3) *красочно оформить объявление*; 4) *представить рисунок с текстом объявления в формате *pdf*.

На завершающем этапе предлагается провести итоговое виртуальное мероприятие в виде литературно-музыкального монтажа. Концерт – это возможность для иностранных студентов увидеть себя в новых ролях. Участники читают стихотворения, вокальная группа исполняет романсы на тексты русских поэтов, инсценировка фрагмента поэтического произведения объединяет студентов в мини-группы, в которых учащиеся максимально проявляют индивидуальные способности, творческое умение предложить, организовать мероприятие.

Опыт, полученный при работе с известными иностранным студентам стихотворениями и романсами, по нашему мнению, может стать мотиватором интереса к русской культуре в целом. Участие в литературно-музыкальной композиции дополнительно мотивирует интерес к русскому языку, к русской литературе и музыке, то есть одновременно к нескольким сторонам русской культуры. Различные виды работы с текстом помогут носителю иного языка и культуры найти разгадку смысла стихотворений и, следовательно, повысить читательский интерес к русской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева А.В. Методика использования интерактивных форм при развитии устно-речевых умений на русском языке как иностранном в условиях краткосрочного обучения. – автореф.... кандидата педагогических наук, 13.00.02 / А.В. Васильева. – Санкт-Петербург, 2019.

2. Мирошник Л.В. Метод проектов в практике преподавания русского языка как иностранного для студентов медицинских вузов / Л.В. Мирошник // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. – 2015. – № 2 (55) – С. 62–66.

3. Назаренко Е.Б. Ролевая игра на основе видеосюжета на уроках русского языка как иностранного / Е.Б. Назаренко, Д.В. Халявина // Научный результат. Педагогика и психология образования – 2006. – т. 2. - №. 1. – С. 22–25.

4. Понкратова Е.М. Коммуникативные игры при изучении русского языка как иностранного / Е.М. Понкратова, Л.Н. Коберник, Е.Л. Омелянчук // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26553> (дата обращения: 25.06.2020).

5. Потапова М.М. Ролевая игра как прием активизации обучения русскому языку как иностранному студентов гуманитарных факультетов – дис.... кандидата педагогических наук, 13.00.02 / М.М. Потапова. – Санкт-Петербург, 2000. – 301 с.

6. Титаренко Н.В. Методика организации ролевых игр проблемной направленности при дистанционном обучении иностранным языкам (на материале английского языка) – дис.... кандидата педагогических наук, 13.00.02 / Н.В. Титаренко. – Москва, 2007.

Поступила в редакцию 02.02.2021 г.

ONLINE ROLE-PLAYING GAMES IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES WITH FOREIGN STUDENTS

A.A. Shuldishova

The article deals with the experience of extracurricular cultural and educational activities in online teaching Russian as a foreign language. The emphasis is made on the Internet resources and web-quest technologies for role-playing games being used in teaching the language on the material of Russian classical poetry and Russian romances. The samples of certain elements of the creative web-quest project, its structure, roles for participants and task types are presented.

Key words: Russian as a foreign language, extracurricular activities, webquest, Russian poetry, Russian romance.

Шульдишова Алина Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

Российский университет дружбы народов.

Доцент кафедры русского языка Медицинского института.

E-mail: shuld_a@mail.ru

Shuldishova Alina Anatolevna.

Candidate of Philology.

Peoples' Friendship University of Russia.

Associate Professor of the Russian Language

Department at the Medical Institute.

E-mail: shuld_a@mail.ru

УДК 81'373

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ОТОНИМНЫХ СЛОЖНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© 2021 Н.А. Ярошенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье определяются и анализируются лексико-семантические группы отонимных сложных номинаций лица в русском языке. Предложенная лексико-семантическая классификация отонимных сложных номинаций лица базируется на типологии поприальной лексики, а также на структурно-семантических параметрах рассматриваемых сложных дериватов. Устанавливаются специфические особенности отонимных сложных номинаций лица.

Ключевые слова: номинация лица, сложная номинация лица, композит, оним.

Имена собственные, которые, как известно, являются классическим примером абсолютных универсалий, в числе прочего представляют собой знаки, аккумулирующие культурно-историческую информацию. При этом они обладают высоким деривационным потенциалом, выступая значимым источником обогащения словарного состава языка. Отонимная деривация, противопоставляясь онимизации нарицательных имён существительных и внутрионимной деривации (трансонимизации и трансформации имён собственных), в первую очередь предполагает образование отонимных апеллятивов с помощью различных словообразовательных способов.

Следует отметить, что словообразовательная номинация на базе имён собственных по преимуществу изучается на материале отонимных неологизмов и окказионализмов, образованных от антропонимов – в частности так называемых ключевых онимов текущего момента (прецедентных онимов) – и функционирующих в политическом дискурсе и в СМИ (см., например, [3; 4; 5; 6; 7; 15; 16; 18] и др.).

Так, по наблюдениям Е. А. Ждановой, анализ словообразовательных неологизмов-субстантивов, представленных в трёхтомном словаре-справочнике «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века», позволяет «отметить большое количество отонимических (в первую очередь отантропонимических) производных, относящихся к области политической деятельности: только в первом томе словаря зафиксировано более 100 новообразований, исходными для которых являются имена и фамилии известных политиков» [5, с. 210] (ср. [2, с. 153]).

Вместе с тем определённый интерес представляет комплексный анализ номинаций лица в целом и сложных номинаций лица в частности, образованных на базе различных разрядов онимов. Как свидетельствует даже предварительная систематизация фактического материала, извлечённого методом сплошной выборки из различных источников, сложные номинации лица указанного типа чрезвычайно разнообразны в семантическом отношении.

Предлагаемая статья продолжает цикл публикаций автора, посвящённых анализу сложных номинаций лица, в том числе выделению и описанию сложных номинаций

лица, объединённых в лексико-семантические группы на основе семантической общности их производящих основ (см. [19; 20; 21; 22; 23 и др.]).

Цель статьи заключается в том, чтобы определить и описать лексико-семантические подгруппы отонимных сложных номинаций лица, функционирующих в русском языке, а также установить деривационный потенциал различных разрядов имён собственных, выступивших в качестве производящих баз для рассматриваемых сложных номинаций лица.

Материал исследования извлекался путём сплошной выборки из многочисленных выпусков серии «Новое в русской лексике: Словарные материалы», серии «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы ...» (60-х, 70-х, 80-х и 90-х годов), «Словаря новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х)», из академических толковых словарей русского языка, специализированных словарей номинаций лица новейшего времени О. В. Григоренко, Е. А. Зайцевой и О. И. Литвинниковой, Е. И. Главацкой, «Толкового словаря названий женщин» Н. П. Колесникова, из диалогов персонажей детективного сериала «След», тематических групп и форумов в социальных сетях «ВКонтакте» и «Facebook». *Выборка*, результаты анализа которой представлены в настоящей статье, охватывает 710 сложных номинации лица, в качестве производящей основы которых выступил оним того или иного разряда.

Следует отметить, что в работе придерживаемся широкого понимания термина *композит*, при котором к номинациям лица композитного типа относим все дериваты, в составе которых реализовано более одного корня (независимо от того, в полном или сокращённом виде этот корень представлен в сложном слове), а также сложные заимствования и сложнопроизводные слова (ср. [13]).

Прежде чем осуществлять лексико-семантическую стратификацию отонимных сложных номинаций лица, рассмотрим несколько наиболее авторитетных классификаций имён собственных.

По определению О. И. Фоняковой, «имя собственное – это универсальная функционально-семантическая категория имён существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевлённых и неодушевлённых), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [17, с. 21].

Комплекс собственных имён всех разрядов и уровней, употребляемых определённым народом в определённый период, образует ономастическое (онимное) пространство [11, с. 141, с. 147–148; 9, с. 104].

Имена собственные могут классифицироваться на разных основаниях, при этом широко известна классификация онимов в зависимости от объекта наименования. Так, В. Д. Бондалетов включает в сферу ономастики все существующие и существовавшие в данном языке ономастические единицы и делит собственные имена на такие классы: 1) *антропонимы* – названия человека (его имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним); 2) *топонимы* – названия географических объектов (рек, морей, океанов, гор, возвышенностей, низменностей, а также городов, сёл, площадей, звёзд, планет, комет); 3) *зоонимы* – клички животных (лошадей, коров, верблюдов, собак, кошек, птиц, рыб); 4) *теонимы* – названия богов, демонов, мифологических персонажей и т. п.; 5) *ктематонимы* – название предприятий, учреждений, организаций, исторических событий, праздников, органов печати, издательств, произведений литературы и искусства, пароходов, поездов, спутников, театров, магазинов, отдельных предметов, например: мечей, колоколов и др. [1, с. 3]. А. В. Суперанская считает, что

ономастическое пространство включает имена реальных предметов, имена вымышленных предметов, имена гипотетических предметов [11, с. 148]. Таким образом, исследовательница разделяет ономастическое пространство на отдельные области в соответствии с именуемыми объектами. А. А. Уфимцева на базе принципа предметности, т. е. по обозначаемым онимами предметам, подразделяет имена собственные на такие разновидности: 1) названия лиц (имя, фамилия, отчество); 2) имена (клички) животных, птиц и т. п.; 3) топографические имена – рек, океанов, морей, заливов, проливов, озёр, стран, океанов, гор, горных хребтов, городов, поселений, парков, улиц, дорог и т. п.; 4) имена зданий, учреждений, пароходов, самолётов и других средств передвижения; 5) названия книг, журналов, пьес и т. п. К так называемым «квазисобственным» именам А. А. Уфимцева относит такие, «как названия периодов истории, культурных и политических движений, имена исторических личностей, героев и мест, изображаемых в литературе, а также названия (этикетки) изделий, товаров, продуктов питания» [14, с. 158].

Существуют разные модели описания организации онимного пространства языка. Так, согласно полевому подходу, предложенному В. И. Супруном, «ономастическое пространство представляет собой полевою структуру с ядерными и периферийными конституентами» [12, с. 6]. В соответствии с моделью онимного пространства, разработанной В. И. Супруном, ядерную зону занимают антропонимы, окооядерную зону – антропонимоподобные образования (зоонимы, теонимы, мифонимы), топонимы, космонимы, астронимы тяготеют к ядру. В качестве периферийных разрядов имён собственных ономаст называет гемеронимы, геортонимы, фалеронимы, документонимы, прагмонимы, эргонимы, товаронимы (см. [12]). Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» выделяет две большие группы периферийных онимов: 1) идеонимы как названия объектов умственной деятельности (артионимы, библионимы, геортонимы, гемеронимы, документонимы, поэтонимы и хрононимы) и 2) прагматонимы как названия объектов прагматической деятельности (хремонимы, порейонимы, ойконимы, ойкодомонимы, урбанонимы, дромонимы, агроонимы, эргонимы и др.) [10]. К. В. Першина, придерживаясь ядерно-периферийной модели онимного пространства и разграничивая в его структуре центр (ядерную зону), ближнюю и дальнюю периферию и онимно-апеллятивное пограничье, также выделяет секторы онимного пространства, а внутри их – поля (см. [8]).

Таким образом, исходя из обозначенных теоретических предпосылок, а также учитывая структурно-семантические особенности рассматриваемых номинаций, считаем возможным классифицировать выявленные отонимные сложные номинации лица по следующим лексико-семантическим группам и подгруппам:

1. Отантропонимные сложные номинации лица (151 единица, или 21,3 % выборки):

1.1. Номинации сторонников, почитателей какого-либо политического, общественного деятеля: *бушелюб* (< Буш), *ебелдос* (< Ельцин + Белый дом + свобода < «Ельцин, белый дом, свобода»), *ельциноман* (< Ельцин), *забелдос* (< защитник + Белый дом + свобода < защитник белого дома свободы), *кличколюб*, *кличкофил* (< Кличко), *наполеонолюб* (< Наполеон), *полпотовец* (< Пол Пот), *порошенкофил* (< Порошенко), *путиноман*, *путинопоклонник*, *путинофил*, *вернопутинец* (< Путин), *сталинопоклонник*, *сталинофил* (< Сталин), *столыпинолюб* (< Столыпин), *трампопоклонник*, *трампфил* (< Трамп), *ющенколюб* (< Ющенко) и др.

1.2. Номинации противников, недоброжелателей какого-либо политического, общественного деятеля: *кличкофоб* (< Кличко), *порошенкофоб* (< Порошенко), *прилепинофоб* (< Прилепин), *путинофоб* (< Путин), *сталинофоб* (< Сталин) и др.

1.3. Номинации почитателей, поклонников, фанатов какого-либо музыкального исполнителя, артиста, актёра и т. п.: *киркорофил* (< Киркоров), *тарантиноман* (< Тарантино), *глиттер-рокер* (< англ. *glitter rock* < Гэри Глиттер).

1.4. Номинации почитателей, любителей, поклонников творчества какого-либо писателя, философа и т. п.: *блоколюб*, *блоколюбец* (< Блок), *булгакоман* (< Булгаков), *бунинолюб* (< Бунин), *гоголелюб* (< Гоголь), *гринолюб* (< Грин), *достоевсколюб* (< Достоевский), *евтушенколюб* (< Евтушенко), *пушкинолюб*, *пушкинолюбец* (< Пушкин), *шекспирилюб* (< Шекспир), *кантолюб* (< Кант) и др.

1.5. Номинации почитателей, любителей, поклонников фильмов, сериалов о том или ином известном персонаже: *шерлокоман* (< Шерлок) ‘страстный поклонник фильмов и сериалов о Шерлоке Холмсе’, *рэмбоман* (< Рэмбо – персонаж одноименного американского фильма) ‘поклонник Рэмбо, героя-супермена одноименного американского фильма’.

1.6. Номинации тех, кто своим поведением, характером, внешностью и под. напоминает известную личность или персонажа: *телепетросян* (< Петросян) ‘артист, развлекающий аудиторию шутками с экрана ТВ’, *киноштирлиц* (< Штирлиц) ‘киногерой, напоминающий героя телесериала «Семнадцать мгновений весны»’, *джеймсбондовец* (< Джеймс Бонд) ‘ловкий шпион, детектив, который похож на популярного героя западных приключенческих фильмов Джеймса Бонда’, *рэмбополитик* (< Рэмбо – персонаж одноименного американского фильма) ‘американский политик с психологией, поведением супергероя’, *партиноздрёв* (< *партийный* + *Ноздрёв* – герой романа-поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души») ‘наглый, бесцеремонный политик, пустой болтун и хвастун’. К этой группе на основании семантического критерия (свёрнутое сравнение) можно отнести номинацию *авторобинзон*: *авторобинзон* (< *автомобиль* + *Робинзон*) 1) ‘водитель автомобиля, который из-за бездорожья не может им воспользоваться, поскольку не может по плохой дороге на своём автомобиле покинуть населённый пункт’; 2) ‘тот, кто путешествует на автомобиле и отдыхает дикарём, т. е. без путёвки, в кемпинге, в палаточном городке и под.’.

1.7. Номинация актёра по имени его персонажа: *кино-Грей* (< имя собственное Грей – герой повести А. Грина «Алые паруса») ‘тот, кто играет Грея в кино’. Ср. *аудио-Татьяна* (< Татьяна из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин») ‘аудиозапись арии Татьяны из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин»’.

1.8. Номинации литературоведов, искусствоведов, изучающих жизнь и творчество какого-либо писателя, музыканта, композитора, философа и под.: *андерсеновед* (< Андерсен), *ахматовед* (< Ахматова), *байроновед* (< Байрон), *бёрнсоевед* (< Бёрнс), *блоковед* (< Блок), *булгаковед*, *булгаковедка* (< Булгаков), *высоцковед* (< Высоцкий), *гегелевед* (< Гегель), *гётевед* (< Гёте), *гоголевед* (< Гоголь), *горьковед* (< Горький), *гофмановед* (< Гофман), *грибоедовед* (< Грибоедов), *гриновед* (< Грин), *джойсовед* (< Джойс), *достоевед*, *достоевскоевед* (< Достоевский), *дюмавед* (< Дюма), *есениновед*, *есениноведка* (< Есенин), *лермонтовед* (< Лермонтов), *моцартовед* (< Моцарт), *прокофьевовед* (< Прокофьев), *пушкиновед* (< Пушкин), *сервантесовед* (< Сервантес), *тютчевед* (< Тютчев), *цветаевовед* (< Цветаева), *хармсовед* (< Хармс), *чеховед* (< Чехов), *шолоховед* (< Шолохов), *шопеновед* (< Шопен), *шукшиновед* (< Шукшин), *щедриновед* (< Салтыков-Щедрин) и др. Ср. также номинацию *дракуловед* (< Дракула).

‘тот, кто занимается изучением всего того, что связано с именем Дракулы – знаменитого персонажа литературы и кино’.

К этой группе примыкает номинация *фабержесвед* (< *Фаберже*) ‘специалист по изделиям российской ювелирной фирмы Фаберже’, которая соотносится как с антропонимом, так и с прагматонимом.

1.9. Номинации тех, кто изучает жизнь и деятельность какого-л. политика, общественного деятеля и под.: *байденосвед* (< *Байден*), *гитлеросвед* (< *Гитлер*) ‘об авторе книг о Гитлере (в ФРГ)’, *жириносвед*, *жиринолог* (< *Жириновский*), *колумболог* (< *Колумб*), *лыкосвед* (< *Лыков*) ‘специалист, изучающий жизненный путь отшельника-старообрядца Лыкова’, *путиносвед* (< *Путин*), *столыпиносвед* (< *Столыпин*), *сталиносвед* (< *Сталин*), *трампосвед* (< *Трамп*), *тэтчеросвед* (< *Тэтчер*), *хрущевосвед* (< *Хрущёв*).

1.10. Особую подгруппу составляют так называемые аббревиатурные имена: *АБ₁* [абэ́], *нескл. сокр.* ‘Алла Борисовна Пугачёва, певица’, *АБ₂* [абэ́], *нескл. сокр.* ‘Алексей Балабанов, режиссёр’, *АБП* [абэпэ́], *нескл. сокр.* ‘Алла Борисовна Пугачёва, певица’, *БАБ* [баб] *нескл., сокр.* ‘Борис Абрамович Березовский, предприниматель’, *БАБушка* *шутл.* ‘уменьшит.-ласкат к БАБ – Борис Абрамович Березовский’, *БАБник* *шутл. нескл., сокр.* ‘сторонник БАБа – Б. А. Березовского’, *ББ₁* [бэбэ́] *нескл., сокр.* ‘Борис Березовский, предприниматель’, *ББ₂* [бэбэ́] *нескл., сокр.* *В качестве имени собств. разг.* ‘вместо полного имени Бриджит Бардо, актрисы’, *БГ* [бэгэ́] *нескл., сокр.* ‘Борис Гребенщиков, лидер рок-группы «Аквариум»’, *ВВ / ВэВэ* [вэвэ́] *нескл., сокр.*, *ВВП* [вэвэпэ́] *нескл., сокр.* ‘Владимир Владимирович Путин, президент Российской Федерации’, *Зю* ‘Зюганов Геннадий Андреевич, депутат Государственной Думы Российской Федерации, руководитель КПРФ’, *МММ* [эмэмэм] *нескл., сокр.* ‘Мирилашвили Михаил Михайлович, предприниматель’ и др. Ср. также номинацию *Абрапаска* (< *Абра(мович) + (Дери)паска*) *оказ. шутл.* ‘выдуманная фамилия губернатора’.

2. Оттопонимные сложные номинации лица (279 единиц, или 39,3 % выборки):

2.1. Номинации жителей того или иного населённого пункта: *архангелогородец*, *белгородец*, *благовещенец*, *верхнепышиминец*, *верхнеуслонец*, *волгоградец*, *дивногорец*, *дмитровградец*, *зеленоградец*, *кисловодчанин*, *красносулинец*, *ленинградец* и др. Как видим, отонимные номинации лица этой группы восходят к ойконимам, т. е. к названиям любых поселений.

2.2. Номинации жителей, уроженцев того или иного населённого пункта, территории, жителей, граждан государства: *дальневосточник* (< *Дальний Восток*), *донбассовец* (< *Донбасс* < *Донецкий угольный бассейн*), *восточноевропейец* (< *Восточная Европа*), *среднеевропейец* (< *Средняя Европа*), *североамериканец* (< *Северная Америка*), *амуронаселение* *разг.* (< *река Амур + население*) ‘жители населённых пунктов, расположенных на берегах реки Амур’, *гэдээровец* *разг.* (< *ГДР* < *Германская Демократическая Республика*), *СНГовец* / *СНГовец* / *СНГшник* / *эсэнговец* / *эсэнгэшник* / *эсэнгист* (< *СНГ* < *Содружество Независимых Государств*), *эфэргэшник* / *фээрэшник* (< *ФРГ* < *Федеративная Республика Германия*), *юаровец* (< *ЮАР* < *Южно-Африканская Республика*) и др. Номинации лица этой группы соотносятся с хоронимами (названиями стран, регионов) и с гидронимами в узком смысле (с потамонимами, т. е. названиями рек).

2.3. Номинации жителей какого-то государства, которые также указывают на их национальность, происхождение (в том числе смешанное), родной язык и под.: *англоавстралиец* / *англо-австралиец* ‘австралиец английского происхождения’, *англоканадец* / *англо-канадец* 1) ‘канадец английского происхождения’; 2) ‘житель англоязычной части Канады’; 3) ‘гражданин Канады, для которого родным языком

является английский’, *англосакс / англосаксонец* 1) ‘представитель германских племён – англов, саксов, ютов и фризов, положивших начало английскому народу’; 2) ‘англичанин или американец’, *ариоевропеец* ‘европеец арийского происхождения’, *афро-азиат* ‘человек смешанного африканского и азиатского происхождения’, *афроамериканка* ‘американка африканского происхождения’, *афромосквич* ‘лицо африканского происхождения, которое проживает на территории Москвы’, *афророссиянин* 1) ‘житель, гражданин России африканского происхождения; чернокожий россиянин, являющийся, как правило, ребёнком смешанной пары’; 2) ‘лицо африканского происхождения, приглашённый в Россию работать по контракту (например, профессиональный спортсмен)’, *афрорусский* ‘житель, гражданин России африканского происхождения; чернокожий россиянин, являющийся, как правило, ребёнком смешанной пары’, *афроукраинец* ‘житель, гражданин Украины африканского происхождения; чернокожий украинец, являющийся, как правило, ребёнком смешанной пары’, *американо-итальянка* ‘американка итальянского происхождения’ и др. В качестве производящих основ для отонимных сложных номинаций лица этой группы выступили в первую очередь названия стран как разновидности хоронимов.

2.4. Номинации тех, кто занимается изучением истории, культуры, экономики, природных ресурсов и под. какого-либо государства или какой-либо территории: *канадовед* (< *Канада*) ‘специалист по изучению Канады (её истории, экономики, культуры и т. п.)’, *американовед* (< *Америка*) ‘специалист по Америке (США), её истории, политике и т. п.’, *СШАист* (< *США*) *шутл.* ‘специалист по проблемам арабов и США’, *абхазовед* (< *абхазоведение* < *Абхазия*), *атлантолог* (< *Атлантида*), *москвовед* (< *Москва*), *байкаловед* (< *Байкал*). Ср. также номинации *северопроходец* (< *Север*) *газетно-публ.* ‘о том, кто осваивает, исследует Север’ и *индопроходец* (< *Индия*) ‘торговец, ведущий дела с Индией’. По преимуществу номинации лица этой группы восходят к хоронимам как к названиям определённых зон суши, в данном случае к названиям государств. Лексема *москвовед* соотносится с астионимом, т. е. с названием городского поселения, а номинация *байкаловед* – с лимнонимом, т. е. с названием озера.

2.5. Номинации сторонников, почитателей, поклонников того, что связано с культурой какого-либо государства, в том числе номинации политиков, которые симпатизируют какому-либо государству, народу: *австрофил* (< *австрийский* < *Австрия* и греч. *philēō* ‘люблю’) ‘политик, симпатизирующий Австрии’, *америкопоклонник* ‘поклонник всего американского, любитель Америки и всего, что с ней связано’, *англоман*, *англофил* ‘тот, кто имеет пристрастие к английскому образу жизни, обычаям и т. п.’, *болгароман* ‘поклонник всего болгарского, любитель Болгарии и всего, что с ней связано’, *болгарофил* ‘политик, симпатизирующий Болгарии’, *европоклонник* ‘поклонник всего европейского, любитель Европы и всего, что с ней связано’, *китаелюб*, *китаефил* ‘любитель Китая и всего, что с ним связано’, *китаеман* ‘страстный поклонник Китая и всего, что с ним связано’, *сербофил* ‘политик, симпатизирующий Сербии’, *тюркофил* ‘политик, симпатизирующий Турции’ и др.

2.6. Номинации противников, ненавистников того, что связано с культурой какого-либо государства, в том числе номинации политиков, которые испытывают нелюбовь, неприязнь к какому-либо государству, народу: *албанофоб* (< *албанский* < *Албания*) ‘тот, кто испытывает нелюбовь, неприязнь к албанскому народу, Албании’, *англофоб* (< *английский* < *Англия* и греч. *phóbos* ‘страх, боязнь’) ‘противник, ненавистник всего английского’, *боснофоб* ‘тот, кто испытывает нелюбовь, неприязнь к боснийскому народу, Боснии’, *русофоб* ‘тот, кто испытывает русофобию, т. е. нелюбовь, неприязнь к русскому народу, России’, *русохейтер* (< *русский* + англ. *hater*

‘ненавистник’) ‘тот, кто ненавидит Россию и русских’, *сербофоб* ‘тот, кто испытывает нелюбовь, неприязнь к сербскому народу, Сербии’ и др.

2.7. Номинации тех, кто хочет изменить судьбу какого-либо государства: *россиеобустройщик* (< *Россия*) ‘тот, кто занят обустройством России’, *россиеустроитель* (< *Россия*) *ирон.* ‘тот, кто якобы занят обустройством России’. Словообразовательная структура отонимных номинаций лица этой подгруппы указывает на их связь с номинацией государства как разновидностью хоронимов.

2.8. Номинации тех, кто имеет отношение к Европе, Европарламенту: *евробосс разг.* ‘руководитель, директор, представитель крупной, значимой политической, экономической, культурной, спортивной организации Европы’, *евродепутат* 1) ‘депутат Европейского парламента’; 2) ‘депутат Парламентской ассамблеи Совета Европы’, *евроизбиратель* 1) ‘лицо, принимающее участие в выборах в Европейский парламент (Европарламент) — политический орган стран Западной Европы, входящих в Европейское экономическое сообщество’; 2) ‘европеец, принимающий участие в голосовании на международных конкурсах (например, на конкурсе Евровидения)’, *еврокомиссар* ‘член Еврокомиссии (Комиссии Европейских сообществ) — высшего органа исполнительной власти Евросоюза, рекомендованный правительством своей страны, утверждённый Европарламентом и отвечающий за определённое направление работы’, *еврофил* (< *англ. europhile*) ‘политический деятель, являющийся сторонником мероприятий, направленных на объединение Европы’. Следует отметить, что подавляющее большинство номинаций этой группы включено в разряд оттопонимных условно, поскольку они связаны не столько с топонимом *Европа* (*Европейский союз*), сколько уже с эргонимами *Европарламент*, *Еврокомиссия*.

2.9. Номинации тех, кто любит какой-либо город: *донецкофил* (< *Донецк*), *киевкофил* (< *Киев*), *лондонолюб*, *лондонофил* (< *Лондон*), *мадридолюб* (< *Мадрид*), *парижелюб*, *парижефил* (< *Париж*), *питеролюб*, *питерофил* (< *Питер* < *Санкт-Петербург*), *римофил* (< *Рим*), *риоманьяк* (< *Рио-де-Жанейро*), *чилефил* (< *Чили*). Как понятно, отонимные номинации лица этой подгруппы соотносятся с названиями городских поселений – астионимами.

2.10. Номинации тех, кто не любит какой-либо город: *псковоненавистник* (< *Псков*) ‘тот, кто не любит город Псков, испытывает к нему неприязнь’, *донецкофоб* (< *Донецк*).

2.11. Номинация того, кто участвует в мероприятиях, связанных с определённым городом: *псковореконструктор* (< *Псков*) ‘тот, кто участвует в исторических реконструкциях, связанных с событиями из истории города Пскова’.

2.12. Номинации сторонников определённых политических взглядов, связанных с тем или иным регионом, городом и под.: *донбассоцентрист* (< *Донбасс*) ‘сторонник донбассоцентризма как направления в политике и экономике’, *европоцентрист* (< *Европа*) ‘сторонник европоцентризма, т. е. представления о европейском континенте как о центре культурно-исторического развития человечества’, *москвоцентрист* (< *Москва*) ‘сторонник централизованной президентской власти’. Особое место среди отонимных сложных номинаций лица этой подгруппы занимает неологизм *крымнашист* (< *крымнашизм* < *Крымнаш*) ‘сторонник крымнашизма’. Номинации *крымнашист* и *крымнашизм* восходят не непосредственно к топониму *Крым*, а к лозунгу «*Крым наш*», точнее к неологизму *крымнаш*. Как известно, *крымнаш* – это неологизм русского языка, который возник весной 2014 года в контексте общественно-политической дискуссии вокруг присоединения Крыма к Российской Федерации и имел следующее значение: *крымнаш* ‘ситуация, возникшая после присоединения Крыма к России и положительно

оцениваемая со стороны тех или иных субъектов общественно-политического дискурса'. Таким образом, отонимные номинации *крымнашист* и *крымнашизм* являются оттопонимными формально, а семантически связаны с геортонимом.

2.13. Номинация *чернобылец*, как и *крымнашист*, также может быть квалифицирована как такая, которая соотносится и с топонимом, и с геортонимом. Эта широкозначность отражается в семантических структурах и номинации лица *чернобылец*, и лексемы *Чернобыль*: *чернобылец* (< *Чернобыль* 'авария и её последствия' < *Чернобыльская АЭС* < *Чернобыль* 'город в Киевской области УССР') 1) 'тот, кто пострадал в результате аварии на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 г.'; 2) 'участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы' и *Чернобыль* 1) 'о произошедшей или могущей произойти из-за чьей-л. халатности, безответственности катастрофе с многочисленными человеческими жертвами'; 2) 'о районе, местности крайне неблагоприятных в экологическом отношении'. Переходный характер носит также номинация *воин-малоземец* (< *Малая земля* – плацдарм в предместье г. Новороссийска) 'военнослужащий, принимавший участие в защите Малой земли — плацдарма, созданного частями Советской Армии в предместье г. Новороссийска', поскольку семантически она связана и с топонимом *Малая земля*, и с геортонимом как с названием военного сражения.

2.14. Номинации строителей значимых для страны магистралей: *бамовец*, *бамовка* (< *БАМ* < *Байкало-Амурская магистраль*), *турксибовец* (< *Туркестано-Сибирская железная дорога*), *аямовец* (< *АЯМ* < *Амуро-Якутская магистраль*). Ср. также *бамовчата* (< *БАМ* < *Байкало-Амурская магистраль*) 'дети строителей БАМа'. Как видим, в качестве производящих баз для номинаций лица этой подгруппы выступили дромонимы – названия путей сообщения.

2.15. Метонимические номинации тех, кто по роду деятельности и под. связан с определённым зданием: *кремледворец* (< *Кремль*) разг. 'политик, близкий к кремлёвским кругам', *кремлеседелец* (< *Кремль*) 'член правительства, высших органов власти Российской Федерации', *кремленолог* (< *Кремль*) 'политолог, специализирующийся на изучении России', *пушкинодомец* (< «*Пушкинский Дом*») 'сотрудник Пушкинского дома – Института русской литературы АН СССР / РАН', *балтдомовец* (< «*Балтийский дом*») 'артист театра-фестиваля «Балтийский дом», *нордостовец* (< театр «*Норд-Ост*») 'тот, кто имеет отношение к театру «Норд-Ост», произошедшей там трагедии с захватом заложников', *белодомник*, *белодомовец*₁ (< *Белый дом* 'неофициальное название здания Верховного Совета СССР «Белый дом»') разг. 'защитник Белого Дома (здание Верховного Совета СССР) в 1991 г.', *белодомовец*₂ (< *Белый дом* 'неофициальное название здания Правительства России «Белый дом»') разг. 1) 'о защитнике Белого дома во время осады Парламента РФ в октябре 1993 г., т. е. оппозиционно настроенный по отношению к исполнительной власти, президенту депутат ВС РФ, участвовавший в защите Белого дома от правительственных войск в октябре 1993 г.'; 2) 'о членах правительства РФ', *белодомовец*₃ (< *Белый дом*) разг. 'о членах правительства США'. В качестве производящих основ для сложных номинаций лица этой подгруппы выступили ойкодомонимы, т. е. имена собственные зданий. Ср. также номинацию *гостинодворец* (< *Гостиный двор*) 'в России до 1917 г.: купец или приказчик, торговавший в гостинном дворе'. К номинациям лица этой подгруппы примыкает лексема *охотнорядец* (< станция метро «*Охотный ряд*») 'депутат Государственной Думы Российской Федерации (по месту расположения Государственной Думы – станция метро «Охотный ряд»)'.

2.16. Номинации заключённых лагерей: *гугаловец* (< *ГУЛаг* < *ГУЛАГ* / *Гулаг* < *Главное управление исправительно-трудовых лагерей*) 'заключённый ГУЛАГа',

гулаговка ‘женск. к гулаговец’, *сиблаговец* (< Сиблаг – *сибирский лагерь*) ‘заключённый Сиблага – лагеря политзаключённых в Сибири’, *сиблаговка* ‘женск. к сиблаговец’.

3. Отэргонимные сложные номинации лица (214 единиц, или 30,1 % выборки):

3.1. Номинации членов каких-либо политических партий, блоков: *выборосс* / *выборос*, *выбороссовец* / *выборосовец* (< политическая партия «*Демократический Выбор России*»), *делоросс* (< политическая партия «*Деловая Россия*»), *деморосс* (< политическая партия «*Демократическая Россия*»), *единоросс* (< политическая партия «*Единая Россия*»), *трудоросс* (< политическая партия «*Трудовая Россия*»), *всероссиец* (< политический блок «*Вся Россия*»), *дээсовец* (< ДС < политическая партия «*Демократический союз*»), *дэпээровец* (< ДПП < *Демократическая партия России*), *капээрэфовец* (< КПРФ < *Коммунистическая партия Российской Федерации*), *ЛДПРовец* / *элдэпээровец*, *элдэпээрэшник* (< ЛДПР < *Либерально-демократическая партия России*), *либеросс* / *либероросс* (< политическая партия «*Либеральная Россия*»), *демфорумец* (< «*Демократический форум*»), *праводел* (< партия «*Правое дело*»), *третьесильники* (< предвыборный блок «*Третья сила*»), *СДПРовец* [эсдэпээровец] (< СДПР < *Социал-демократическая партия России*), *эндээровец* (< НДР < политическая партия «*Наш дом – Россия*»), *унитовец* (< УНИТА < порт. UNITA < *União Nacional para a Independência Total de Angola* ‘*Национальный союз за полную независимость Анголы*’) и др. Ср. *пятьсотдневник* (< «*Пятьсот дней*») ‘исполнитель, сторонник экономической программы Г. А. Явлинского «*Пятьсот дней*»’. К этой подгруппе с определённой долей условности можно отнести номинации *белогвардеец* ‘человек, сражавшийся против советской власти в рядах белой гвардии’, *белогвардейка* ‘женск. к белогвардеец’, *красноармеец* ‘боец Красной Армии’, *красногвардеец* ‘боец Красной Армии’.

3.2. Номинации членов, сотрудников различных комитетов, органов, советов, комиссариатов, министерств, связанных с обеспечением государственной и мировой безопасности: *ооновец* (< ООН < *Организация Объединённых Наций*), *совбезовец* (< Совбез < *Совет безопасности*), *гебешник* / *гэбэшник*, *гебист* / *гэбист* (< ГБ < *Государственная безопасность*), *КГБист* / *кагебист* / *кагэбист* / *кэгэбист*, *КГБишник* / *кагэбэшник* (< КГБ < *Комитет государственной безопасности*), *цекист* / *цэкист* (< ЦК < *Центральный комитет*), *чекист* (< ЧК – *Чрезвычайный комитет*), *НКВДист* / *энкаведист*, *НКВДишник* / *энкаведеишник* / *энкавэдэшник* (< НКВД < *Народный комиссариат внутренних дел*), *энкагебеишник* (< НКГБ – *Народный комиссариат государственной безопасности*), *ФСБишник* / *фээсбэшник* / *фээсбеишник* / *эфэсбэшник* (< ФСБ < *Федеральная служба безопасности*), *ЦРУишник* / *цээрүишник* / *цэрүишник* (< ЦРУ < *Центральное разведывательное управление*), *ГКЧПист* / *гекачепист* / *гэкачепист* (< ГКЧП – *Государственный комитет чрезвычайного положения*), *эмвэдэшник* (< МВД < *Министерство внутренних дел*), *эмгебеишник* (< МГБ – *Министерство государственной безопасности*), *СБУишник* / *эсбэуишник* (< СБУ < *Служба безопасности Украины*), *МИДовец* / *мидовец* (< МИД < *Министерство иностранных дел*) и др.

3.3. Номинации членов, сотрудников различных объединений по борьбе с преступностью, военизированных подразделений, военнослужащих разного рода войск и под.: *обэповец* (< ОБЭП < *Отдел борьбы с экономическими преступлениями*), *обэхаэсовец* / *обэхээсовец*, *обэхаэсэшник* / *обэхээсник* (< ОБХСС < *Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности*), *рубоповец* / *руоповец* (< РУБОП < *Региональное управление по борьбе с организованной преступностью*), *УБОПовец* / *убоповец* (< УБОП < *Управление по борьбе с организованной преступностью*), *УБЭПовец* / *убэповец* (< УБЭП < *Управление по борьбе с экономическими*

преступлениями), ФАСник (< ФАС < **Ф**едеральная **а**нтимонопольная служба), фсошник / фэсэошник (< ФСО – **Ф**едеральная служба **о**храны), муровец (< МУР < Московский уголовный розыск), мусор (< МУС < Московский уголовный сыск), ВДВишник / вэдэвэшишник (< ВДВ < **В**оздушно-**д**есантные **в**ойска), ВСУшник / вэсэушник (< ВСУ < **В**ооружённые силы **У**краины), ГАИшник / гаишник, гаец, гаист (< ГАИ < **Г**осударственная **а**втомобильная **и**нспекция), ГБДДишник / гибэдэдэишник (< ГИБДД < **Г**осударственная **и**нспекция **б**езопасности **д**орожного **д**вижения), ДПСник / дэпээсник (< ДПС < **Д**орожно-**п**атрульная служба), ППСник / пэпэсник (< ППС – **П**атрульно-**п**остовая служба), МРЭОвец (< МРЭО < **М**ежрайонный **р**егистрационный **э**кзаменационный **о**тдел **Г**осударственной инспекции безопасности дорожного движения), МЧСник / эмчэсник, МЧСовец / эмчэсовец (< МЧС < **М**инистерство **ч**резвычайных **с**итуаций), СОБРовец / собровец (< СОБР < **С**пециальный **о**тряд **б**ыстрого **р**еагирования), дээндэишник (< ДНД < **Д**обровольная **н**ародная **д**ружина), первогвардеец (< «**Первая гвардейская стрелковая дивизия**») ‘военнослужащий Первой гвардейской стрелковой дивизии’, СФОРовец / сфоровец (< СФОР < англ. SFOR < **S**tabilization **F**orce) и др.

3.4. Номинации сотрудников различного рода служб, контор и др., связанных с вопросами коммунального и др. хозяйства, транспорта, социальных проблем, страхования и под.: дэзовец (< ДЭЗ < **Д**ирекция по **э**ксплуатации **з**даний), жэковец (< ЖЭК < **Ж**илищно-**э**ксплуатационная **к**онтора), жактовец (< ЖАКТ < **Ж**илищно-**а**рендное **к**ооперативное **т**оварищество), рэушник (< РЭУ < **Р**айонное **э**ксплуатационное **у**правление), минводхозовец (< Минводхоз < **М**инистерство **м**елиорации и **в**одного **х**озяйства), гээсэсовец (< ГСС < **Г**ородская **с**оциальная **с**лужба), орсовец (< ОРС < **О**тдел **р**абочего **с**набжения), умитовец (< УМИТ < **У**правление **м**еханизации и **т**ранспорта), росхозторговец (< Росхозторг) ‘работник Росхозторга’, госстраховец (< «Госстрах» < **г**осударственное **с**трахование) и др.

3.5. Номинации членов различных обществ, организаций, движений и под., в том числе и молодёжных, объединяющих людей по интересам, по поиску решений общих проблем и др.: доссафовец (< ДОСААФ < **Д**обровольное **о**бщество **с**одействия **а**рмии, **а**виации и **ф**лоту), народнофронтовец (< общественное движение «**Народный фронт**»), ДПНИшник (< ДПНИ – **Д**вижение **п**ротив **н**езаконной **м**играции), вдобтовец (< ВДОБТ < **В**сесоюзное **д**обровольное **о**бщество **б**орьбы за **т**резвость), дэповец (< ДЭП < **Д**вижение **э**кологических **п**роблем), гринписовец (< «Гринпис» < англ. Greenpeace < green ‘зелёный’ + peace ‘мир’) ‘член Гринписа – общественного движения, объединяющего защитников окружающей среды, выступающих за сохранение экологического равновесия на Земле’, всхсоновец (< ВСХСОН < **В**сероссийский **с**оциально-**х**ристианский **с**оюз **о**свобождения **н**арода), АОДовец (< АОД < **А**рмянское **о**бщенациональное **д**вижение), смоувец (< СМОУ < **С**оюз **м**олодёжных **о**рганизаций **У**краины), мапряловец (< МАПРЯЛ < **М**еждународная **а**ссоциация **п**реподавателей **р**усского **я**зыка и **л**итературы), МАНовец / мановец (< МАН – **М**алая **А**кадемия **н**аук), фаровец (< ФАР – **Ф**едерация **а**втовладельцев **Р**оссии), НХЛовец / энхэловец (< НХЛ < **Н**ациональная **х**оккейная **л**ига), гасконец (< ГАСК < **Г**ильдия **а**ктёров **с**оветского **к**ино), рапповец (< РАПП < **Р**оссийская **а**ссоциация **п**ролетарских **п**исателей), комсомолец (< комсомол < **К**оммунистический **с**оюз **м**олодёжи), акаэмовец / акээмовец (< АКМ – организация «**Авангард коммунистической молодёжи**»), молодогвардеец (< подпольная антифашистская организация «**Молодая гвардия**»), юнармеец (< **ю**ный **а**рмеец и «**Юнармия**») 1) ‘юный армеец – пионер, член военизированного отряда, участвующего в военно-спортивной игре’; 2) ‘член всероссийского детско-юношеского военно-патриотического обществен-

ного движения «Юнармия»; 3) ‘член военно-патриотического движения «Молодая Гвардия – Юнармия» Донецкой Народной Республики’ и др.

3.6. Номинации членов, сотрудников разного рода комиссий: *ВТЭКовец* / *втэковец* (< ВТЭК < **В**рачебно-**т**рудовая **эк**спертная **ко**миссия), *вэлсовец* (< ВЭЛС – **В**рачебная **эк**спертиза **л**ётного **со**става), *ваковец* (< ВАК < **В**ысшая **ат**тестационная **ко**миссия) и др.

3.7. Номинации членов, сотрудников разного рода корпораций, агентств, фирм, бюро и др. в сфере СМИ, науки, торговли и под.: *тассовец* (< ТАСС < **Т**елеграфное **а**гентство **С**оветского **С**оюза), *АПНовец* [апээнóв’ец] (< АПН < **А**генство **п**ечати «**Н**овости»), *бибисишник* (< Би-би-си < BBC) ‘сотрудник Британской радиовещательной корпорации БИ-БИ-СИ’, *айбиэмер* (< англ. IBM < **I**nternational **B**usiness **M**achines Corporation) ‘представитель фирмы Ай-Би-Эм (IBM)’, *насовец* (< НАСА < NASA < **N**ational **A**eronautics and **S**pace **A**dministration / **Н**ациональное **У**правление по **А**эронавтике и **К**осмосу), *арконавт окказ. шумл.* (< АРКО – **А**гентство по **р**еструктуризации **к**редитных **о**рганизаций < **АРКО** + **навт** (по аналогии с **ар**гонавт, **ко**смонавт)), *бризовец* (< БРИЗ < **Б**юро по **р**ационализации и **изобретательству**) и др.

3.8. Номинации работников заводов, промышленных предприятий и объединений, концернов и под.: *агропромовец* (< Агропром) ‘работник агропромышленного объединения, агропрома’, *агропромищик разг.* (< Агропром) ‘руководящий работник агропрома; агропромовец’, *атоммашевец* (< «Атоммаш» < **атомное машиностроение**) ‘работник машиностроительного предприятия, изготавливающего оборудование для атомных электростанций; работник «Атоммаша», крупнейшего в СССР, а потом в России производственного объединения атомного энергетического машиностроения’, *вазовец* (< ВАЗ < **В**олжский **ав**томобильный **з**авод), *зиловец* (< ЗИЛ < **З**авод **и**мени **Л**ихачёва), *КамаЗовец* / *камазовец*, *камазист* (< КамаАЗ < **К**амский **ав**томобильный **з**авод), *уралмашевец* (< Уралмаш < **У**ральский **машиностроительный завод**), *антовцы* (< АНТ < Государственно-кооперативный концерн «**А**ссоциация **н**овых **т**ехнологий»). Ср. *камазята* (< КамаАЗ < **К**амский **ав**томобильный **з**авод) ‘дети, родившиеся в г. Набережные Челны, где находится завод КамаАЗ’ (ср. дериваты *бамовчата* – *камазята* с общей семьей ‘дети’).

3.9. Номинации студентов, выпускников, сотрудников того или иного вуза: *вгиковец* (< ВГИК < **В**сесоюзный **г**осударственный **и**нститут **к**инематографии) ‘студент, выпускник ВГИКа’, *МГИМОшник* / *мгимошник* (< МГИМО < **М**осковский **г**осударственный **и**нститут **м**еждународных **о**тношений) ‘студент, выпускник МГИМО’, *эмгэушник* (< МГУ < **М**осковский **г**осударственный **у**ниверситет) ‘студент, выпускник МГУ’, *ДПИшник* (< ДПИ < **Д**онецкий **п**олитехнический **и**нститут) ‘студент, выпускник ДПИ’, *имлиец* (< ИМЛИ < **И**нститут **м**ировой **л**итературы) ‘сотрудник ИМЛИ’ и др.

3.10. Номинации актёров, режиссёров, зрителей того или иного театра: *мхатовец* (< МХАТ < **М**осковский **Х**удожественный **а**кадемический **т**еатр), *тюзовец* (< ТЮЗ < **Т**еатр **ю**ного **з**рителя) ‘актёр ТЮЗа’, *тюзянин* (< ТЮЗ < **Т**еатр **ю**ного **з**рителя) ‘зритель ТЮЗа’, *СТЭМовец* / *стэмовец*, *СТЭМищик* / *стэмищик* / *#стэмищик* (< СТЭМ < «**С**туденческий **т**еатр **э**страдных **м**иниатюр») ‘актёр СТЭМа’.

3.11. Номинация игрока спортивного клуба: *цээсковец* (< ЦСКА < **Ц**ентральный **С**портивный **К**луб **А**рмии) ‘игрок футбольного клуба ЦСКА’.

4. Отидеонимные сложные номинации лица (57 единиц, или 8 % выборки):

4.1. Номинации поклонников, фанатов какого-либо музыкального коллектива: *алисоман* (< музыкальная рок-группа «Алиса»), *битломан* (< музыкальная группа «Битлз»), *зоопаркоман* (< музыкальная группа «Зоопарк»), *киноман* (< музыкальная группа «Кино»), *ЧАЙФоман* / *чайфоман* (< музыкальная рок-группа «Чайф»), *хайфаец* (< музыкальная группа «Hi-Fi» < *High Fidelity* ‘высокая точность воспроизведения звука’) ‘поклонник музыкальной группы «Hi-Fi»’. Как известно, названия музыкальных и театральных коллективов условно относятся к идеонимам на том основании, что эти номинации отражают идею музыкального направления, в русле которого работает та или иная музыкальная группа.

4.2. Номинации участников какого-либо музыкального коллектива: *хайфаец* (< музыкальная группа «Hi-Fi» < *High Fidelity* ‘высокая точность воспроизведения звука’) ‘участник музыкальной группы «Hi-Fi»’, *светоногий* (< музыкальная группа «Ногу свело») ‘музыкант группы «Ногу свело»’.

4.3. Номинации сотрудников, читателей того или иного средства массовой информации (газеты, еженедельника, журнала): *АиФовец* / *аифовец* (< газета «Аргументы и факты»), *первокрокодилец* (< журнал «Крокодил») ‘один из первых сотрудников редакции сатирического журнала «Крокодил»’, *первонедеельцы* (< еженедельник «Неделя») ‘журналисты, выпускавшие первые номера еженедельника «Неделя»’, *сексомолец* (< *секс* + газета «Московский комсомолец») разг. презрит. ‘о сотрудниках газеты «Московский комсомолец», имеющей признаки жёлтой прессы; о нечистоплотных, продажных журналистах», *зожеевец* (< газета «Здоровый образ жизни») ‘читатель газеты «ЗОЖ» – *Здоровый образ жизни*’ (ср. *ЗОЖник* / *зожник* ‘тот, кто ведёт здоровый образ жизни»), *огнелюб* (< журнал «Сибирские огни») ‘любитель и знаток журнала «Сибирские огни»’ (ср. *книголюб* ‘любитель и знаток книг; библиофил’). В качестве производящих баз номинаций лица этой лексико-семантической подгруппы, как уже отмечено, выступили названия СМИ, т. е. один из типов гемеронимов.

4.4. Номинации участников, ведущих телепередач: *КВНщик* / *квнщик* / *кавээнищик*, *кавээновец* (< *КВН* < телевизионная игра «Клуб весёлых и находчивых»), *чтогдекогдашник* (< телевизионная игра «Что? Где? Когда»), *ЧГшник* / *ЧГШник* / *чгшник* (< интеллектуальная игра «Что? Где? Когда») ‘участник интеллектуальной игры «Что? Где? Когда»’, *полечудесник* (< телевикторина «Поле чудес») ‘ведущий телевикторины «Поле чудес»’, *прессклубовец* (< передача «Пресс-клуб») ‘организатор, участник телевизионной публицистической передачи «Пресс-клуб»’. Следует отметить, что номинации «КВН», «Что? Где? Когда», «Поле чудес» со временем расширили свою функциональную семантику: телевизионная игра / викторина → юмористическая / интеллектуальная игра / викторина, которая не обязательно имеет телеформат. Ср. «Радионяня» (< *радионяня*) ‘название периодической детской передачи Всесоюзного радио для школьников младшего и среднего возраста’.

4.5. Номинации сотрудников телеканалов, телевизионных компаний, радиостанций: *эмтивишник* (< телеканал «MTV» < *Музыкальное телевидение*), *энтэвэшник* (< телеканал «НТВ» < *Новое телевидение*), *оэртэшник* (< телевизионная компания «ОРТ»), *оэспёшник* (< студия «ОСП»), *европаплюсовец* (< радиостанция «ЕвропаПлюс»).

4.6. Номинации лица, которые прямо или метафорически мотивируются библионимами, т. е. заглавиями литературных произведений: «Слово»-люб (< «Слово о полку Игореве») ‘почитатель «Слова о полку Игореве»’, *домостроевец* / *домострой* (< «Домострой») ‘человек с отсталыми, косными взглядами на семейный быт’.

телеевангелист (< *Евангелие*) ‘проповедник, выступающий с евангелическими проповедями по телевидению’, *IT-евангелист* (< англ. *IT* < англ. *Information Technology* ‘информационные технологии’ + *Евангелие*) ‘эксперт в области информационных технологий, умеющий заинтересовать целевую аудиторию новыми технологическими решениями’ (ср. *IT-проповедник*).

4.7. Номинации тех, кто преподаёт тот или иной учебный предмет: *ОБЖшник* / *обэжэшник* (< *ОБЖ* < «*Основы безопасности жизнедеятельности*») ‘преподаватель ОБЖ, т. е. учебной дисциплины «Основы безопасности жизнедеятельности»’, *НВПшник* / *нвпшник* (< *НВП* < «*Начальная военная подготовка*») ‘преподаватель НВП, т. е. учебной дисциплины «Начальная военная подготовка»’, *истматчик* (< *истмат* < «*Исторический материализм*») ‘преподаватель курса «Исторический материализм»’. Семантически и функционально названия учебных предметов близки к библионимам как к разновидности заглавий.

4.8. Номинации лица, которые прямо или метафорически мотивируются фильмонимами, т. е. киноназваниями: *СЛЕДоман* (< сериал «*След*») ‘поклонник, фанат сериала «След»’, *спрутолов* (< *спрут* ‘мафия’ < «*Спрут*» – итальянский многосерийный телефильм о борьбе с итальянской мафией) ‘борец с мафией’.

4.9. Номинации поклонников, фанатов компьютерных игр, игр для мобильных приложений: *MYST’опоклонник* (< англ. компьютерная игра «*MYST*» + *поклонник*) ‘поклонник приключенческих компьютерных игр типа *MYST* – компьютерной игры в жанре графического квеста, созданной братьями Робинсом и Рэндом Миллерами и ставшей образцом для создания компьютерных приключенческих игр’, *покемономан* (< мобильная игра «*Pokémon Go*») ‘страстный поклонник бесплатной многопользовательской ролевой мобильной игры из серии *Pokémon*, участники которой получают возможность находить, захватывать, сражаться и тренировать виртуальных существ (покемонов), которые появляются на экране, как если бы они находились в том же реальном месте, как и игрок’.

4.10. Номинации пользователей социальных сетей: *фейсбукобандеровец* (< *фейсбук* < *Фейсбук* < *Facebook* + *бандеровец*) ‘пользователь социальной сети Фейсбук, который является сторонником майдана’, *одноклассник* (< социальная сеть «*Одноклассники*») ‘пользователь социальной сети «Одноклассники», друг по социальной сети «Одноклассники»’, *инстакупальщик* (< англ. *Instagram* (русс. *Инстаграм*) < *Instant Telegram* — ‘Мгновенная Телеграмма’) ‘тот, кто выкладывает в Инстаграм видео своего купания в проруби на Крещение’, *инстаподружка* / *#инстаподружка* (< англ. *Instagram* (русс. *Инстаграм*) < *Instant Telegram* — ‘Мгновенная Телеграмма’) ‘подружка по социальной сети Инстаграм’, *взаимовыручане* (< группа «*Взаимовыручка*») ‘участники группы «Взаимовыручка» в социальной сети «Фейсбук»’.

4.11. Номинации программистов, которые используют определённый язык программирования: *трубосборщик* (< *труба* < *Turbo* + *сборщик* < *Assembler*) ‘программист на языке Turbo Assembler, программного пакета компании Borland’, *турбочист* (< *турбо* < *Turbo* + *чист* < ср. *трубочист*) ‘программист на языке Turbo Assembler, программного пакета компании Borland’. Оба примера этой лексико-семантической подгруппы созданы с использованием форм языковой игры на основе приёма паронимической аттракции.

5. Отпрагматонимные сложные номинации лица (8 единиц, или 1,1 % выборки). Номинации лица этой лексико-семантической группы в нашем материале охватывают дериваты, которые можно распределить по следующим подгруппам в зависимости от тех

отношений, в которых лицо, названное сложной номинацией этого типа, находится с тем или иным товаром, обозначенным производящим прагматонимом:

5.1. Номинации водителей, лётчиков, которые пользуются средством передвижения определённой марки: *белазист* (< *БелАЗ*₂ ‘многотонный грузовой автомобиль, выпускаемый Белорусским автомобильным заводом’ < *БелАЗ*₁ < *Белорусский автомобильный завод*) ‘водитель «БелАЗа», *жигулевод* (< автомобиль марки «Жигули») ‘водитель легкового автомобиля «Жигули», *андвашиник* (< самолёт «АН-2» < «Антонов-2») ‘лётчик, работающий на самолёте АН-2’.

5.2. Номинация пользователя, владельца гаджета определённой марки, фирмы: *яблоковод* (< *яблоко* < англ. *Apple*) ‘владелец гаджетов фирмы Apple’.

5.3. Номинации распространителей определённых товаров, торговцев этими товарами: *баблгамщик* (< название жевательной резинки «Бабл-гам») ‘торговец жевательной резинкой «Бабл-гам», *гербалайфщик* (< «Гербалайф» < англ. *herbalife* < лат. *herba* ‘трава’ и англ. *life* ‘жизнь’) ‘тот, кто распространяет «Гербалайф»’.

5.4. Номинация того, кто очень любит продукт питания определённой марки, фирмы: *НАТСоМан* (< шоколадный батончик «Натс») ‘тот, кто очень любит шоколад «Натс» и участвует в НАТСоМании (собирает обёртки от шоколада «Натс» и принимает участие в розыгрыше призов)’. Как видим, семантическая структура деривата *НАТСоМан* позволяет утверждать, что эта производная единица мотивируется и прагматонимом «Натс» как названием шоколадного батончика, и геортонимом «НАТСоМания» как номинацией акции, связанной со сбором обёрток от шоколада «Натс» и последующим розыгрышем призов.

5.5. Номинация того, кто не по прямому назначению использует промышленный товар определённой марки: *бээфник* (< клей марки «БФ») ‘человек, употребляющий клей марки «БФ» в качестве наркотического средства’.

6. Отгеортонимные номинации лица представлены в нашем материале таким примером (1 единица, или 0,2 % выборки), как *голуборозовец* (< выставка картин русских символистов «Голубые розы») ‘участник выставки картин русских символистов «Голубые розы»’. Как отмечалось выше, косвенно геортонимом, т. е. названием любого праздника, памятной даты, торжества, фестиваля, акции, флешмоба, спортивного соревнования, выставки и под., мотивировано название *НАТСоМан*, для которого семантически как с производящей базой первична связь с прагматонимом шоколадный батончик «Натс».

Таким образом, на основе принципа предметности, т. е. в соответствии с именуемыми объектами, проанализированные нами отонимные сложные номинации лица прежде всего подразделяются на шесть родовых лексико-семантических групп. Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, подавляющее большинство отонимных сложных номинаций лица образованы на базе топонимов (279 единиц, или 39,3 %). Второе место по критерию частотности среди рассмотренных отонимных сложных номинаций лица занимают названия, созданные на базе эргонимов (214 единиц, или 30,1 %). В то время как третье место по названному критерию занимают отантропонимные дериваты (151 единица, или 21,3 %). К частотному типу в нашем материале близки номинации лица, для которых в качестве производящих основ выступили различные разновидности идеонимов (57 единиц, или 8 %), в то время как малочастотными и даже единичными оказались сложные номинации лица, образованные на базе прагматонимов (8 единиц, или 1,1 %) и геортонимов (1 единица, или 0,2 %). Выделенные в рамках оттопонимных, отэргонимных, отантропонимных, отидеонимных и отпрагматонимных сложных номинаций лица лексико-семантические

подгруппы в первую очередь свидетельствуют о семантической разнообразии отонимных сложных номинаций лица, представленных в современном русском языке. Рассмотренные сложные номинации лица разноплановы и в структурном отношении, поскольку включают собственно композиты, сложнопроизводные слова разных разновидностей (среди последних частотны отаббревиатурные и сложно-суффиксальные дериваты). Некоторые из выявленных и проанализированных нами отонимных сложных номинаций лица, как отмечалось выше, созданы по метафорическим моделям, а также с использованием форм и приёмов языковой игры. Отдельные примеры отонимных сложных номинаций лица, представленные в нашей выборке, носят переходный характер, поскольку соотносятся с именами собственными разных классов как с их производящими базами. Как понятно, часть из отонимных сложных номинаций лица является компонентами общеязыковой картины мира, а часть останется только фактами речи, включая и те, которые созданы по продуктивным словообразовательным моделям.

Следующий этап нашего исследования заключается в том, чтобы выявить и описать ономаσιологические модели отонимных сложных номинаций лица, функционирующих в русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина : Учеб. пособ. для студ. вузов. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
3. Гарбовская Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н. Б. Гарбовская. – Майкоп, 2006. – 24 с.
4. Головачёва Т. А. Существительные, производные от имён собственных, в когнитивно-дискурсивном освещении : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. А. Головачёва. – Архангельск, 2013. – 17 с.
5. Жданова Е. А. Словообразовательные неологизмы-существительные в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: структурно-семантический и социокультурный аспекты : Дисс. канд. филол. наук / Елена Александровна Жданова. – Нижний Новгород, 2019. – 265 с.
6. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.
7. Касьяненко Н. Е. Отонимные окказионализмы и окказиональные онимы в русском языке : Дис. ... канд. филол. наук / Наталья Евгеньевна Касьяненко. – Донецк, 1991. – 240 с.
8. Першина К. В. Основы ономастики. Часть I : Учебно-методич. пособ. по спецкурсу «Основы ономастики» для студентов направления 45.03.01 «Филология» (профиль «Русский язык и литература») / К. В. Першина. – Донецк : ДонНУ, 2018. – 68 с.
9. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
12. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : Дис. в виде научного доклада д-ра филол. наук / Василий Иванович Супрун. – Волгоград, 2000. – 76 с.
13. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : Дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Вячеслав Исаевич Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
14. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
15. Федотова Т. В. Динамика ключевых имён собственных в аспекте их прецедентности и деонимизации / Т. В. Федотова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 39–41.

16. Фокина О. В. Функционирование отонимных интертекстуальных дериватов в современной публицистике / О. В. Фокина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5 (20). – С. 56–60.
17. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте : Учеб. пособ. / О. И. Фоякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.
18. Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе / Лиляна Цонева. – Велико-Тырново, 2017. – 196 с.
19. Ярошенко Н. А. Ономазиологические типы сложных номинаций лица с колоративным компонентом в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Мир. Человек. Язык : сб. науч. тр. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Донец. нац. ун-т ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Ин-т иностр. яз. ; Юж. федер. ун-т, Ин-т филолог. журн. и межкультурн. коммуникации. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. — С. 101–106.
20. Ярошенко Н. А. Ономазиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Новые горизонты русистики. – 2019. – Вып. 7. – С. 187–193.
21. Ярошенко Н. А. Ономазиологические типы сложных номинаций лица с нумеративным компонентом в русской разговорной речи / Н. А. Ярошенко // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка : Сб. ст. по материалам VII Международного научного семинара, посвящённого 110-летию Саратовского государственного университета (Саратов, 1 ноября 2019 г.) / Отв. ред. О. И. Дмитриева. – Саратов : Амирит, 2020. – С. 143–151.
22. Ярошенко Н. А. Лексико-семантические группы сложных номинаций лица с соматическим компонентом в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 2. – Донецк : ДонНУ, 2020. – С. 55–71.
23. Ярошенко Н. А. Пандемия COVID-19 в зеркале языка: лексико-семантические группы сложных неониминаций лица / Н. А. Ярошенко // Материалы V Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 17–18 ноября 2020 г.) ; под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 145–149.

Поступила в редакцию 15.03.2021 г.

LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF RUSSIAN COMPOUND NOMINATIONS OF PERSON DERIVED FROM ONYMS

N.A. Yaroshenko

The article deals with the Russian compound nominations of person derived from onyms. The lexical-semantic groups of the above-mentioned compound nominations of person have been analyzed. The suggested classification is based on the typology of proprietary vocabulary as well as on the structural and semantic parameters of compound derivatives *under analysis*. The specific peculiarities of compound nominations of person derived from onyms have been identified.

Key words: nomination of person, compound nomination of person, composite, onym.

Ярошенко Наталья Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Заведующий кафедрой общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

Yaroshenko Natalya Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National University.

Head of General Linguistics and History of Language

Department named after E. S. Otin.

E-mail: nyaroshenko@yandex.ru

УДК 81'373

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ГОДОНИМИКОНА БОЛЬШОГО ДОНБАССА
(на материале годонимов г. Юнокоммунаровска ДНР и г. Зверево РФ)**

© 2021 *Е.В. Ладнова**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*

В статье проанализированы основные особенности годонимикона городов Большого Донбасса на материале наименований линейных адресных объектов г. Юнокоммунаровска ДНР и г. Зверево РФ. Годонимы систематизированы по термину-классификатору. Охарактеризованы основные структурные типы годонимов. Установлены культурные коды, объективированные в годонимах г. Юнокоммунаровска и г. Зверево.

Ключевые слова: урбаноним, годоним, улица, культурный код, Донбасс.

К актуальным проблемам региональной ономастики относится всестороннее изучение урбанонимов как важного компонента языкового пространства города.

По определению Н.В. Подольской, урбаноним – это «собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [11, с. 154]. В.И. Супрун в качестве уточняющих характеристик приводит следующие: урбанонимы выполняют адресную функцию, официально зафиксированы в городских документах и указывают на объект, на территории которого находятся отдельные строения с номерами [13, с. 106]. Годонимы и агоронимы на основании этих признаков Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун относят к ядру урбанонимического поля [9].

Под годонимами мы понимаем наименования линейных адресных объектов – улиц, переулков, тупиков, бульваров, проспектов, проездов и т. д. (см. обзор в [16; 17]). Основная функция годонимов – *адресно-идентификационная*, т. е. фиксация адресного объекта и различение его среди ряда ему подобных. В дополнение к этому годонимы выполняют *семантическую* (сообщает что-то об адресном линейном объекте) и *семиотическую* (фиксирует социально значимые феномены) функции [15, с. 33].

В рамках лингвокультурологического подхода годонимы рассматриваются в тесной связи с культурой региона. Основная задача лингвокультурологического анализа применительно к ономастическим единицам состоит в исследовании механизмов, на основе которых они взаимодействуют с кодами культуры.

Существует несколько подходов к определению понятия *культурный код*, что объясняется многогранностью культуры как явления. В рамках онтологического подхода культурный код понимается как некая универсальная категория бытия. Сторонники гносеологического подхода рассматривают это явление сквозь призму человеческого познания. Согласно аксиологическому подходу, культурный код представляет собой ценностно значимые образования для определенной группы людей [1].

В.В. Красных считает, что культурный код является «сеткой», которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [7, с. 232].

Культурный код имеет семиотическую природу, т. е. выражается при помощи вербальных и невербальных знаков. Его основой может стать любой элемент действительности – растительный и животный мир, природные явления, орудия труда и прочие объекты материальной культуры, трудовые процессы, праздники, игры и т. д.

А.Н. Мезенко приходит к выводу о том, что в урбанонимии славянских народов чаще всего объективируются следующие культурные коды: топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический (ботанический), фаунический (больше характерен для урбанонимии западнославянских народов), эмоционально-характерологический, цветовой и темпоральный [10].

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы осуществить комплексный анализ топонимов г. Юнокоммунаровска ДНР и г. Зверево РФ. **Объектом** исследования являются топонимы указанных населенных пунктов как составная часть топонимического пространства Большого Донбасса. **Предмет** анализа составляют структурные и лингвокультурологические параметры топонимов г. Юнокоммунаровска и г. Зверево.

Новизна нашего исследования в первую очередь определяется тем фактом, что в научный обиход вводится новый языковой материал, не подвергавшийся ранее комплексному анализу.

Общая характеристика топонимов г. Юнокоммунаровска и г. Зверево. В г. Юнокоммунаровске насчитывается 106 наименований линейных адресных объектов. Среди них можно выделить топонимы с термином-классификатором *улица* (98 единиц, 92,45%) и с термином-классификатором *переулок* (8 единиц, 7,55%). В то же время в г. Зверево насчитывается 64 топонима: 55 топонимов с термином-классификатором *улица* (85,94%) и 9 топонимов с термином-классификатором *переулок* (14,06%).

В рассматриваемых нами населённых пунктах преобладают топонимы с термином-классификатором *улица*, который, как отмечает Н.Ю. Забелин, является «точкой отчёта для большинства номенклатурных единиц» [4, с. 98].

Номенклатурный термин закреплён на вывеске и в официальных документах. В структурном отношении термин-классификатор может находиться как в препозиции (например, ул. *Победы*, ул. *Подвойского* и т. д.), так и в постпозиции (*Витебская* ул., *Шахтерская* ул.).

Структурные особенности топонимов. При изучении структурных особенностей топонимов мы анализируем только их именную часть, потому что термин-классификатор в обязательном порядке входит в состав топонима. На основе собранного нами материала можно выделить два структурных типа наименований в топонимиконе рассматриваемых населённых пунктов: однокомпонентные и многокомпонентные.

Многокомпонентные топонимы в нашем материале составляют меньшинство (6 единиц, или 5,7 %, в г. Юнокоммунаровске; 1 единица, или 1,6%, в г. Зверево): 1) ул. *Алишера Навои*, ул. *Маршала Рыбалко*, ул. *1 Почтовая*, ул. *2 Почтовая*, ул. *3 Почтовая*, ул. *9 Мая* (г. Юнокоммунаровск) и 2) ул. *47 Гвардейской дивизии* (г. Зверево).

Однокомпонентные топонимы по своей структуре не являются однородными и, как свидетельствует анализ, включают несколько групп.

I. Субстантивные однокомпонентные топонимы (77 единиц, или 72,7 %, в г. Юнокоммунаровске; 32 единицы, или 50 %, в г. Зверево) представляют собой сочетание имени существительного и термина-классификатора.

1.1. Субстантивная мемориальная генетивная модель является, как отмечает Л. В. Егорова, наиболее продуктивной моделью в современной топонимии [5, с. 92.]. В

годонимиконе г. Юнокоммунаровска насчитывается 76 единиц, образованных по данной модели, в то время как в г. Зверево – 30 единиц. Родительный падеж здесь играет функцию посвящения. Например: ул. *Бажова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Верещагина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Желябова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Крупской* (г. Зверево), ул. *Макаренко* (г. Зверево), ул. *Чапаева* (г. Зверево) и т. д. Как правило, в годонимах такого типа объективируется антропоморфный культурный код, особенности реализации которого мы рассмотрим ниже.

1.2. Субстантивная генетивная модель представлена небольшим количеством годонимов. Так, в системе годонимов г. Юнокоммунаровска реализован только 1 годоним данного типа, а среди годонимов г. Зверево – 2 годонима: ул. *Победы* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Космонавтов* (г. Зверево), ул. *Мира* (г. Зверево). В рассматриваемых населенных пунктах годонимы, образованные по этой модели, отражают такие ценности, как память о Великой Отечественной войне, научно-технический прогресс, борьба за мир.

II. Адъективные однокомпонентные годонимы (23 единицы, или 21,7 %, в г. Юнокоммунаровске; 31 единица, или 48,4 % в г. Зверево) представлены сочетанием имени прилагательного и термина-классификатора.

2.1. Адъективная модель с суффиксом -н-, -яни-: 7 единиц в системе годонимов г. Юнокоммунаровска и 10 единиц в годонимиконе г. Зверево. При помощи этих формантов образуются прилагательные от разных семантических групп производящих имён существительных: названий внутригородских объектов, сторон света, растений, наименований профессий, социальных групп и т. д. Например: ул. *Безымянная* (г. Зверево), ул. *Верхняя* (г. Зверево), ул. *Вокзальная* (г. Зверево), пер. *Дачный* (г. Зверево), ул. *Западная* (г. Зверево), ул. *Земляничная* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Молодёжная* (г. Зверево), ул. *Осенняя* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Пригородная* (г. Зверево), ул. *Профсоюзная* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Проходной* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Северная* (г. Зверево), ул. *Строительная* (г. Зверево), ул. *Фестивальная* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Фестивальный* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Юбилейная* (г. Юнокоммунаровск).

2.2. Адъективная модель с суффиксом -ск-, -ическ-: 10 единиц среди годонимов г. Юнокоммунаровска и 12 единиц в системе годонимов г. Зверево. В годонимиконах рассматриваемых городов годонимы данного типа чаще всего выражают отношение к другим географическим объектам. Некоторые они образованы или от названий профессий, важных для экономики Донбасса, или от наименований социальных групп. Например: пер. *Ангарский* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Армейская* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Болгарский* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Запорожский* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ивановская* (г. Зверево), пер. *Каховский* (г. Зверево), ул. *Комсомольская* (г. Зверево), ул. *Куликовская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ленинградская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Металлургическая* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Московская* (г. Зверево), ул. *Октябрьская* (г. Зверево), ул. *Переяславская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Пионерская* (г. Зверево), ул. *Пролетарская* (г. Зверево), ул. *Пушкинская* (г. Зверево), ул. *Рижская* (г. Зверево), ул. *Российская* (г. Зверево), ул. *Советская* (г. Зверево), ул. *Тюменская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Шахтерская* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Шахтерский* (г. Зверево).

2.3. Адъективная модель с флексией -ая/-ий, в рамках которой годонимы образованы от топонимов, уже содержащих суффикс -ск-. Как свидетельствует систематизация фактического материала, 4 единицы данного типа представлены в годонимиконе г. Юнокоммунаровска: пер. *Бобруйский*, ул. *Витебская*, ул. *Донецкая*,

пер. *Липецкий*. Очевидно, что наименования такого типа отсылают к географическим объектам, по большей части находящимся за пределами рассматриваемого города. В г. Зверево топонимы, образованные по данной модели, отсутствуют.

2.4. Адъективная модель с флексией -ая/-ий: 2 единицы такого типа реализованы в системе топонимов г. Зверево. Производящими основами для адъективных топонимов этой группы выступили имена существительные, представляющие собой номинации социальных групп: пер. *Казачий* (г. Зверево), ул. *Рабочая* ул. (г. Зверево).

2.5. Адъективная модель с суффиксом -ов/-ев-: 1 единица в топонимиконе г. Юнокоммунаровска и 3 единицы в системе топонимов г. Зверево. Например: ул. *Буровая* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Парковый* (г. Зверево), ул. *Почтовая* (г. Зверево), ул. *Садовая* (г. Зверево). В рассматриваемых населённых пунктах топонимы, образованные по этой модели, отсылают к внутригородским объектам.

2.6. Первообразная адъективная модель: 1 единица в г. Юнокоммунаровске и 4 единицы в г. Зверево. Адъективные топонимы этого типа восходят к именам прилагательным, имеющим непроединную основу. Например: ул. *Зелёная* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Зелёная* (г. Зверево), ул. *Красная* (г. Зверево), ул. *Новая* (г. Зверево), пер. *Ясный* (г. Зверево).

Лингвокультурологические особенности топонимикона Большого Донбасса. Рассмотрим культурные коды, объективированные в топонимиконе г. Юнокоммунаровска и г. Зверево.

1. Антропоморфный код репрезентирует человека в ономастических единицах. Как правило, он реализуется при помощи отантропонимных топонимов, образованных по субстантивной генетивной модели, а также при помощи отапеллятивных топонимов. Как и в топонимах других населённых пунктов, именно этот культурный код чаще всего объективируется в наименованиях линейных адресных объектов. В г. Юнокоммунаровске насчитывается 79 таких наименований, что составляет 74,5% от общего числа топонимов города. В г. Зверево, как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, представлено 40 топонимов этого типа, что в свою очередь составляет 62,5% от общего числа топонимов этого населённого пункта.

В урбанотопонимиконе рассматриваемых городов наиболее часто встречаются топонимы-посвящения, которые отсылают к именам известных людей, важных для истории страны в целом и региона в частности. В эту группу входят топонимы, мотивированные именами:

- **революционеров и советских государственных деятелей:** ул. *Готвальда* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Желябова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Загорского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ильича* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Кармелюка* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Кирова* (г. Зверево), ул. *Кашена* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Комяхова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Кочубея* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ленина* (г. Зверево), ул. *Луначарского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Малышева* (г. Зверево), ул. *Мануильского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Пархоменко* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Подвойского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ревуцкого* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Халтурина* (г. Зверево), ул. *Чапаева* (г. Зверево), ул. *Фрунзе* (г. Зверево);
- **участников Великой Отечественной войны, советских военнослужащих:** ул. *Докукина* (г. Зверево), ул. *Доронина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Заслонова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Колесникова* (г. Зверево), ул. *Кузнецова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Леваневского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Малышева* (г. Зверево), ул. *Маршала Рыбалко* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Мосина*

- (г. Юнокоммунаровск), ул. *Никулина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Осташенко* (г. Зверево), ул. *Руднева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Шевцовой* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Чкалова* (г. Зверево);
- **казаков:** ул. *Бакланова* (г. Зверево), ул. *Денисова* (г. Зверево), ул. *Туровой* (г. Зверево);
 - **космонавтов:** ул. *Гагарина* (г. Зверево), ул. *Терешковой* (г. Юнокоммунаровск);
 - **педагогов:** ул. *Крупской* (г. Зверево), ул. *Макаренко* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Макаренко* (г. Зверево);
 - **писателей:** ул. *Алишера Навои* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Бажова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Баратынского* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Булгакова* (г. Зверево), ул. *Горького* (г. Зверево), ул. *Гнедича* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Гребенки* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Карпенко-Карого* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Короленко* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Кропивницкого* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Лермонтова* (г. Зверево), ул. *Некрасова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Некрасова* (г. Зверево), ул. *Плещеева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Полежаева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Пушкинская* (г. Зверево), ул. *Сумарокова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Чехова* (г. Зверево), ул. *Шолохова* (г. Зверево);
 - **учёных, инженеров, исследователей, путешественников:** ул. *Байкова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Бутлерова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Грекова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Данилевского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Дежнева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Костычева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Малыгина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Обухова* (г. Зверево), ул. *Пастера* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Петлякова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Попова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Седова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Циолковского* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Тимирязева* (г. Юнокоммунаровск);
 - **композиторов и музыкантов:** ул. *Балакирева* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Лядова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Мусоргского* (г. Зверево), ул. *Пятницкого* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Рахманинова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Скрябина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Собинова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Чайковского* (г. Зверево), ул. *Шалыпина* (г. Юнокоммунаровск);
 - **художников и архитекторов:** ул. *Васнецова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Верецагина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Воронихина* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Глазунова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Казакова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Перова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Саврасова* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Шиликина* (г. Юнокоммунаровск).
 - **врачей:** ул. *Бурденко* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Пирогова* (г. Юнокоммунаровск).

Отантропонимные топонимы не только увековечивают память о конкретных личностях в городском пространстве, но и выполняют образовательную и идеологическую функции. Стоит отметить то, что отантропонимные топонимы постсоветских городов нередко фиксируют идеалы советского периода. Однако в г. Зверево мы обнаруживаем наименования адресных объектов, которые отражают современный идеологический вектор. Так, три улицы нового микрорайона этого города названы по именам известных казаков: ул. *Туровой* – в честь Николая Турова, поэта, донского казака, офицера белой армии; ул. *Денисова* – в честь войскового атамана Войска Донского Адриана Денисова; ул. *Бакланова* – в честь генерал-лейтенанта, участника Кавказской войны Якова Бакланова.

Ряд топонимов отсылает к именам выдающихся личностей, сыгравших роль в истории населённого пункта. Особенно это ярко выражено в топонимике г. Зверево РФ. Например, ул. *Докукина* названа в честь советского летчика, Героя Советского

Союза, погибшего в воздушном бою 8-го июля 1943 года в небе на г. Зверево. Ул. *Колесникова*, одна из центральных улиц, получила имя в честь разведчика, участника Великой Отечественной войны, полного кавалера Ордена Славы Петра Колесникова, родившегося на хуторе Комиссаровка неподалеку от г. Зверево. Главная улица города, ул. *Обухова*, носит имя легендарного геолога, который в начале XX века открыл крупное месторождение качественного антрацита на территории современных шахт «Обуховская» и «Обуховская №1». В Юнокоммунаровске же антропонимные топонимы имеют более интернациональный характер. Например, ул. *Алишера Навои* получила свое имя в честь узбекского поэта и мыслителя, жившего в XV веке. Значительная часть топонимов названа в честь деятелей украинского происхождения – ул. *Гребенки*, ул. *Карпенко-Карого*, ул. *Кропивницкого* и т. д.

Антропоморфный код объективируется также в адъективных и субстантивных топонимах, образованных от названий профессий или социальных групп: пер. *Казачий* (г. Зверево), ул. *Космонавтов* (г. Зверево), ул. *Металлургическая* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Молодёжная* (г. Зверево), ул. *Пионерская* (г. Зверево), ул. *Пролетарская* (г. Зверево), ул. *Рабочая* (г. Зверево), ул. *Строительная* (г. Зверево), ул. *Шахтёрская* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Шахтёрский* (г. Зверево). Появление таких наименований определяется не в последнюю очередь экстралингвальными экономическими факторами. К примеру, такие топонимы, как ул. *Шахтёрская*, пер. *Шахтёрский*, ул. *Металлургическая* отражают исключительную важность данных сфер в экономике города.

2. Топоморфный код объективируется в отонимных или отапельлятивных топонимах, которые отсылают к другим географическим объектам как в пределах города, так вне городского пространства. Среди адресных наименований, реализующих данный культурный код, можно выделить такие типы:

- **топонимы, которые указывают на расположение адресного объекта в определённом районе города относительно стороны света, пространства всего населённого пункта или его отдельных частей и т. д.:** ул. *Верхняя* (г. Зверево), ул. *Западная* (г. Зверево), ул. *Пригородная* (г. Зверево), ул. *Северная* (г. Зверево);
- **топонимы, соотносимые с названиями городских объектов и организаций:** ул. *Вокзальная* (г. Зверево), пер. *Дачный* (г. Зверево), пер. *Парковый* (г. Зверево), ул. *Профсоюзная* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Почтовый* (г. Зверево), ул. *1 Почтовая* (г. Юнокоммунаровск), ул. *2 Почтовая* (г. Юнокоммунаровск), ул. *3 Почтовая* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Проходной* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Школьная* (г. Зверево);
- **топонимы, соотносимые с названиями городов:** пер. *Бобруйский* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Витебская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Донецкая* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Запорожский* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Ивановская* (г. Зверево), ул. *Ленинградская* (г. Юнокоммунаровск), пер. *Липецкий* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Московская* (г. Зверево), ул. *Переяславская* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Рижская* (г. Зверево), ул. *Тюменская* (г. Юнокоммунаровск);
- **топонимы, соотносимые с названием стран:** пер. *Болгарский* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Российская* (г. Зверево);
- **топонимы, соотносимые с гидронимами:** ул. *Ангарская* (г. Юнокоммунаровск).

Всего в Юнокоммунаровске, как свидетельствует анализ, представлено 15 топонимов, реализующих топоморфный культурный код, что составляет 14,2% от общего числа наименований линейных адресных объектов города. В г. Зверево также насчитывается 15 единиц данного типа, что, в свою очередь, составляет 23,4% от общего количества топонимов данного населённого пункта.

3. Социально-идеологический код реализуется при помощи социально-идеологических понятий. При этом топонимы данного типа отражают идеологию, которая сейчас господствует в обществе или которая доминировала ранее. В частности, в большом числе городов России и Донбасса наименования линейных объектов отражают идеи, ценности и концепты советской эпохи.

Такие топонимы, как ул. *Победы* (г. Юнокоммунаровск), ул. *9 Мая* (г. Юнокоммунаровск), ул. *47 Гвардейской Дивизии* (г. Зверево) фиксируют коллективную память о Великой Отечественной войне.

Наименования типа ул. *Красная* (г. Зверево), ул. *Пролетарская* (г. Зверево), ул. *Советская* (г. Зверево) соотносятся с идеологическими понятиями советской эпохи.

4. Флористический (ботанический) код объективируется при помощи топонимов, соотносящихся с названиями растений: ул. *Земляничная* (г. Юнокоммунаровск).

5. Темпоральный код в топонимиконе рассматриваемых городов объективируется при помощи топонимов, соотносящихся с названием времени года или временных отрезков: ул. *Осенняя* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Новая* (г. Зверево).

6. Эмоционально-характерологический код реализуется, как правило, при помощи адъективных топонимов. Онимы такого типа либо указывают на определённые характеристики линейного адресного объекта (преимущественно положительные), либо создают положительный образ в восприятии реципиента. К этому типу относятся следующие топонимы: ул. *Зелёная* (г. Юнокоммунаровск), ул. *Зелёная* (г. Зверево), пер. *Ясный* (г. Зверево). При этом следует иметь в виду, что «топонимы типа ул. *Зелёная* могут быть квалифицированы как названия, объективирующие сразу несколько культурных кодов» [18, с. 69].

Таким образом, на основании проведённого анализа можно утверждать, что топонимы тесно связаны с культурой и историей региона. Топонимикон городов Большого Донбасса разнообразен в структурном отношении. В системе топонимов как г. Зверево РФ, так и г. Юнокоммунаровска ДНР наиболее распространена субстантивная генетивная модель, при этом чаще всего в названиях улиц и переулков названных населённых пунктов реализуются антропоморфный и топоморфный культурные коды.

Перспективой дальнейшего исследования является комплексный анализ топонимикона Большого Донбасса на более широком материале, в том числе и в лингвокультурологическом аспекте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букина Н.В. Культурный код как язык культуры / Н.В. Букина // Вестник Читинского государственного университета. – № 2. – 2008. – С. 69–73.
2. Гузикова В.В. Лингвокультурологический аспект урбанонимов как отражение национальной картины мира / В.В. Гузикова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2012. – № 1. – С. 183–190.
3. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.Ю. Забелин. – Москва, 2007. – 24 с.
4. Забелин Н.Ю. Переулок, площадь, бульвар... – улицы / Н.Ю. Забелин // Русская речь. – 2007. – № 2. – С. 98–100.
5. Егорова Л.В. Опыт сопоставительного исследования топонимикона дух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): Дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
6. Історія міст і сіл Української РСР. Донецька область. – К. : Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1970. – 992 с.
7. Красных В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія / В.В. Красных. – М. : «Гнозис», 2002. – 283 с.

8. Ларина О.В. Интертекстуализм как один из видов семиотических подходов к изучению письменной системы языка города / О.В. Ларина // Язык города: материалы Международной научно-практической конференции. – Бийск : БПГУ им. В. М. Шукшина, 2007. – С. 29–32.
9. Мадиева Г.Б. Система современной урбаномистической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – №2. – С. 11–125.
10. Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – №2. – Ч. 1. – С. 388–393.
11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
12. Разумов Р.В. Урбанонимическая терминология: системы и проблемы / Р.В. Разумов, С.О. Горяев // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 130–145.
13. Супрун В.И. Урбанонимы Элисты как лингвокультурный феномен / В.И. Супрун // In Nominum Spatio (В пространстве имён): Материалы I Международных ономастических чтений имени Е.С. Отина (Донецк, 16–18 октября 2015 г.). – Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2016. – С. 103–113.
14. Широков А.Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.Г. Широков. – 19 с.
15. Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города / Т.В. Шмелёва. – Saarbrücken : Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
16. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных топонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.А. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С. 59–66.
17. Ярошенко Н.А. Антропоморфный код в урбанонимиконе Донбасса (на материале отапеллятивных топонимов г. Донецка) / Н.А. Ярошенко // Материалы IV Международ. научн. конф. «Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк, 31 октября 2019 г.). – Т. 4. Филологические науки. Культура и искусство. Библиотечное дело. – Ч. 2. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2019. – С. 128–132.
18. Ярошенко Н.А. Растительный код в топонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитриева // Актуальные проблемы изучения славянских языков : Сб. научн. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.) ; отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк : ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 65–71.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Бутов В.Б. Город Зверево: 200-летняя дорога / В.Б. Бутов. – Ростов-на-Дону : Альтаир, 2019. – 456 с.

Поступила в редакцию 03.02.2021 г.

STRUCTURAL, SEMANTIC AND LINGUO-CULTURAL PECULIARITIES OF GODONYMS IN GREATER DONBASS (on the material of godonyms of Yunokommunarovsk, DPR, and Zverevo, RF)

E.V. Ladnova

The article deals with the analysis of the main peculiarities of godonyms in Greater Donbass on the material of street-names of Yunokommunarovsk (DPR) and Zverevo (RF). The godonyms have been arranged according to the term-classifier. The main structural types of the godonyms under *analysis have been singled out and described*. The cultural codes represented by the godonyms in question *have been identified*.

Key words: urbanonym, godonym, street, code of culture, Donbass.

Ладнова Екатерина Владимировна.

Аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е.С. Отина.
Донецкий национальный университет.
E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

Ladnova Ekaterina Vladimirovna.

Post-Graduate Student of General Linguistics and History of Language Department named after E.S. Otin.
Donetsk National University.
E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ФИТОНИМАМИ

© 2021 Н.В. Мишина

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»

Статья посвящена выявлению оценочных синтаксических и качественных характеристик фразеологизмов с фитонимами, имеющих ярко выраженную национально-культурную специфику.

Ключевые слова: фитоним, этнокультурная специфика, фразеологизм, коннотация.

Вступление: В свете современной антропоориентированной парадигмы лингвистики фразеологический фонд языка является неисчерпаемой и всегда актуальной темой. По мнению исследователей, фразеологическая система любого языка является носителем культурных мировоззренческих концептов народа, представляющих сложные понятия в виде образов [8]. Каждый из них несет в себе этнокультурную информацию, оценку явлений жизни, характеризует национальные черты этноса, воплощает свою интерпретацию живого существа. Поскольку названия растений являются важным фрагментом языковой картины мира славян [2, с.87], нас заинтересовала проблема синтаксических и качественных характеристик фразеологических единиц с фитонимами, которые имеют ярко выраженную национально-культурную специфику.

К сожалению, в отечественной лингвистике исследование фитонимической лексики, в отличие от зоонимической, еще не приобрели системного характера. Однако именно фитонимическую лексику, по мнению В.А. Масловой, можно считать «ключом» к разгадке национального видения мира [3, с. 145].

Цель данной работы предполагает выяснить, что такое фитонимы и осуществить анализ оценочных характеристик фитонимичных фразеологизмов в семантических значениях и синтаксической структуре для выявления их этнокультурной специфики.

Поскольку фитонимы являются одним из видов семантической лексики и, воплощая в себе определенные характеристики растений, отражают духовный мир людей, обратимся прежде всего к самому определению фитонима. Существует несколько толкований этого термина. Большинство исследователей сходятся во мнении, что «любое открытое растение, ранее не известное человеку, подлежит номинации» [7, с. 129].

Подтверждение этому находим в словаре лингвистических терминов Д.Э. Розенталя, М.А. Теленковой: «Фитоним – название растения ... Фитоним – (греч. *phyton*, *опота* имя) имя растения; Оним – (греч. *ὄνομα* имя). То же, что имя собственное» [6].

Справочник по этимологии Ю.В. Откупщикова гласит: «Фитоним (греч. *φῦτόν* растение, *ὄνομα* имя). Название растения (одуванчик, сосна)» [4].

В этимологическом словаре Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой указывается, что «Фитоним – искон. Сложение греч. *phyton* ‘растение’ и *опута* ‘имя, название’» [10].

Известный ученый-лингвист Н.В. Подольская, занимающаяся изучением имен собственных, под фитонимом понимает «имя собственное любого растения» [5 с. 158].

Основная часть: При всей схожести данных определений следует учитывать, что фитонимы функционируют в лексико-семантической системе языка, где они выполняют не только номинативную, но и прагматическую, оценочную, экспрессивную и прочие функции, употребляются носителями языка наряду с любыми другими словами [5, с. 57]. Любая номинация растений имеет в своей основе причину или основание, которое можно рассматривать как мотивы для наименования растений. Они могут быть разными, допустим, особенности самих растений и их частей, их функции и их применение. Кроме того, они характеризуются устойчивым количественным составом, ярко представляют жизненный опыт человека, его наблюдения за окружающим миром, отражая специфические черты характера, культурные и исторические традиции народа [6, с. 38].

Характерными чертами современной фразеологии является наличие различных подходов к изучению механизмов образования устойчивых словосочетаний. Известно, что в основу значения фразеологизма положены познавательные процессы, особенности ассоциативно-образного мышления людей. Фразеологические словосочетания является ярким отражением специфики национальной картины мира. Как правило, в роли компонента таких словосочетаний выступают наименования объектов окружающего мира, среди которых есть и названия растений.

В процессе речевой коммуникации всегда возникает необходимость назвать новую реалию или выразить свое отношение к ней. Для того, чтобы охарактеризовать что-то новое или обобщить предыдущий опыт, человек часто обращается к уже известным предметам, явлениям, понятиям. Поскольку растения являются неотъемлемой частью мира человека и включены в традиции культуры, то, следовательно, обладают чрезвычайно широким ассоциативным потенциалом для формирования различных представлений о жизни человека, интерпретируют и воплощают результаты когнитивной деятельности в языковых единицах, в частности, в фразеологизмах.

Исходя из поставленной цели, исследуемые нами фразеологизмы были классифицированы по следующим признакам:

- аксиологическому. Поскольку фитонимы символически могут представлять не только внешние, но и внутренние качества отдельного человека, то можно судить в целом о культурном национально-историческом своеобразии народного быта и мировоззрения, т.е. этнокультурной специфике;
- по синтаксической структуре – для выяснения вопроса об этнокультурной интерпретации языковых явлений.

Для определения оценочных особенностей фразеологизмов, включающих наименования растений, с целью выявления их этнокультурной специфики, была использована следующая классификация фразеологизмов с флористическим компонентом:

- 1) устойчивые сочетания слов, в состав которых входит элемент, называющий определенное растение в целом (цветок, ягода, фрукт и т. д.);
- 2) фразеологизмы, в состав которых входит элемент, называющий часть растения (лист, стебель, плод, корни и т. д.);
- 3) фразеологизмы, в которых назван вид растения (дерево, куст, трава).

Следует указать, что именно оценочные особенности фразеологизмов, включающих наименования растений, как нельзя лучше отражают национально-культурную специфику, которая проявляется в значении отдельных лексических

компонентов. При этом коннотативные значения фитонимов представляются как мелиоративные, пейоративные и нейтральные.

Рассмотрим это подробнее на примерах фразеологизмов 1-й группы с элементами, называющими определенное растение в целом. Именно они являются наиболее частотными по употреблению. В русском языке реалии растительного мира получали оценку прежде всего с точки зрения их полезности, практики приготовления и возделывания, вкусовых и других отличительных качеств: хрен и редька имеют горький вкус, перед использованием в пищу капусту рубят на мелкие части, при чистке лука от его запаха текут слезы, простейшими по способу приготовления блюдами на русском столе были отварная картошка и пареная репа и т. д. Эта информация получила выражение в фразеологизмах *«хрен редьки не слаще»*, *«хуже горькой редьки»*, *«изрубить в капусту»*, *«не картошка»*, *«проще пареной репы»*.

Характер человека тоже часто определяется сравнением с растениями. Чистота и непорочность человека передаются фразеологизмом *«смола к дубу не пристанет»*, а его способности, которые лучше всего раскрываются в родной стране, представляются фразеологизмом с компонентом *сосна*: *«где выросла сосна, там она и красна»*. Выражение *«стройная, как березка»* воспринимается как высшая эмоциональная оценка внешности молодой девушки, а *«скромная, как лилия»* – характера тихой и застенчивой. Но не всегда цветок лилии несет в себе только положительную окраску. Так, например, выражение *«как бледная лилия»* говорит об унылом виде и подавленном состоянии человека, а склонность к болтливости передается сочетанием *«бобы разводить»*.

В состав значительного количества русских фразеологических единиц входит национально-маркированный фитоним «горох» – один из символов плодородия. Однако нами было отмечено, что в большинстве фразеологизмов для характеристики человека он употребляется с отрицательной оценочной коннотацией: *«шут гороховый»* – ‘пустой человек’, ‘чудак, служащий всеобщим посмешищем’, *«стрень-брень с горошком»* – отсутствие у него имущества, *«пугало (чучело) гороховое»* – о нелепо одетом человеке [1], *«принцесса на горошке»* – ‘капризный, изнеженный, избалованный человек’.

Традиционным символом сладкой привольной жизни в русском фольклоре является *малина*, поэтому символика фитонима «малина» тесно связана с представлениями русских о счастье: «жизнь-малина» – ‘беспечная жизнь’, «разлюли малина» – ‘веселое времяпрепровождение’.

В русской языковой картине мира фитоним «орех» имеет несколько значений: «полный» предвещает благополучие, «сухой» и «пустой» – бедность и несчастья. Поэтому характеристика человека как «крепкий орешек», «орешек не по зубам» говорит о нем, как о чем-то, что трудно поддается силе, воздействию или пониманию, или же как о загадочном, скрытном человеке. Нельзя обойти вниманием и фразеологизм *«крепок орешек, да зелен»*, что характеризует обманчиво привлекательный вид человека, а в действительности – что-то плохое и некачественное.

Среди фразеологизмов 2-й группы, в состав которых входит элемент, называющий часть растения, для представления определенных оценок, наиболее популярными являются фитонимы «цветок», «плод» и «корень». Так, посредством последнего передаются не только черты характера человека, но и его отношения с социумом: *«прирастать/прирасти (взрастать/взрасти) корнями»* – ‘сильно привыкать, привязываться к чему-либо, сживаться с чем-либо’; *«до корней волос»* – ‘всем своим существом, целиком, полностью, во всем быть кем-либо или каким-либо’;

«вырывать/вырвать с корнем» – ‘совершенно, совсем, окончательно уничтожать, искоренить’; «пускать корни» – ‘прочно и надолго обосновываться где-либо, обзаводиться хозяйством’; «смотреть (глядеть) в корень» – ‘вникать в суть чего-либо, обращать внимание на самое существенное, главное в каком-либо деле, явлении, обстоятельстве’; «пресечь на корню» – ‘приостановить или запретить что-либо’.

3-я группа фразеологизмов, в которых назван вид растения, по нашему мнению, является наименее частотной, также содержит различные оценки. Так, к примеру, здоровый, сильный, красивый мужчина, сохранивший эти качества до преклонного возраста, во фразеологизмах чаще представляется фитонимическим компонентом «дерево»: «крепкий, как дерево», «стройный, как дерево» [8, с. 59]. А вот робость и скромность передаются сочетанием «тише воды, ниже травы». Следует отметить, что фитоним «трава» тоже может иметь четко выраженную пейоративную оценку в значении ‘совершенно безвкусный’, ‘как трава’.

Как видим, несмотря на полезность и пищевые качества, многие фитонимы имеют большой процент пейоративных компонентов. Исключение составляют названия растений, передающие внешний вид и физическое состояние, обладающие лексемами с мелиоративными коннотациями: роза, ягодка, огурец, персик, тополь. И только некоторые характеристики имеют нейтральный характер.

Анализируя фразеологические единицы с фитонимическим компонентом по синтаксической структуре, нами выявлено, что большая доля припадает на простые предложения. В первую очередь привлекают внимание специфически русские (точнее, специфически восточнославянские) односоставные безличные предложения с дополнением-существительным типа: *За деревьями не видеть леса. Заблудиться в трех соснах. Нет роз без шипов. Нет боба без пятнышка. Расцвести махровым цветом.* Конечно, существенно употребительнее личные конструкции, однако они присутствуют во всех европейских языках (и во многих других) в любом тексте: *Не суй нос в чужое просо. Хрен редьки не слаще. Иногда и среди крапивы лилия растет. Путь усеян (усыпан) розами. Запретный плод сладок.*

Сложносочиненные предложения также составляют значительную часть исследуемых фразеологизмов, среди которых: *Один работает, а другой присваивает плоды его труда. Корень учения горек, а плоды сладки. Медведь в лесу, а он шкуру продает. Нет пчелы без жала, а розы – без колючек. Дуб от бури валится, а камыш стоит.*

Нередко употребляются и бессоюзные предложения: *Лес рубят – щепки летят. Кто в лес, кто по дрова. Любишь розу – мирись с колючками. Волков бояться – в лес не ходить. Не разгрызешь скорлупу, не съешь ореха.*

А вот конструкции сложноподчиненных предложений представлены совсем небольшим количеством фразеологизмов данного типа: *Каков цвет – таков и плод. Пока трава вырастет, лошадь околеет. Кто по яблоку в день съедает, у того доктор не бывает.*

Достаточно частым и продуктивным является использование конструкций со сравнительными оборотами: *Как с одного поля ягоды. Такой же желанный, как цветы в мае. Как горохом об стену. Как осиновый лист дрожит.*

Весьма частотными являются словосочетания и инфинитивные конструкции: *Корень зла. Запретный плод. Розовые мечты. Чучело гороховое. Крепкий орешек. Орешек не по зубам. Хуже горькой редьки. Ни макового зернышка. Дуб дубом. Дубина стоеросовая. С дуба рухнуть. Изрубить в капусту.*

Заключение. Как видим, большинство из представленных синтаксических конструкций также содержат пейоративные или негативно-ироничные оценки с высоким аксиологическим потенциалом. Конечно, это можно объяснить превалированием негативных настроений в обществе, но, скорее всего, – ироничным отношением нашего наблюдательного народа к недостаткам и проблемам.

Таким образом, анализ фразеологизмов с компонентом фитонимом показывает, что они составляют значительный пласт фразеологии. Оценочные характеристики фитонимичных фразеологизмов отражаются не только в семантических значениях фитонимов, но и в их синтаксической структуре, где, благодаря своему образному значению, точно отражают культурные коды нации. Фитонимические компоненты не только разнообразят компонентный состав фразеологических единиц, но и служат мощными этнокультурными маркерами русскоязычной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Ливэнь. Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 2014 // <http://docplayer.ru/33683460-Vneshnost-cheloveka-kak-obekt-obraznoy-harakteristiki-v-sisteme-ustoychivyh-sravneniy-russkogo-yazyka.html>
2. Маркова Е.М. Названия растений в русском языке как отражение фрагмента языковой картины мира славян / Е.М. Маркова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2008. – № 1. – С. 84-92.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 204 с.
4. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии // 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1973. 256 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов // Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
7. Сизова А.М. Метафорические фитонимы в ботанической терминологии. Язык науки и техники в современном мире Материалы VIII Международной научно-практической конференции // Омск, апрель 2019 года. С.127 – 132.
8. Солодуб Ю.Л. Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. Москва, 2002.
9. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С.56-60.
10. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слова. М.: Дрофа, 2004. 398 с

Поступила в редакцию 20.01.2021 г.

ETHNOCULTURAL SPECIFICITY OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH PHYTONYMS

N.V. Mishina

The article deals with evaluative syntactic and qualitative characteristics of phraseological units with phytonyms as components. These language units are characterized by explicit national and cultural specificity.

Key words: phytonym, ethnocultural specificity, phraseological unit, connotation.

Мишина Надежда Владимировна.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького».

Преподаватель кафедры русского и латинского языков.

E-mail: mnv2910@gmail.com

Mishina Nadezhda Vladimirovna.

Donetsk National Medical University named after M. Gorky.

Teacher at Department of the Russian and Latin Languages

E-mail: mnv2910@gmail.com

УДК 811.161.1

ПРАГМАТИКА И ПОЭТИКА СВОИХ И ЧУЖИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

© 2021 О.В. Оборнева

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького»

В статье анализируется обусловленность антиномического противопоставления своих и чужих имен как языкового, прагматического и этнокультурного факторов, определяются понятия типичного личного имени, антропонимического стереотипа, экземпликативной функции стереотипных имен, рассматриваются примеры их употребления в языковой прагматике и художественной литературе.

Ключевые слова: морфологический стандарт, культурный шок, типичное личное имя, антропонимический стереотип, экземпликативная функция, этнонимическая контаминация.

Именослов любого человеческого коллектива всегда подчиняется законам языка этого коллектива. Освоение национального именника происходит одновременно с овладением родным языком. В сознании и памяти его носителей образуется своеобразная база данных и вырабатывается способность идентифицировать имена людей по их принадлежности к *своим* или *чужим*, отождествляя их с определенной национальной культурой путем сопоставления с ее с морфологическим стандартом. Это свойство, основанное на бессознательных механизмах мышления, не требует исключительных специальных знаний и присуще каждому члену конкретного языкового коллектива.

Вот, к примеру, два разговора между ребенком 4–5 лет и его мамой.

1. По поводу щедро «украшенной» обценной лексикой беседы двух маргиналов, один из которых *Азик*:

– Странное имя! Англичанин, наверное. По-английски ж разговаривает...

2. На прогулке в парке:

– Мама, как зовут девочку, которая гуляет с собачкой?

– Ира.

– А какая у нее фамилия?

– Клойзнер.

– Ну, мама! Я же не про собачкину, а про девочкину фамилию спрашиваю!

Ребенок, в целом, смело оперирует понятиями *имя* и *фамилия*. Эмоциональная реакция в первой ситуации обусловлена столкновением с новым именем, помноженным на незнакомый лексический репертуар. Во втором случае мальчик слышит привычное, эмоционально нейтральное имя и необычную, дикийвинную, беспрецедентную для себя фамилию, вызывающую у него *culture shock* (термин канадского антрополога Kalervo Oberg, см. [11]). По-видимому, ассортимент еврейской антропонимии в его когнитивном опыте очень мал или вовсе отсутствует, зато он уже «искушен» в такой области ономастики как зоонимы, понимая, что животных называют иначе, чем людей. Наконец, присутствие в этой ситуации собаки заставляет его сделать ложное предположение о принадлежности фамилии, не ассоциируемой с образцами своего антропонимического опыта, в пользу другого биологического рода.

Подслушанные разговоры являются классическими образцами анекдота со всеми присущими жанру признаками. Во второй ситуации реализация текстообразующей функции и создание юмористической развязки происходит за счет парадоксальной интерпретации антропонима как кинонима. Взрослый представитель этнического социума прежде всего эксплицирует в нем национально-культурное содержание. Так, *Ира* – гипокористика от *Ирина*, русского имени греческого происхождения, традиционного для русской антропонимии. Фамильный компонент в языковом сознании русскоязычного реципиента рефлексивно распознается как знак еврейского онимогенеза, и весь номинативный комплекс *Ира Клойзнер* декодируется как имя носителя еврейской национальности.

Если бы не существенная разница в соотношении между *анперцепционными базами* ребенка и взрослого коммуниканта [5, с. 168], комизм финала второго анекдота остался бы нереализованным. Эмоциогенный эффект был бы также нейтрализован при замене в цитируемом разговоре фамилии на морфологически и этнически русскую, скажем, *Васильева* vs *Клойзнер*. Но в данном случае ономастическая путаница оказалась значительно продуктивней, чем узуальное толкование онима.

Внутри лингвистической прагматики этнокультурное содержание *своего* имени в прямой или имплицитной оппозиции *чужому* реализуется разнообразно и плодотворно. Наиболее ярко свой этнический потенциал проявляют типичные образцы национального антропонимикона и национальные *антропонимические стереотипы* [2, с. 453]. *Типичным* именем является единица арсенала корпуса высокочастотной национальной антропонимной лексики. Понятию *антропонимического стереотипа* соответствуют типичные имена, которым свойственны положительные, отрицательные или нейтральные коннотации, маркированные парадигмой этнокультурного плана.

Возьмем для примера мужское имя *Иван*, широко распространенное в русскоязычной культурной среде. Вызываемые им исторические, социальные, этнические, культурные ассоциации позволяют формировать обобщенный образ «концентрированно» русского человека, олицетворяющего весь свой народ, – этнокультурный антропонимический стереотип. А.В. Суперанская писала: «Пределом становления имени класса можно считать репрезентативные имена: John Bull – типичный англичанин, наш русский **Иван** (здесь и далее выделение наше. – О.О.). Подобные выражения могут относиться и к одному человеку, и к нескольким, и к целой нации» [8, с. 31].

В разных лингвистических системах антропонимический стереотип формирует устойчивое представление о стандарте зафиксированного в общественном языковом сознании имени, позволяющее извлекать и трактовать хранящуюся в нем информацию этнокультурного и социального планов. Кроме этого, он нередко употребляется для замены личного имени неизвестной или необязанной быть именованной личности в значении «имярек», «некто», «имя по умолчанию». Эту функцию называют *экземплификативной* [6, с. 276]. К подобным именам прибегают в образцах заполнения документов, учебниках, юридической литературе, где они маркированы экспрессивно-нейтрально. Их свойство «быть примером» успешно обыгрывается в анекдотах: «**Иван Иванович Иванов** никогда не заполняет никакие бланки. Он просто тупо крадёт образец» или «Сегодня встретил товарища с ФИО **Иванов Иван Иванович**. Долго размышлял о том, каково это жить с настройками по умолчанию» [9].

Типичные личные имена и антропонимические стереотипы *своей* или *чужой* этнокультуры привлекают внимание писателей и, обретая свое место в поэтонимии литературного произведения, становятся активным средством поэтики.

В стихотворении Н. Заболоцкого типичная русская фамилия употребляется в отличном от индифферентного «называния для примера» смысле. Напротив, плюрализированный этнопоэтоним вызывает сильные эмоции, формируя образ толпы растажиженных, одинаково безликих людей, которые заполняют, подавляют и отравляют мир пустотой и бессмысленностью своего существования:

Повсюду шепот пробежал:
На службу вышли **Ивановы**
В своих штанах и башмаках [4, с. 25].

С этим стихотворением интертекстуально перекликаются рефлексии М. Безродного, в которых автор игнорирует экспрессию монолитного коллективного образа героя Н. Заболоцкого и снова низлагает его до экземпликативной концентрации в «имени-манекене»: «В советских учреждениях (почта, сберкасса, паспортный стол) героем жанра “образец заполнения формуляра” всегда был Иванов. **В своих штанах и башмаках**. Наверное, и теперь в России имя-манекен – Иванов. Как у американцев Смит, а у французов, кажется, Дюпон» [1, с. 433].

Аксиологический вектор семантики этнопоэтонима *Иван* в следующем примере из поэмы В. Маяковского *диаметрально противоположен* художественной интерпретации *Ивановых* Н. Заболоцкого:

Россия
вся
единый **Иван...** [10, с. 99]

Жанровое своеобразие, парадоксальные сюжетные перипетии, экстравагантность поэтонимии – все это присуще рассказу С. Довлатова «Ослик должен быть худым» [3]. Сюжет, заявленный автором как «сентиментальный детектив», на самом деле представляет собой трудно поддающийся дефиниции сплав гротеска и абсурда. Но при ближайшем рассмотрении рассказ выстроен вокруг центрального противопоставления *своего* и *чужого* имен. Сюжет разворачивается как шпионская история заброски сотрудника американских спецслужб *Джона Смита* в Советский Союз. Для конспирации он называет себя *Петром Ивановичем*, сменив американский антропонимический стереотип на не менее стереотипное русское имя. Записавшись на курсы иностранных языков («мечтаю «Сагу о Форсайтах» в подлиннике читать») и услышав фразу «Май нэйм из Джон Смит», шпион воспринимает антропонимическое клише как рассекречивание своего настоящего имени и в панике совершает попытку самоубийства. Прямой этнонимический контраст поэтонимов оказался очень продуктивным для создания стилистически оригинального литературного произведения.

Повесть В. Кунина «Иванов и Рабинович, или “Ай гоу ту Хайфа!”» Л. Сальмон называет примером «самого эмблематического литературного текста» [7, с. 80]. В пространстве русской языковой прагматики личные имена могут быть национально интерпретированы на уровне любого компонента трехчленной антропонимической формулы или их сочетаний. Но комбинации имен героев повести – *Аарон Моисеевич Иванов* и *Василий Петрович Рабинович* – маркированы как знаки этнокультурной несуразности. Каждый из их элементов является антропонимическим стандартом еврейской или русской национальности, но образованные в результате перемены фамилий этнопоэтонимы этнически неправдоподобны. Они создают этнонимические контаминации, которые становятся основным когерентным и конструктивным стержнем смыслового пространства текста повести.

Имена литературных героев всегда прямо или косвенно маркированы коннотациями социального, этнического, языкового или культурного смысла. Рассмотренные примеры показывают, насколько разнообразны, продуктивны и неисчерпаемы художественные ресурсы поэтонимов, которые эксплицитно или имплицитно актуализируют антиномическое противопоставление *своего* мира *чужому*, реально, потенциально или гипотетически существующему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безродный М. Имя дико [Текст] / Михаил Безродный // Чужое имя: Альманах «Канун». – Вып. 6. – СПб., 2001. – С. 430–433.
2. Васильева Н.В. Антропонимические стереотипы в кросскультурном аспекте [Текст] / Н.В. Васильева // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Лингвистика. – 2010. – №4 (2). – С. 453–456.
3. Довлатов С. Две сентиментальные истории [Текст]. Ослик должен быть худым / С. Довлатов // Собр. соч. в 4 т.т. / [Сост. А. Арьев]. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – Т. 1. – С. 75–105.
4. Ивановы [Текст] / Н.А. Заболоцкий // Избр. сочинения. – М.: Худож. лит., 1991. – 431 с.
5. Калинин В.М. Поэтика онима [Текст] / В.М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
6. Клубков П.А. Иванов, Петров, Сидоров... [Текст] / П.А. Клубков // Чужое имя: Альманах «Канун». – Вып. 6. – СПб., 2001. – С. 273–293.
7. Сальмон Л. Личное имя в русском языке [Текст] : семиотика, прагматика перевода / Лаура Сальмон. – М.: Индрик, 2002. – 160 с.
8. Суперанская А.В. Ономастика начала XXI века [Текст] ; [отв. ред. Н.В. Васильева] / А.В. Суперанская. – М.: ИЯз РАН, 2009. – 80 с.
9. Шутка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vse-shutochki.ru/shutka/70329> [дата обращения 12.12.2020].
10. 150 000 000 [Текст] / В.В. Маяковский // Соч. : в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 2. – 768 с.
11. Lebedko M. Cultural Bumps: Overcoming Misunderstandings in Cross-Cultural Communication [Текст] / Maria Lebedko. – Vladivostok: Far Eastern State University Press, 1999. – 194 p.

Поступила в редакцию 30.01.2021 г.

PRAGMATICS AND POETICS OF OWN AND ALIEN PERSONAL NAMES IN ETHNOCULTURAL ASPECT

O.V. Osborneva

The article addresses linguistic, pragmatic and ethnocultural peculiarities of the antinomial opposition of own and alien proper names. The notions of a typical personal name, an anthroponymic stereotype, an exemplary function of stereotypical names are defined. The examples of their usage in language pragmatics and fiction are considered.

Key words: morphological standard, cultural shock, typical personal name, anthroponymic stereotype, exemplary function, ethnonymic contamination.

Оборнева Ольга Вячеславовна.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького».

Старший преподаватель кафедры русского и латинского языков.

E-mail: hellgella@gmail.com

Osborneva Olga Vyacheslavovna.

Donetsk National Medical University named after M. Gorky.

Senior Lecturer of Department of Russian and Latin Languages.

E-mail: hellgella@gmail.com

УДК 801.311

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОДОРАТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ В «ДОНСКИХ РАССКАЗАХ» М. А. ШОЛОХОВА

© 2021 Т.И. Русенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу одоративных номинаций в «Донских рассказах» М. А. Шолохова. Номинации со значением запаха, выявленные путём сплошной выборки из текстов рассказов, анализируются по источнику их выделения, а также функции в тексте; рассматриваются частеречный состав и стилистические особенности указанных наименований.

Ключевые слова: одоративные номинации, «Донские рассказы», казачье восприятие запаха, пейзажные описания, олицетворение.

Как известно, когнитивная функция является одной из самых важных функций языка, к изучению которого с этой точки зрения прибегают, «чтобы ответить на вопрос о том, как организовано человеческое сознание, и как язык репрезентирует ментальное пространство» [17, с. 56]. При этом различные пласты лексики отражают разные стороны действительности.

Особый интерес в этом плане представляет лексика, обозначающая запахи (одоративные наименования, одоронимы), поскольку запахи являются самым древним способом воздействия на глубинные человеческие инстинкты. Кроме того, до сих пор не существует единой теории обоняния. Затруднение вызывает не только определение механизма восприятия запахов, но и их типизация. В результате любые классификации запахов, как и их описания, носят отчасти субъективный характер, отражая особенности восприятия того или иного автора.

В своих попытках изучить данный феномен мы используем несколько подходов к рассмотрению запаховых, или одоративных, номинаций. Так, ядром нашей работы является формирование лексико-семантического поля запаха. Материалом для этой части исследования выступают толковые и диалектные словари. Отдельный раздел – лингвокультурологический – включает в себя рассмотрение функционирования одоративных наименований в текстах художественных произведений (см. [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] и др). Такой подход даёт возможность не только пополнить представление о ЛСП запаха, но и способствует более глубокому анализу творческого замысла писателей, поскольку изучение формы произведения не мыслится без изучения техники формы [1].

Установлено, что отношение людей к запахам, определение приличного / неприличного, приятного / неприятного запаха значительно менялось в ходе истории [6]. В свою очередь изменение отношения к запахам не могло не найти отражения в художественной литературе. Руководствуясь данным тезисом, мы прибегли к комплексному анализу одоративных номинаций как значимых элементов структуры художественного текста на материале произведений представителей разных периодов русской литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, И. А. Бунина, С. А. Есенина (см. [7; 8; 10; 12; 14; 15]).

Кроме различия в восприятии и отображении запахов в разные периоды истории, следует также отметить, так сказать, географические отличия: запаховые номинации, свойственные определенным регионам России, зачастую значительно отличаются между собой и не включаются в литературный язык. Наглядно такое сравнение позволяет провести анализ диалектных словарей (см. [9]), а также текстов тех авторов, в чьих произведениях ярко представлена диалектная лексика.

Мы остановили свой выбор на творчестве М. А. Шолохова. В этой статье в качестве материала для анализа мы используем «Донские рассказы» [18].

В предисловии к сборнику шолоховских рассказов А. С. Серафимович писал: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко рассказываемое чувствуешь – перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды» [18, с. 5].

Действительно, в произведениях М. А. Шолохова герои говорят естественным для них языком. Кроме того, тексты полны образности, свойственной народному творчеству. Нередко при создании живописных пейзажей и чётко очерченных образов героев используются одоративные номинации.

«Со страниц «Донских рассказов» в молодую советскую литературу ворвалось не только изобилие красок, и ярких, и в тонких полутонах, но и запахов (по чувствительности ноздрей Шолохова можно сравнить — и то лишь в некоторой степени – разве что с ранним Всеволодом Ивановым, времени его партизанских повестей и рассказов). Здесь – вся амплитуда запахов от благоухания до вони, что так тонко, мощно и уже несравненно будет разработана в «Тихом Доне». Человек, вещь, земля и растущее на ней, природные твари, стихии – все выделяет свой запах, свое интимное, проникающее дыхание в мир, особенно ароматно и богато настоящее в самой природе» [16].

Стилевые особенности прозы М. А. Шолохова стали объектом исследования многих учёных. Собственно лексике обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова посвящены диссертационная работа, а также ряд статей А. В. Дроботун [3; 4]. Исследовательница исходит из того, что запахи у М. А. Шолохова являются частью общей концепции, т. е. подаются сквозь призму восприятия казачества. Так, в работе «Специфика казачьего восприятия запаха в произведениях М. А. Шолохова» А. В. Дроботун выделяет основные элементы «обонятельной палитры казачьей жизни» в произведениях писателя: «<...> запахи степи и её растительности, запахи земли, запахи Дона-батюшки, телесные запахи человека и родные домашние запахи» [4, с. 42].

Внимание М. А. Шолохова к запахам проявляется уже в «Донских рассказах», которые сам писатель называл пробой пера.

Несмотря на небольшой объём, рассказы цикла изобилуют пейзажами, описаниями природы, которые, зачастую, включают и зрительные, и звуковые, и обонятельные элементы.

Например:

(1) *Ночью в саду пахнет земляной сыростью, крапивным цветом и дурманным запахом собачьей бесилы. Вдоль обветшалой огорожи лопухи караулят дорожку бессменно. Ночью вышел Алешка в сад, долго глядел на Макаrchихин двор, на слодяные оконца, на лунные брызги, окропившие лохматую листву садов, и тихо побрел к воротам Макаrchихиногo двора. Под амбаром загремел цепью и забрехал привязанный*

кобель [18, с. 69]. Как видим, автором в одном абзаце передается запах нескольких источников природного происхождения, вид ночного сада в лунном свете, звук.

Или:

(2) *В степных ярах, в буераках, вдоль откосов еще лежал снег, поганя землю своей несвежей, излапанной ветрами белизной, а по взгорьям, по лохматым буграм уже взбрыкивали овцы, степенно похаживали коровы, и зеленые щепотки травы, пробиваясь сквозь прошлогоднюю блеклую старюку, пахли одурманивающе и нежно* [18, с. 190]. В данном примере акцент сделан на цветовой гамме степи. Описание запаха травы дополняет картину, вызывает в сознании читателя воспоминания о ранней весне.

По наблюдениям А. В. Дроботун, у М. А. Шолохова «каждое время года для казака этнически-хозяйственно» (см. [3; 4]) и характеризуется определёнными запахами. Безусловно, в центре пейзажных зарисовок оказывается степь с её растительностью. Часты упоминания, особенно при создании весенних пейзажей, запахов воды, прели:

(3) *На дне водой промытой балки сыро. Пахнет илом, вязнут ноги* [18, с. 111].

Или:

(4) *На огороде возле Дона полой водой и набухающими почками тополей пахнет* [18, с. 160].

Неповторимым, приятным запахом обладает земля. Показателен в этом смысле следующий пример:

(5) *Только тогда перевел Мишика дух, когда с головой окунулся в зеленую колючую заросль конопли. Присел на влажную пахучую землю, вытер с расцарапанной шеи кровь и заплакал; сверху, пробираясь сквозь листья, солнце старалось заглянуть Мишке в глаза, сушило на щеках слезы и ласково, как маманька, целовало его в рыжую вихрастую маковку* [18, с. 134]. Возникают любопытные параллели: земля – убежище, солнце – мать. Силы природы как будто оживают. Ведь солнце не просто греет, оно *старается заглянуть* в глаза мальчику, *целует* его.

В целом М. А. Шолохов довольно часто прибегает к олицетворениям, в том числе, употребляя одоронимы:

(6) *Солнце еще не выпило из земли жирного запаха весенней прели, а Яков Алексеевич уже снаряжал сынов, и в четверг, чуть рассвело, выехали в степь* [18, с. 190]. Солнце наделяется способностью *пить* (высушивать) запах влаги из земли. В этом контексте интересно употребление вкусового эпитета *жирный* в отношении запаха. Таким образом передается насыщенность, интенсивность запаха.

Или:

(7) *Ранним утром, когда цветущие сибирьки рассыпают у плетней медвяный и приторный запах, когда пчелы нетрезво качаются на их желтых цветках, а утро, сполоснутое росой, звенит прозрачной тишиной, Алешика, раскачиваясь от ветра, добрал до канавы, стояя, долго перелазил через нее и сел возле плетня, припотевшего от росы* [18, с. 67]. *Сибирька* – это пролеска сибирская. Благодаря использованию глагола в переносном значении – *рассыпать запах* – складывается впечатление нечаянной потери, произвольного выделения запаха от каждого цветка.

Нередко встречаются при описании запахов приёмы синестезии:

(8) *А над землей, разомлевшей от дождей весенних, от солнца, от ветров степных, пахнущих чабрецом и полынью, маревом дымчатым, струистым плыл сладкий запах земляной ржавчины, щекотный душок трав прошлогодних, на корню подопревших* [18, с. 159]. В этом контексте представлено комплексное описание

запахов с привлечением визуальных образов. *Запах плывет маревом дымчатым*, то есть становится видимым. Земля не просто существует, она млеет под воздействием солнца и ветров. Интересен и запах *степных ветров: чабрец и полынь*.

По мнению А. В. Дроботун, «неотъемлемым компонентом степи является растение полынь, запах которой определяет самую яркую нормативную оценочность пологого Обдолья» [4, с. 51–52]. Что касается запаха чабреца, то он имеет для казаков символическое значение: защищает жилище от злых духов [4, с. 47].

В целом же наличие запаха у ветра – это метонимия: ветер разносит запах, и запах становится характеристикой ветра:

(9) *За ложиной дымкой теплится марево, ветер над обугленной землей прямо пахнет чеборцовым медом* [18, с. 202].

Разносит ветер и далеко не приятные запахи:

(10) *Как-то ходил Митька туда, где путаным узлом вяжутся извилистые яры, видал под откосом засохшую кровь, а внизу, на каменистом днище, где вода размывала неглубокую могилу, чья-то босая нога торчала; подошва сухая, сморщенная, и ветер степной, шарящий по ярам, вонь трупную ворошит* [18, с. 88]. Как видим, ветер олицетворяется, а запах овеществляется благодаря глаголу физического воздействия *ворошить*.

Описания смерти, как и любого естественного процесса, у М. А. Шолохова сопровождаются запаховыми деталями. При этом смерть, как правило, не несет никакого сакрального значения, как, скажем, у А. С. Пушкина, М. А. Лермонтова или Ф. М. Достоевского, а является завершающей частью жизненного цикла, установленного природой.

По сути, описание природы в рассказах М. А. Шолохова не является фоном. «Философской основой пейзажа М. Шолохова была не антитеза человек – природа, а понимание издревле сложившихся связей человека-труженика, пахаря и земли, понимание неотделимости человека от природы, их единства» [2]. Природа существует параллельно с героями. Точнее они существуют внутри неё, подчиняясь её циклам, вписываясь или не вписываясь в них. Тем резче очерчиваются силы, нарушающие обычный ход вещей и уклад казачьей жизни. Например:

(11) *Вонючий град картечи с цоканьем застучал по черепичной крыше конюшни и, слегка окропив землю, заставил мать жеребенка – рыжую Трофимову кобылицу – вскочить на ноги и снова с коротким ржаньем привалиться вспотевшим боком к спасительной куче* [18, с. 179].

Любопытно, что из всех описанных предметов неприятный запах имеет лишь картечь. О запахе навоза речь не идёт, поскольку для человека, занимающегося хозяйством, данный запах является естественным, а «всё, что натурально, обычно для казака обладает в основном позитивной оценкой, ибо это основание его материального быта, которое он познает с детства, растёт и живет с ним» [4, с. 46]. Стрельба же нарушает естественный ход вещей, противопоставляя войну мирному укладу жизни.

Далее в рассказе эта мысль разворачивается:

(12) *Свежий хвост был медвяно пахуч и липок, в нос ширяло запахом цветущего краснотала, землей попахивало, трудом, позабытым в неумном пожаре войны...* [18, с. 181]. На наш взгляд, использование разговорного глагола с негативной оценкой *ширяло*, а также глагола прерывисто-смягчительного способа глагольного действия *попахивало* в данном контексте призвано подчеркнуть контраст приятных запахов с событиями войны, их неуместность здесь. При этом наряду с

землёй как конкретным источником запаха приводится абстрактный – *трудом, позабытым в неугасшем пожаре войны...* Вероятно, подразумеваются запахи, которые сопровождают сельскохозяйственные работы и являются привычными для жизни казака.

В описаниях казачьего быта, уклада одоративные номинации – не редкость. Негативная или позитивная характеристика запаха зачастую задаёт тональность всей фразы, позволяет сформировать у внимательного читателя представление о том или ином помещении, ситуации:

(13) *Клуб в поповском доме. По новым дорожкам, пахнувшим свежей соломой, вошел в просторную комнату* [18, с. 38].

Запах нового – запах свежести создает приятное впечатление.

Или:

(14) *На столе дымились щи; хмелинами благоухал свежий хлеб* [18, с. 187–188].

Использование книжного глагола со значением приятного запаха – нетипично для М. А. Шолохова. Скрытый запах: *дымились щи* – визуальный образ, подразумевающий наличие аромата от свежей и горячей еды.

Иная лексика используется при описании неприятных запахов и ситуаций:

(15) *Двери в сенцы распахнуты, из неметеной горницы духом падальным несёт* [18, с. 69]. В этом контексте автором использованы многозначный глагол *несёт* и разговорное существительное *дух*. Просторечное сочетание подчёркивает запущенность (визуальный признак – *горница не метена*). В данном случае читатель, благодаря описанию, предчувствует нечто нехорошее.

В целом же оценка запахов героями не всегда совпадает с общепринятой. В частности, речь идет о запахе пота. «В XIX – нач. XX в. запах пота у людей, занятых физическим трудом, был одним из показателей социального расслоения общества <...> Между тем как для казачьей среды несвойственно такое отношение к запаху пота. Люди, занимаясь сельским хозяйством из поколения в поколение, не воспринимали этот запах как зловоние. Пот является для казака символом трудолюбия» [4, с. 50]. Знакомый с детства, исходящий от родных и близких людей сам этот запах становится родным:

(16) *Идет Дунятка по шляху наезженному, что лег напрямик к станции железнодорожной.*

Легко ей идти, потому что в сумке, за спиною, краюха хлеба ячменного, затрепанная книжка со страницами, пропахшими горькой степной пылью, да Григория-брата рубаха холицовая.

Когда горечью набухнет сердце, когда слезы выжигают глаза, тогда где-нибудь, далеко от чужих глаз, достает она из сумки рубаху холицовую нестиранную... Лицом припадает к ней и чувствует запах родного пота... [18, с. 44].

Перед героиней лежит долгий путь, на который её вдохновляют родные запахи, ставшие приятными. В некотором смысле поля памяти и запаха пересекаются в данном фрагменте. То, что было важно для нас в прошлом, подменяет оценочные характеристики:

(17) *Покачиваются сани. Шинели пахнут родным кислым потом, как отцова рубаха когда-то пахла...* [18, с. 109].

По-особенному воспринимают герои Шолохова запахи, сопряженные с трудом, ремеслом, конской сбруей. Например:

(18) *Приторно и остро воняет пареной овечьей шерстью. Пот бисерным горошком сыплется у Петра по лицу, мокрые волосы свисают на глаза* [18, с. 94].

Запах, характеризующий ремесло, описывается при помощи наречий, характерных для описания вкусовых ощущений. Усилия, прилагаемые героем, струящийся пот, подчеркивают важность труда.

Положительные эмоции вызывает процесс сбора и переработки урожая:

(19) *Молча повернулся и пошел на гумно. Там уж пожаром полыхала работа: возили с дальних прикладков хлеб, пыхтела машина, орал Фрол-зубарь, тихая в ненасытную пасть молотилки **вороха пахучего крупнозернистого хлеба**, визжали бабы, подгребая солому, и оранжевым колыхающимся столбом вилась золотистая пыль* [18, с. 221].

Отношение к запахам, сопряженным с трудом и домашним хозяйством, помогают характеризовать героев. Негативная их оценка становится сигналом социальной дистанции, утраты связи с корнями:

(20) *От **материной кофтенки рваной навозом коровьим воняет**. Отодвинулся слегка, улыбнулся, как варом в лицо матери плеснул.*

- Неудобно на улице, мамаша... Вы укажите, куда лошадей поставить, и чемодан мой несите в комнату... Заезжай во двор, слышишь, кучер? [18, с. 153].

Уничижительное описание внешнего вида. Запах подчеркнуто неприятный, ввиду отчуждения героев: мать – простая казачка, сын – хорунжий.

Следует отметить, что запаховые описания нередко используются автором при создании неприятного образа противника. Например:

(21) <...> *Атаман с седла соскочил, кинулся на дуговатых ногах пьяно и, **крепкодохнув самогонов**, сказал: - Мы, дед, коммунистов ликвидируем...* [18, с. 28].

И хотя конфликт рассказов М. А. Шолохова, безусловно, не сводится лишь к социальному противоречию, нельзя отрицать, что неприятные запахи (*алкоголя* или *табака*) чаще всего исходят от тех, кто выступает против революции. В некоторых случаях запахи, традиционно считающиеся приятными, приобретают негативную оценку из-за типа героев, с которыми они связаны. Например:

(22) *Думалось Петьке: порубили махновцы ребят из ячейки, сотрудников, и ему из поповской, **прокисшей ладаном спальни** зазывно подмаргивает смерть* [18, с. 117].

Ладан обладает приятным запахом. Негативная оценка запаха через причастие **прокисший** говорит о негативном отношении к религии, к старому укладу, а также о том, что поп поддерживает махновцев.

Ярким примером противопоставления старого и нового режимов выступает один из ранних рассказов М. А. Шолохова «Три». Вся композиция этого небольшого произведения строится на метафорическом противопоставлении пуговиц, попавших на брюки дворника, по месту их первоначального использования: *на пальто крупного фабриканта, на буденовке краскома и на штанах молодых коммунистов*. При этом от первой, костяной, пуговицы, облезлой и потрескавшейся, все еще исходит *едва уловимый запах одеколона*. Она жалуется на нынешнюю «жизнь»: (23) *«Запах **портянок, пота, какой-то специфический «мужицкий дух»**, это же кошмар!..»* [18, с. 17]. И заявляет: (24) *«<...> перспектива украшать **вонючие мужицкие штаны** меня не прельщает»* [18, с. 17]. Вторая пуговица остается относительно нейтральной в своих суждениях, а третья противопоставляет себя первой, поскольку была на штанах, которые по очереди носили молодые ребята из крестьян, (25) *«и от них, **молодых и сильных, пахло не одеколоном, а молодостью и здоровьем**»* [18, с. 18].

Таким образом, мы наблюдаем противопоставление запаха одеколона абстрактному запаху «молодости», «здоровья» как символу будущего. Даже сам

материал последней пуговицы – металл, крепкий и современный, по сравнению с костью (закостенелостью) и деревом (деревенщиной) указывает на её современность.

Кроме описаний самих запахов, способа их распространения, интерес вызывают лексемы, используемые М. А. Шолоховым при передаче процесса восприятия запаха. Например:

(26) *Ноздрями, словно из суглинка вылепленными, стянул дед вязкий душок водяной плесени и запах перемолотого жита, прислушался, как нехорошо, захлебываясь, сосала и облизывала свои вода, и бороду мочалистую помял задумчиво* [18, с. 27].

Визуализируется механизм обоняния: *стянул ноздрями*. Осознанное восприятие запаха, вдыхание. Метафорическое описание запаха – *вязкий*, – как для вещества в жидком агрегатном состоянии. Одновременно работают обоняние, слух и осязание.

Состояние голода усиливает восприимчивость запаха:

(27) *Возле стряпки расстелила хозяйка рядом, сели семейно на земле, вечеряют. В ноздри Алешке так и ширнуло духом вареной баранины* [18, с. 71].

Процесс восприятия запаха нередко осмысливается, и герой дает этому запаху оценку:

(28) *Солнце перевалило через кирпичные сараи, когда встал очкастый. Вышел он на крыльцо и носом закрутил.*

– *От тебя воняет, Алешка?*

– *Я исть хочу...* – буркнул Алешка и глянул на очки снизу вверх.

– *Сейчас мы сварим каши, но... от тебя, Алеша Попович, все-таки воняет* [18, с. 70].

Здесь отклик на запах также сопровождается описанием изменения мимики лица.

Факт наличия неприятного запаха может влиять на отношение к человеку, как в следующем примере:

(29) – *Я с тобой не хочу играть. У тебя из ушей воняет дюзже!..* [18, с. 130].

Встречаются примеры, в которых субъектом восприятия запаха выступает животное. Такие описания неимоверно натуралистичны. Например, в рассказе «Смертный враг», когда волчата оказываются во дворе жилого дома:

(30) *Лошадь храпела и боязливо прижимала уши, на ходу выгибалась, словно готовясь к прыжку, борзые юлили у самых ног лошади, нюхали воздух, поднимая горбатые морды, и тихонько подвизгивали* [18, с. 172].

И далее:

(31) *Ветер дул с юга, нес к ветряку враждебные запахи, чуждые звуки... Угнув голову, припадая к траве, волчица сползла в проулок и стала возле Ефимова двора, обнюхивая следы. Без разбега перемахнула двухаршинный плетень, извиваясь, поползла по колючкам* [18, с. 172–173].

Лошадь и собаки чувствуют волков, волчица вынюхивает своих волчат.

Интересен данный пример ещё и тем, что разного рода явления распространяются ветром: *ветер <...> нёс <...> враждебные запахи, чуждые звуки...* При этом используются абстрактные определения для запахов и звуков: нет указания на источник, понятно только, что такие запахи и звуки не знакомы волчице.

Тот факт, что автор подробно описывает обонятельный процесс, указывает на его заинтересованность в передаче запаха и тщательный отбор номинаций. Подтверждение этому находим в предисловии М. А. Шолохова к рассказу «Лазоревая степь» и рассуждениях о седом ковыле. В частности, Михаил Александрович указывает, что ковыль, который молодые писатели, в погоне за напыщенным словом, называют седым

и пахучим, на самом деле не имеет запаха. Придание этой (32) *поганой белобрысой траве* [18, с. 202] нехарактерных ей свойств говорит о том, что писатель далёк от событий гражданской войны. Таким образом, можно заключить, что в текстах М. А. Шолохова важна каждая запаховая деталь.

Неоднократно встречается в «Донских рассказах» использование одоративных номинаций в переносном значении. Например:

(33) - *Почуть надо! Чтob этой нечистью и не воняло!* [18, с. 235].

Или:

(34) *Ты у меня, Федька, гляди!.. Думаешь, не вижу, как ты нюхаешься с мужиками?* [18, с. 81].

Уникальным в своем роде можно назвать следующий пример:

(35) *Что ж ты думаешь? Хоть и не обожаю я нюхать бабы подолы, а жалость к ней поимел и взял её на свой грех* [18, с. 55].

В данном контексте выражение *Нюхать бабы подолы* используется в значении ‘слушать женщин, увиваться за ними’ и носит явно простонародный характер.

О стилистических особенностях одоративных номинаций в «Донских рассказах» хотелось бы сказать несколько слов отдельно.

Следует отметить, что, по наблюдениям А. В. Дроботун, словарный состав лексики обоняния представлен в художественной прозе М. А. Шолохова тремя социолингвистическими типами именовании: 1) общерусскими, 2) региональными (этнографическими) и 3) собственно шолоховскими именованьями [3]. К числу последних исследовательница относит слова типа *преснина*.

В «Донских рассказах», помимо слов литературного языка, нами были обнаружены лексемы из второй подгруппы – диалектной лексики, а также просторечные номинации: *кизяки духовитые* [18, с. 37]; *дух пададьный* [18, с. 69]; *пахнет чеборцовым медом* [18, с. 202], *запах весенней прели* [18, с. 190].

Что касается собственно шолоховских номинаций, то в текстах рассматриваемых рассказов нами не были выявлены собственно авторские образования. В данном случае целесообразнее, на наш взгляд, говорить об окказиональных формах разговорных лексем. Например:

(36) *Казалось небывальщиной, сном, чтобы на гумне, где постоянно разбойничали соседские козы, обдергивая прикладок соломы, теперь лежали изрубленные люди; и от них, от талых круговин примерзшей пупырчатой крови, уже струился-тёк запах мертвечины...* [18, с. 248–149]. В данном контексте за счёт использования составного глагола *струился-тёк* запах воспринимается как жидкость. Сам же факт употребления синонимичных лексем через дефис отсылает нас к народному творчеству (ср. *путь-дороженька, спать-почивать* и пр.).

В текстах «Донских рассказов» М. А. Шолохова встречаются окказиональные наречия:

(37) *У отца на рыжей бороде хлебные крошки и яичная скорлупа, из раззявленного рта стервятно разит спиртом* [18, с. 82].

Подводя итоги, важно отметить, что одоративные номинации являются неотъемлемой частью текстов М. А. Шолохова. При этом у него практически не встречается односоставных, традиционных описаний запаха типа *душистые дыни*.

Редки у М. А. Шолохова и стандартные ольфакторные сцены: «существительное либо безличный глагол со значением запаха + существительное, обозначающее источник запаха». Практически каждая выявленная нами номинация входит в состав тропа. Используются личные формы глагола. Запах подчёркнуто динамичен. Отсюда частое использование наречий как признака признака. Запах не просто есть: он *разливается, рассыпается, роняется*, иными словами, распространяется, а после ощущается, осмысливается и оценивается героем. Статичные на первый взгляд описания при более детальном разборе оказываются текучими, движущимися, живыми, как сама степь или воды тихого Дона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном и художественном творчестве / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 6–71.
2. Великая И. Стилевое своеобразие «Донских рассказов» М. Шолохова / И. Великая // Михаил Шолохов. Статьи и исследования. – Режим доступа: <http://m-a-sholohov.ru/books/item/f00/s00/z0000023/st003.shtml> (дата обращения: 25.12.2020 г.).
3. Дроботун А. В. Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова : Дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Александра Валерьевна Дроботун. – Москва, 2006. – 186 с.
4. Дроботун А. В. Специфика казачьего восприятия запаха в произведениях М. А. Шолохова / А. В. Дроботун // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 41–56.
5. Егорова Л. П., Чекалов П. К. Михаил Шолохов. «Донские рассказы». – Режим доступа: https://zinref.ru/000_uchebniki/02800_literatur/005_lekcii_literat_02/136.htm (дата обращения: 25.12.2020 г.).
6. Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории / Д. Захарьин // РОССИЯ / RUSSIA. – Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. – М. : ОГИ, 1999. – С. 54–70.
7. Русенко Т. И. Запаховые номинации в авторской картине мира И. А. Бунина / Т. И. Русенко // Мова і культура. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – Вип. 15. – Т. V (159). – С. 304–309.
8. Русенко Т. И. Одоративные номинации как значимые элементы структуры художественного текста (на материале рассказа А. П. Чехова «На гвозде» и рассказа И. А. Бунина «Генрих») / Т. И. Русенко // Мова і культура. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2013. – Вип. 16. – Т. 6 (168). – С. 95–100.
9. Русенко Т. И. Лексико-семантическая группа существительных со значением запаха в структуре соответствующего лексико-семантического поля (на материале «Словаря русских народных говоров») / Т. И. Русенко // Вісник Донецького національного університету. Сер. Б. Гуманітарні науки. – 2013/ 1–2. – Том. 1. – Донецьк : ДонНУ, 2013. – С. 272–277.
10. Русенко Т. И. Специфика использования одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина / Т. И. Русенко // Мова. – 2014. – № 21. – С. 172–176.
11. Русенко Т. И. Лексико-семантическая группа глаголов со значением запаха в структуре соответствующего лексико-семантического поля (на материале «Словаря русских народных говоров») / Т. И. Русенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 3. – С. 148–158.
12. Русенко Т. И. К вопросу о роли запаховых номинаций в русской литературе первой половины XIX века (на материале творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова) / Т. И. Русенко // Этнокультурная динамика русского языка: сборник трудов молодых ученых СОФ НИУ «БелГУ» / ред. Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – Старый Оскол : РОСА, 2017. – С. 235–242.
13. Русенко Т. И. Лексико-семантическая группа существительных со значением запаха в структуре соответствующего лексико-семантического поля (на материале «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова) / Н. А. Ярошенко, Т. И. Русенко // Материалы Международной научной конференции студентов и молодых учёных «Донецкие чтения 2017. Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса» (г. Донецк, 17–20 октября 2017 г.); под общей ред. проф. С. В. Беспаловой. – Т. 4. Филологические науки. – Ч. 2. Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 112–114.

14. Русенко Т. И. К вопросу о роли запаховых номинаций в творчестве Н. В. Гоголя / Т. И. Русенко // Кирилло-Мефодиевские чтения – лаборатория науки и творчества: сб. научных и творческих трудов молодых исследователей. – Ч. I. – Симферополь, 2018. – С. 170–174.
15. Русенко Т. И. О роли запаховых номинаций в творчестве И. С. Тургенева / Т. И. Русенко // Сталинградская гвоздика : Сб. материалов междунар. конф. / Под ред. И. А. Прихожан и В. И. Супруна. – Вып. 3. – Волгоград : Фортесс, 2018. – С. 240–248.
16. Семенова С. «Донские рассказы». От поэтики к миропониманию. – Режим доступа: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/semenova-cherty-stilya.htm> (дата обращения: 25.12.2020 г.).
17. Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н. И. Сукаленко. – К. : Наукова думка, 1992. – 162 с.
18. Шолохов М. А. Донские рассказы / М. А. Шолохов. – М. : «Молодая гвардия», 1975. – 256 с.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

**ODOR NOMINATIONS
IN «TALES OF THE DON» BY MIKHAIL SHOLOKHOV**

T.I. Rusenko

The article deals with the analysis of odor nominations in «Tales of the Don» by Mikhail Sholokhov. The odor nominations are considered in terms of their sources, functions, their parts-of-speech characteristics, and stylistic peculiarities.

Key words: odor nominations, Tales of the Don, odor perception by Cossacks, landscape descriptions, personification

Русенко Татьяна Ивановна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Аспирант кафедры общего языкознания и истории
языка имени Е. С. Отина.

E-mail: rusenko-tanya@mail.ru

Rusenko Tatiana Ivanovna.

Donetsk National University.
Postgraduate student of General Linguistics and
History of Language Department named after
E. S. Otin.

E-mail: rusenko-tanya@mail.ru

УДК 81.373.21 (477.62)(09)

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТОПОНИМИИ ГОРОДА ДОНЕЦКА В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

© 2021 Л.Г. Элизбарашвили

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького»

Статья содержит описание истории возникновения географических названий некоторых частей города Донецка, напрямую связанных как с Джоном Юзом, основателем города по официальной версии, так и с его современниками – незаурядными личностями тех времён.

При написании статьи использованы материалы известных краеведов города Донецка, которым небезразличны вопросы исследования топонимии родного края и связанные с ними исторические события.

Ключевые слова: топонимия, топоним, возникновение, исторический, развитие, освоение, название, посёлок.

*Край степной. Здесь скиф сражался и сармат.
Юз сюда приехал много лет назад.
Было всё: войны беда, разруха, рост.
Но расцвел Донецк – наш город миллиона роз.
(автор не найден)*

Введение. Известный журналист XIX века Н.И. Надеждин, писал: «Топонимика – это язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре». Среди привычных географических названий немало таких, которые могут вызывать вопрос: «Почему так названо?»

Несомненна связь топонимики с историей. Во многих географических названиях сохраняются воспоминания об исторических событиях.

Основная часть. Топонимия города Донецка тесно связана с освоением плодородных земель края. Степное раздолье, вода и сочные травы манили человека в Приазовье. Донецкий край необычен. Здесь возвышенности встречаются с равнинами, море с сушей, степь с лесом. В недрах земли сосредоточены залежи полезных ископаемых: огромные запасы угля, уникальные глины, ртуть, соли, свинцово-цинковые руды, графит, цирконий, гранит.

Промышленное освоение пластов земли, богатых углём, дало начало развитию края. Зимовники временных поселенцев превращались в хутора, слободы и сёла. Быстро росло население.

Первые люди на территории земель, на которых ныне расположен Донецк, появились очень давно – в начале бронзового века. Просторы нынешнего Донецка и области заселяли в разные времена скифы, сарматы и другие кочевники, затем эту территорию заняли готы, а уже потом – славяне. Земли эти назывались «Дикое Поле» – огромные пространства степей Северного Причерноморья и Приазовья.

Освоение земель в районе современного Донецка было начато запорожскими, а также донскими казаками в XVII веке. Здесь образовывались и разрастались поселения. Жители слобод и хуторов занимались скотоводством, рыболовством, земледелием и «копанием земляного угля» (горючего камня) для местных потребностей.

В 1696 г. о горячем камне узнал Петр I, когда возвращался с Азовского похода, и ему принадлежит пророческое высказывание: «Этот минерал, если не нам, то нашим потомкам, зело полезен будет».

В 1721 году по указу Петра I была организована первая государственная экспедиция по разведке угля и руды с участием рудознавца Григория Капустина. Экспедиция нашла каменный уголь у реки Курдючьей, притока Северского Донца.

Открытие залежей угля в 1721 году стало началом промышленного развития края. Верховья реки Кальмиус, где ныне расположен город Донецк, хранили большие залежи каменного угля. В 1779 году здесь была основана слобода Александровка. Основателем поселения стал поручик Евдоким Степанович Шидловский. Владения Шидловского в современных границах города протягивались от Путиловского парка к Донецкому металлургическому заводу.

В конце XVIII в. Евдоким Степанович Шидловский заложил слободу Крутояровку (названа по крутому яру; современный Ворошиловский район города Донецка) на принадлежащей селу земле.

Версий относительно возникновения первоначального, а затем и окончательного названия населенного пункта на границе Киевского района Донецка много. По официальной версии поселение было названо Александровка-Шидловка в честь Александра Евдокимовича Шидловского, старшего сына основателя. Местные жители произносили название как «Александровка-Шегловка».

К моменту приезда Евдокима Шидловского в эту местность северо-восточной части нынешнего Киевского района она уже была заселена. По неофициальной версии «Шегловка» (так оно закрепилось в сознании жителей Донецка) происходит от проживавшего здесь помещика Щеглова.

Донецкая шахтерская Шегловка сродни шахтерскому городу Кемерово. Крупный западносибирский город также начинался с села Щеглово, и в настоящее время неофициально называется Шегловка.

Шегловка! Так называли в начале прошлого века шахты, промпредприятия, железнодорожные станции, больницы. По данным переписи 1926 года значился и Шегловский рудничный совет. В него входили рабочие поселки шахт "Шегловка", "Шегловка № 5", "Шегловка № 8–9". А Шегловского района никогда не было. Возможно, что такое наименование не соответствовало концепции названий, рожденных революцией, и не вписывалось в представления идеологов молодого советского государства.

В 1827 году под руководством крупного ученого Е.П. Ковалевского были организованы геологические экспедиции, по результатам которых Е.П. Ковалевский опубликовал статью, в которой впервые упомянул название «Донецкий бассейн», в сокращенной форме (Донбасс), ставшее названием края.

Правительство, в лице генерал-губернатора М.С. Воронцова, заинтересованное в добыче каменного угля для нужд Военно-Морского ведомства Одессы и Черноморского флота, направляет в Кальмиусскую зону опытного горного инженера А.В. Гурьева, который указал на село Александровку, доказывая целесообразность промышленной эксплуатации месторождения.

Михаил Семёнович Воронцов (русский государственный и военный деятель) взял Александровку в аренду на 30 лет у Шидловского. По его приказу здесь был построен Александровский рудник.

Александровский рудник – один из первых угледобывающих рудников на территории современного Донецка, в своё время крупнейший рудник на юге Российской империи.

В 1867 году горный инженер А.Ф. Мевкус обосновал возможность постройки металлургического завода возле Александровки.

В 1869 году англичанин Джон Хьюз приобрел разрешение на чугунное и рельсовое производство на юге России, построил на берегу реки Кальмиус первое крупное металлургическое предприятие, вокруг которого вскоре вырос поселок Юзовка. Впоследствии Юзовка слилась с шахтерским селением Александровского рудника.

Этот год считается годом основания города Донецка. Растущий промышленный поселок носил имя своего основателя до 1924 года.

На территории современного Донецка Александровка соответствует северо-восточной части Киевского района (район Партизанского проспекта).

Около Александровского рудника образовался рабочий поселок. По истечению семи лет И.С. Воронцов передал в аренду землю вместе с устроенными шахтами и рабочим поселком симферопольскому купцу Христофору Ивановичу Иванову. Рабочий поселок получил название Ивановка (Ленинский район г. Донецка). В течение нескольких лет Александровский рудник стал самым крупным на юге России.

Южнее села Александровки возникла деревня Алексеевка (Буденновский район г. Донецка).

В конце XVIII в. начинает заселяться территория около зимовника Мандрыкино, образуется помещичье село Авдотьино, получившее название от имени жены первого владельца здешних земель. В этом селе проживали преимущественно пленные поляки. Село Авдотьино (Буденновский район г. Донецка) располагалось на правом берегу р. Кальмиус, ниже села Александровка. Первое упоминание поселка Авдотьино относится к концу XVIII в.

В 1938 году село Авдотьино получило статус поселка городского типа города Сталино (название г. Донецка с 1924 года). С 1959 года территория поселка Авдотьино стала частью города Донецка.

В Ростовском областном госархиве хранится дело о межевании границы между Областью Войска Донского и Екатеринославской губернией летом 1796 года, в котором числится деревня Авдотьино генерал-адъютанта Данилы Давыдовича Мандрыкина.

Немного выше села Авдотьино было расположено село Григорьевка или Ивано-Дарьевка, или Ивановское, а затем стало называться Рутченковка или Рутченково, которое используется местными жителями как название части Кировского района г. Донецка. Рутченко – это дворянский род, владевший землей с конца XVIII века, еще до прихода сюда Юза. Основателем рода считается прапорщик Алексей Кириллович Рутченко. Всего у него было около 5600 гектаров земли. Сегодня эти земли в составе Кировского, Куйбышевского и Ленинского районов.

Выше села Григорьевка (район города, называемый Боссе) находилось село Николаевка на правом берегу р. Кальмиус (часть Ленинского и Ворошиловского районов г. Донецка).

Ближняя Нестеровка – район, возникший вокруг поместья семьи Нестеровых, первой шахты Нестеровского рудника и карьеров.

Дальняя Нестеровка – земли помещиков Нестеровых, освоенные в результате дальнейшего развития их рудника. На западе заканчивались Нестеровским карьером – в

этом районе сейчас находится микрорайон "Южные склоны", построенный на месте "хатынок" позапрошлого века.

Между Алексеевкой и Николаевкой была расположена деревня Екатериновка, (или по-другому – Масловка), названная по имени хозяйки Екатерины Алексеевны Маслянниковой (дочери Алексея Кирилловича Рутченко). Масловка – часть заводского поселка Юзовки, отведенная для рабочей аристократии. В настоящее время Масловка мало кем распознается и в общественном сознании сливается с Ларинкой. Для названия этой местности используется Ларинка. С северной стороны эти земли граничили с владениями Шидловского.

В 1873 году земля, принадлежавшая Екатерине Александровне Маслянниковой, была продана Екатерине Аркадьевне Лариной.

Ларинка – очень старое образование. Первые постройки появились одновременно с рождением юзовского металлургического завода.

Смолянка – так называют местные жители часть Куйбышевского района города, вокруг пересечения улицы Куйбышева и проспекта Панфилова. Название района Смолянка обязано происхождением руднику Смоляниновская (Новосмоляниновская) проходка и Смоляниновскому угольному пласту. Смоляниновский угольный пласт отличался хорошими химико-технологическими показателями и шел в производство кокса. На бывшей земле Смоляниновых в народе закрепилось название Смолгора.

Район «Стандарт», образцовый социалистический район, известный также как «Квартал», был выстроен в 20-х годах на свободном промежутке Смолгоры.

К западу от юзовского металлургического завода в 1880-х годах был построен посёлок Александровка-2. Александровка-2 – старейший район города.

На территории современного Донецка Александровка-2 соответствует северу Ленинского района, ниже телецентра. Отсюда и названия улиц Александровка 1-я, Александровка 2-я, Александровка 3-я, Александровка 4-я, Александровка 5-я, Александровка 6-я, Александровка 7-я, Александровка 8-я, Александровка 9-я, Александровка 10-я, Александровка 11-я, которые расположены по обе стороны Ленинского проспекта.

В конце XIX века Юзовка по величине не уступала уездному городу. Местность, в которой проживали английские специалисты и строители, слилась с шахтерским поселком Александровкой (Александровка-Щегловка) – так возникла Юзовка, которая объединила вокруг себя все окрестные поселки и слободки.

Заключение. Здесь перечислено малое количество топонимов. Конечно же, их гораздо больше. Исследование названий доюзовских и юзовских поселений, располагающихся на территории современного города Донецка, показывают, что большинство из них образовано от имён и фамилий людей дворянского происхождения или помещиков, которые были хозяевами поместий.

Некоторые из приводимых здесь топонимов мало кто употребляет, хотя их никто не отменял; другие же продолжают жить в лексиконе коренных жителей Донецка.

На территории города каждые несколько лет возникают новые и навсегда уходят в городскую историю старые названия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Все о Донецке: справочник / А.И. Беленко. – 3-е изд., доп. – Донецк: Донбасс, 1983. – 208с.: ил.

2. Стёпкин В.П. История Донецка (1779-1991): историко-краеведческий очерк / В.П. Степкин. – Донецк: Апекс, 2004. – 486с.: ил.
3. Дворяне Шидловские – пионеры заселения Донецка. – Режим доступа: <http://dongeosociety.ru/shidlowsky/> (дата обращения: 12.12.2020).
4. Донецк. Почему мы так называем различные места города. – Режим доступа: <https://alyuz.livejournal.com/tag/%D0%90%D0%B2%D0%B4%D0%BE%D1%82%D1%8C%D0%B8%D0%BD%D0%BE> (дата обращения: 12.12.2020).
5. О родном Донецке. История. – Режим доступа: http://tda-dn.narod.ru/ABOUT_ME/about_city.htm (дата обращения: 12.12.2020).
6. Почему так названо. – Режим доступа: <http://donbass.name/2261-pochemu-tak-nazvano.html> (дата обращения: 12.12.2020).
7. Топонимика и микротопонимика. – Режим доступа: <http://mylektsii.ru/11-25359.html> (дата обращения: 12.12.2020).
8. Юзовка и окрестности. – Режим доступа: <http://fromdonetsk.net/images/yuzovka-i-okrestnosti.html> (дата обращения: 12.12.2020).

Поступила в редакцию 20.02.2021 г.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DONETSK TOPONYMY IN HISTORICAL ASPECT

L.G. Elizbarashvily

The article deals with the origin of the geographical names of some parts of Donetsk, directly related to both John Hughes, the founder of the city according to the official version, and his contemporaries, the outstanding personalities of those times. Materials by well-known local historians of the city of Donetsk are used in this article. These materials focus on different issues of Donetsk toponymy research and the related historical events.

Key words: toponymy, toponym, origin, historical, development, title, village.

Элизбарашвили Лали Георгиевна.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького».

Преподаватель кафедры русского и латинского языков.

E-mail: ivanova.lali2016@ya.ru

Elizbarashvily Lali Georgievna.

Donetsk National Medical University named after M. Gorky.

Lecturer of the Department of the Russian and Latin Languages.

E-mail: ivanova.lali2016@ya.ru

УДК 81'322.5:811.16

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

© 2021 И.А. Кудрейко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена сравнительному исследованию особенностей терминов родства по крови и свойству в русском, украинском, белорусском языках. В работе выявлены сходства и различия в употреблении некоторых наименований кровного родства и свойственного; определены тематически тождественные словосочетания, заменяющие термины родства по свойству в современном обществе; указаны термины кровного родства, используемые в метафорическом значении при обращении.

Ключевые слова: термины кровного родства, термины родства по свойству, славянские языки, сопоставительный анализ.

Сопоставительное изучение одноструктурных языков создает основу для выявления общего и различного в грамматических системах сравниваемых языков, определения степени влияния экстралингвистических факторов на их развитие, взаимосвязь. Общность происхождения русского, украинского, белорусского языков, постоянное взаимодействие, способствующее взаимопроникновению различных элементов в близкородственные языковые структуры, обусловили эффективность сопоставительных исследований различных уровней данных языков.

Первым научным трудом по сравнительному языкознанию в области восточнославянских языков является, вероятно, российский многоязычный словарь под редакцией немецкого и русского путешественника, ученого-энциклопедиста П.С. Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языков и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы 1787, 1789 гг.». В общей сложности корпус словаря включает 285 слов русского языка, переведенных на 200 языков мира с использованием букв русского алфавита, которые в данном словаре выступают в качестве знаков универсальной фонетической транскрипции. В Предисловии к словарю автор дает такое описание восточнославянских наречий: *«Между Славянскими нарѣчїями, изъ коихъ Россійское первое занимаетъ мѣсто, оба послѣднїя требуютъ объясненїя. Малороссійское нарѣчїе мало отлично и само по себѣ часто есть не что иное, какъ Россійское на Польскїй образецъ премѣненное и въ употребленїи токмо въ Украинѣ и малой Россїи. Въ прочихъ странахъ Россійскаго Государства случаются мѣстами нѣкоторымъ только провинцїямъ собственныя названїя и небольшїя въ выговорѣ отличїя, но сіе въ самомъ существѣ Россійскаго языка, коимъ столько милїоновъ людей въ отдаленнѣйшихъ странахъ по городамъ и деревнямъ говорятъ, ничего не значить»* [17]. Следует отметить, что в первую десятку слов, представленных в словаре, входят термины родства: «отец», «мать», «сын», «дочь», «брат», «сестра», «муж», «жена».

Позже, в 1866 году, вышла книга немецкого лингвиста А. Шлейхера «Всеславянский словарь», о которой сам автор писал: *«Изъ занимающихся славянскими языками нѣтъ ни одного, который не чувствовалъ бы потребности въ всеславянскомъ словарѣ, т.е. въ словарь, содержащемъ слова нарѣчїй староболгарскаго,*

новоболгарского, сербского, словенского, рускаго (живыхъ великорусскихъ говоровъ, столь важныхъ для славянскаго языкознанія), малороссійскаго, польскаго, чешскаго и словацкаго, верхне-сорабскаго и нижне-сорабскаго, не исключая словъ, дошедшихъ до насъ изъ полабскихъ нарѣчій» [21].

В 1885 году под редакцией Ф. Миклошича выходит «Краткій словарь шести славянскихъ языковъ (русскаго съ церковнославянскимъ, болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго), а также французскій и нѣмецкій». Словарь включает около 40 тыс. слов и показывает многообразие общеславянского словарного фонда [10].

А.С. Будилович, используя сравнительно-исторический метод в исследованиях, осуществляет семантическую классификацию существительных в двухтомнике «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным: исследования в области лингвистической палеонтологии славян» (1897–1882) [5].

Заметим, во всех названных работах представлены данные по этимологии слов, входящих в состав анализируемого лексического фонда русского, украинского, польского, сербского и других языков. В последующих исследованиях по сопоставительному изучению языков круг интересов лингвистов пополняется такими вопросами, как определение инвариантных и функциональных значений исследуемых языковых единиц, изучение грамматической семантики и т.п. Данная проблематика отражена в исследованиях Н.Н. Арват, Ж.Ж. Варбот, Н.И. Толстого, О.Н. Трубачева, Т.А. Черныш, А.Е. Супруна, Р.М. Цейтлин и др.

Повышенный интерес ученых-лингвистов к сопоставительному изучению лексического фонда языков обусловлен прежде всего тем, что язык в таких исследованиях рассматривается как носитель духовности, формирующий мировосприятие.

В данной работе сопоставление лексики русского, украинского и белорусского языков рассмотрим на примере лексико-семантической группы «Термины родства».

Семья является базовой ячейкой бытия, и изучение терминов родства позволяет определить особенности базового мироустройства человека, тождества и различия лингвокультурного восприятия семьи в разных восточнославянских языках, что определяет актуальность проводимого нами исследования. Объектом исследования являются имена существительные, определяющие отношения кровного родства и свойства в русском, украинском и белорусском языках.

Языковые данные в изучении родства имеют первостепенное значение, так как термины родства и свойства входят в основной словарный фонд любого языка и являются наиболее древним его пластом, который отличается большой устойчивостью и общенародностью понятий, так как именно семья и род являются носителями и хранителями традиционных духовных ценностей народа, способствующих сохранению его исторической памяти.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даль дает такое определение понятию «семья»: «совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью...»; «семьянин – семейный человек; член семьи; у кого своя семья; человек с женою, с детьми...» [6].

Уточнение происхождения и значения данного слова находим в этимологическом словаре М. Фасмера: «семья» – др.-рус. – «челядь, домочадцы, семья; муж, жена»; рус. церковнославян. – «семинь – невольник, домочадец» [19].

В нашей работе мы трактуем понятие «семья» как ячейку общества, основанную на супружестве и кровном родстве, отношениях между мужем и женой, родителями и

детьми, братьями, сестрами, строящихся по определенным правилам, нормам, основанным на семейных ценностях.

Семейные ценности – это «взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных особенностей в малой социальной группе, основанная на браке, кровном родстве, когда два образца ценностей приобретают единый характер в зависимости от социально исторического значения для общества и учитывая межличностное взаимодействие» [8, с. 98–99]. С лингвистической точки зрения, семейные ценности необходимо исследовать на основе анализа лексических единиц, актуализирующих наименования родственников и родственных связей: *мать, отец, дочь, сын, бабушка, дедушка, золовка, тесть, сваты, муж, жена* и др. Например: *1. Каждый день вечером муж с женою и с детьми, и с домочадцами, если кто знает грамоту – отпеть вечерню, павечерницу, в тишине со вниманием, предстоя смиренно с молитвою, с поклонами, петь согласно и внятно, после службы не пить не есть и не болтать никогда («Домострой» глава 12 Как мужу с женою и с домочадцами в доме своем молиться Богу); 2. Чада, вслушайтесь в заповеди господни: любите отца своего и мать свою и слушайтесь их, и повинуйтесь им божески во всем, и старость их чтите, и немощь их и страдание всякое от всей души на себя возложите, и благо вам будет, и долголетними пребудете на земле. («Домострой» глава 22 Как детям почитать и беречь отца и мать и повиноваться им и утешать их во всем)* [7].

Активное изучение терминов родства началось в XIX в.: именно в тот период Ф.И. Буслаев в своей магистерской диссертации в этимологическом аспекте проанализировал терминологию общественного быта в славянских языках. Ученый показал взаимосвязь славянских терминов родства с санскритскими терминами. Позже П.А. Лавровский в книге «Коренное значение в названиях родства у славян» сопоставил термины родства, бытовавшие у славянских народов, а также, анализируя древнерусские письменные источники, попытался воссоздать историческую эволюцию системы родства русских слов. Однако от общих выводов по исследуемой проблематике П.А. Лавровский отказался, аргументируя это следующим образом: «От какихъ либо общихъ выводовъ я удерживался, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что для объективной ихъ истины требуется весьма много условій, выходящихъ далеко за границы исключительной лингвистики...» [9]. Заметим, что, начиная с работ Ф.И. Буслаева и П.А. Лавровского, термины родства стали рассматриваться как определенный класс лексики конкретного языка.

В 1959 году было опубликовано исследование О.Н. Трубачева «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя», в котором автор проанализировал развитие терминологии родства всех славянских языков, рассматривая как термины кровного родства, так и свойственного, в лингвистическом аспекте с учетом данных по истории общества, истории материальной культуры, этнографии. Всего в работе представлены термины родства на 75 языках, среди которых 21 – славянские.

В 1964 году Т.П. Ломтевым впервые был выполнен компонентный анализ терминов родства на материале русского языка. По мнению ученого, семантическое поле, выраженное терминами родства, стало своего рода полигоном, на котором испытываются разные методы анализа. Семантико-функциональный подход к анализу русских терминов родства развивает в своем исследовании М.А. Кронгауз [11, с. 43].

На современном этапе изучению вопросов классификации, функционирования, исторического развития терминов родства, а также исследованию семантического поля данного лексического пласта посвящены работы таких ученых, как О.В. Близнюк,

А.В. Бурыкин, Н.В. Багичева, И.В. Зыкова, Н.А. Добронравин, Н.П. Дыренкова, В.А. Попов, С.В. Куланда, М.В. Никитин, Л.А. Покровская, С.В. Силюнский, М.Ш. Сарыбаева, В.Н. Телия и др.

Известный американский исследователь терминов родства Д. Гринберг выявил три универсальных признака для данных единиц:

1) все языки стремятся иметь различные термины для обозначения родства разных поколений (различие между обозначениями внуков, детей, родителей и т. д.);

2) есть терминология для обозначения кровного родства и родства, установленного через брак (*отец, тесть* или *свёкор*);

3) все языки стремятся маркировать гендерные различия хотя бы между некоторыми родственниками (*отец – мать, дочь – сын*) [11, с. 44].

Последний признак в современных национальных культурах воспринимается неоднозначно: в некоторых западных государствах отказываются от гендерного маркирования терминов «отец», «мать», искусственно заменяя их терминами «родитель 1», «родитель 2», нивелируя понятие «семья», основными функциями которой являются воспроизведение человека и воспитание. Такая подмена понятий не свойственна культурам восточных славян, у которых основополагающий нравственный стержень – православная вера, выступающая стабилизирующим фактором семьи, состоящей из мужчины и женщины (родителей) и их детей.

В восточнославянских языках (как и в других языках) выделим две универсальные группы терминов родственных связей по гендерному признаку для обозначения лиц мужского и женского пола: 1) по кровному родству (например, *отец, сын, брат; мать, дочь, сестра*), 2) по некровному родству (свойству, браку, например: *муж – жена, свёкор – свекровь, тесть – тёща*).

Значения терминов кровного родства, в свою очередь, представляют две разновидности: 1) значения вертикальной линии родства (*отец, мать, дед, бабушка, дети, сын, дочь, внук, внучка, правнук, правнучка* и т. д.); 2) значения горизонтальной линии родства (*брат, сестра, дядя, тётя, двоюродный брат, двоюродная сестра*).

Терминология родства в славянских языках богата и разнообразна: в русском, украинском и белорусском языках названия членов семьи и родственников являются общеславянскими, имеющими общеиндоевропейские корни. Сопоставим: *отец* (рус.) – *батько* (укр.) – *бацька* (бел.); *мать* (рус.) – *мати* (укр.) – *маці* (бел.); *дочь* (рус.) – *донька* (укр.) – *дачка* (бел.); *сын* (рус.) – *син* (укр.) – *сын* (бел.); *брат* (рус.) – *брат* (укр.) – *брат* (бел.); *сестра* (рус.) – *сестра* (укр.) – *сястра* (бел.); *дед* (рус.) – *дід* (укр.) – *дзед* (бел.); *баба* (рус.) – *баба* (укр.) – *баба* (бел.); *дядя* (рус.) – *дядько* (укр.) – *дзядзька* (бел.); *тётя* (рус.) – *тітка* (укр.) – *цётка* (бел.); *племянник* (рус.) – *племінник* (укр.) – *пляменнік* (бел.); *племянница* (рус.) – *племінниця* (укр.) – *пляменніца* (бел.).

Во всех анализируемых языках имеются названия для дальних родственников – термины родства по свойству (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Термины родства по свойству

Русский	Украинский	Белорусский
Муж – мужчина по отношению к женщине, состоящей с ним в браке; супруг		
<i>муж</i>	<i>чоловік</i>	<i>муж</i>
Жена – женщина по отношению к мужчине, с которым она состоит в браке; супруга		
<i>жена</i>	<i>жінка, дружина</i>	<i>жонка</i>
Свёкор – мужнин отец снохе, невестке своей		
<i>свёкор</i>	<i>свекор</i>	<i>свекар</i>
Свекровь – мать мужа		

<i>свекровь</i>	<i>свекруха</i>	<i>свяхроў</i>
Тесть – отец жены		
<i>тесть</i>	<i>тесть</i>	<i>цесць</i>
Тёща – мать жены		
<i>тёща</i>	<i>теща</i>	<i>цешча</i>
Сват – отец одного из супругов по отношению к родителям другого супруга		
<i>сват</i>	<i>сват</i>	<i>сват</i>
Сваха – мать одного из супругов по отношению к родителям другого супруга		
<i>сваха</i>	<i>сваха</i>	<i>сваха</i>
Деверь – брат мужа		
<i>деверь</i>	<i>дівер</i>	<i>дзевер</i>
Ятровка – жена деверя		
<i>ятровка</i>	<i>ятрівка</i>	<i>ятроўкі</i>
Золовка – сестра мужа		
<i>золовка</i>	<i>зовиця</i>	<i>золоўка</i>
Шурин – брат жены		
<i>шурин</i>	<i>шуряк, швагер, швагро</i>	<i>шурын</i>
Свояченица – сестра жены		
<i>свояченица</i>	<i>ближниця, своячка</i>	<i>свояченица</i>
Невестка – замужняя женщина по отношению к родным ее мужа: матери, отцу, братьям, сестрам, женам братьев и мужьям сестер		
<i>невестка</i>	<i>невістка</i>	<i>братава</i>
Сноха – жена сына; невестка		
<i>сноха</i>	<i>невістка</i>	<i>нявестка</i>
Зять – 1. Муж дочери. 2. Муж сестры. 3. Муж золовки		
<i>зять</i>	<i>зять</i>	<i>зяць (шварга)</i>
Мачеха – жена отца по отношению к детям от прежнего его брака		
<i>мачеха</i>	<i>мачуха</i>	<i>мачыха</i>
Отчим – муж матери по отношению к ее детям от прежнего брака		
<i>отчим</i>	<i>вітчим</i>	<i>айчым</i>
Падчерица – неродная дочь одному из супругов, приходящаяся родной другому		
<i>падчерица</i>	<i>падчерка</i>	<i>падчарыца</i>
Пасынок – неродной сын одному из супругов, приходящийся родным другому		
<i>пасынок</i>	<i>пасинок</i>	<i>пасынак</i>
Кум – крёстный отец по отношению к родителям окрещенного ребенка и к крёстной матери		
<i>кум</i>	<i>кум</i>	<i>кум</i>
Кума – крестная мать по отношению к родителям крестника и к крестному отцу		
<i>кума</i>	<i>кума</i>	<i>кума</i>

Приведенные в данной таблице термины родства по свойству свидетельствуют о полном соответствии семантической системы номинаций родства в русском, украинском и белорусском языках.

Некоторые указанные термины родства имеют следующие формальные отличия:

1. Использование различных словообразовательных суффиксов в анализируемых языках при образовании одинаковых номинантов. Заметим, что большая часть

терминов родства образовывается по такой модели: основа + суффикс. В русском языке к основе + **-к-, -ен-, -иц-, -ин-**: *золовка, невестка, свояченица. шурин*; в украинском языке – **-к-, -иц-, -як-, -ух-**: *жінка, падчерка, своячка, зовиця, шуряк, свекруха* (суффикс **-ух-** в украинском языке имеет нейтральную коннотацию, а в русском – отрицательную); в белорусском языке – с помощью суффиксов **-к-, -ен-, -іц-, -ын-**: *невістка, золоўка, свояченица, шурын*.

2. Отсутствие общей этимологической основы у номинаций терминов родства:

а) *муж* (рус.) – *чоловік* (укр.) – *муж* (бел.). Украинский термин «чоловік» (человек; мужчина; женатый мужчина; слуга), не имеет общепринятой этимологии. Ученые квалифицируют его как праславянское новообразование, не имеющее соответствия в других индоевропейских языках. Согласно последней гипотезе, слово «чоловік» – составное слово: *celo-věкъ*, первая часть которого связана с праславянским *cel'adъ* «группа людей», а вторая – с литовским *valkas* «ребенок, сын», прус. *waix* «слуга, наемник», первоначальное значение слова – «тот, который принадлежит к роду человеческому» или «мужской член рода» [23];

б) *шурин* (рус.) – *шуряк, швагер, швагро* (укр.) – *шурын* (бел.). Украинский термин «шуряк» был вытеснен новыми заимствованными терминами «швагер», «швагро». Заимствование произошло, возможно, через польское посредничество с немецкого языка: *schwager* «деверь; шурин; зять (муж сестры или золовки); свояк» [19];

в) *сваяченица* (рус.) – *ближниця, своячка* (укр.) – *сваяченица* (бел.). Украинский термин «ближниця» (сестра жены) образовался от старославянского *близъ*, *близъ* по аналогии со словами «близкий», «ближний» (в немногих словах старославянского языка наблюдается *ж, ш* на месте **z, *s* перед мягкими согласными *л, н*. Эта замена свистящих под ассимилятивным воздействием последующих мягких *л, н* появилась, скорее всего, в период распада праславянского языка вследствие чего не характерна для всех славянских языков). Одним из значений слова «близкий» является следующее: состоящий в кровном родстве с кем-либо, например: *близкая родня, близкие родственники*.

3. Искусственная синонимия терминов: *сноха* (рус.) – *невістка* (укр.) – *нявестка* (бел.).

В современной коммуникации данные термины употребляются как абсолютные синонимы, однако термин «сноха» (жена сына; сыновья жена; связующая; жена брата; жена одного брата по отношению к жене другого брата), имеющий морфемную этимологию – корень *сн-* (сын), употребляется в отношениях свекра и жены сына, например: *Сношенька у свёкра – госпоженка (В.И. Даль)*, а термин «невестка» – в отношениях со свекровью. В последнее время термин «сноха» используется в коммуникации представителями старшего поколения, а среднее и младшее поколения употребляет термин «невестка».

В современном языке большинство из терминов родства по свойству заменяются семантически тождественными словосочетаниями: **золовка** – *сестра мужа* (рус.) – *сестра чоловіка* (укр.) – *сястра мужа* (бел.); **сваяченица** – *сестра жены* (рус.) – *сестра дружини* (укр.) – *сястра жонкі* (бел.); **шурин** – *брат жены* (рус.) – *брат дружини* (укр.) – *брат жонкі* (бел.); **деверь** – *брат мужа* (рус.) – *брат чоловіка* (укр.) – *брат мужа* (бел.); **ятрівка** – *жена брата мужа* (рус.) – *дружина брата чоловіка* (укр.) – *жонка брата мужа* (бел.).

В восточнославянских языках термины кровного родства используются в метафорическом значении для обозначения лиц по возрасту, зачастую в обращениях с учетом гендерного и возрастного признака адресата, например: *Батя, дай закурить*.

Мать, куда ты лезешь? Доченька, помоги заполнить квитанцию. Сынок, уступи, пожалуйста, место! Здоров, отец! и т. п.

Анализ терминов родства русского, украинского и белорусского языков свидетельствует о сходстве систем родства, что объясняется идентичностью господствующих у народов семейно-брачных отношений.

В культуре восточных славян функционируют термины родства по крови, по свойству, при этом отсутствуют термины, определяющие родство по линии отца/матери. Следует отметить, что на современном этапе прослеживается тенденция к замене терминов родства по свойству, составляющих ядро данной тематической группы, синонимичными словосочетаниями, например: **золовка** – *сестра мужа*, **ятровка** – *жена брата мужа*, что свидетельствует о недостаточном знании молодежью национальных обычаев, традиций, культуры. Что касается терминов родства по крови, они активно употребляются во вторичной номинации в обиходно-бытовом общении.

Сопоставительное изучение терминов родства восточнославянских языков имеет большое теоретическое и практическое значение для дальнейшего сравнительно-типологического изучения одноструктурных языков, способствует выявлению новых языковых фактов в анализируемых языках. В связи с этим нам представляется возможным продолжить исследования лексико-семантической группы терминов родства с учетом количества вариантов наименований терминов родства в анализируемых языках, ведь именно этот критерий отражает национальные и культурные традиции восточных славян, так как является регулирующим инструментом между социумом и индивидом, а также определяет насколько развитыми и крепкими являются родственные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академічний тлумачний словник української мови в 11 т. – URL: <http://sum.in.ua/> (дата обращения: 26.12.2020).
2. Большой толковый словарь русского языка 130 000 слов / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с.
3. Будилович А.С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. В 2-х ч. Ч. 1. / А.С. Будилович. – Киев, 1878. – 278 с.
4. Буслаев Ф.И. О Влиянии христианства на славянский язык / Ф.И. Буслаев. – Москва: Университетская типография, 1848. – 211 с.
5. Верціхоўская В.У. Школьны тлумачальны слоўнік / В.У. Верціхоўская, М.І. Верціхоўская. – Мінск: УніверсалПрэс, 2006. – 384 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В. 4-х т. / В.И. Даль. – Москва: Русский язык, 1978.
7. Домострой: как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято. – Москва: Дарь, 2011. – 159 с.
8. Дюльдина Ж.Н. Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках / Ж.Н. Дюльдина, Л.П. Шустова // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 11 - ч.1. – С. 96–99. – URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=36365> (дата обращения: 18.01.2021).
9. Лавровский П. Коренное значение в названиях родства у славян / П. Лавровский. – Санкт-Петербург: Императорская АН, 1867. – 120 с.
10. Миклошич Ф. Краткий словарь шести славянских языков / Ф. Миклошич. – Санкт-Петербург, Москва, Вена, 1885. – 976 с.
11. Очирова В.С. Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком языке (на материале песенных текстов) / В.С. Очирова, Э.У. Омакаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – №1. – С. 42–46.
12. Русско-белорусский словарь. – URL: <https://www.skarnik.by/> (дата обращения: 18.01.2021).
13. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. Около 2000 слов / А.В. Семенов. – Москва: ЮНВЕС, 2003. – 704 с.

14. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Т. 1 / сост.: Л.П. Александрова, С.Л. Баженова, Г.П. Галаванова и др.; под ред. А.П. Евгеньева. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 680 с.
15. Словарь української мови: в 4-х т. / за ред. Б. Грінченка. – Київ, 1907–1909. – 2971 с. – URL: <http://hrinchenko.com/predislovie.html> (дата обращения: 18.01.2021).
16. Словник синонімів онлайн. – URL: <https://synonimy.info/> (дата обращения: 18.01.2021).
17. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение 1. В 2-х ч. Ч. 1. / отв. ред. П.С. Паллас. – Санкт-Петербург: Типография Шнора, 1787. – 240 с.
18. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – 221 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского. В 4-х т. Т. 1 / М. Фасмер; перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Москва: Прогресс, 1964. – 562 с.
20. Хвалей Я. І. Слоўнік лексічных формаў (сінонімы, амонімы, антонімы, паронімы, амаграфы, амафоны) / Я.І. Хвалей, У.В. Шарпіла. – Мінск: Парадокс, 2004. – 416 с.
21. Шлейхер А. Всеславянский словарь. – 1866. – 53 с. – URL: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/70719_Vseslavyanskiy_slovar (дата обращения: 23.12.2020).
22. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1 : А-И / М.Я. Головинская, Е.И. Голанова, О.П. Ермакова. – Москва: Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.
23. Етимологічний словник української мови. В 7 т. Т. 1. / О.С. Мельничук, І.К. Білодід, В. Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко. – Київ: Наукова думка, 1982, – 631 с.

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

TERMS OF KINSHIP IN SLAVIC LANGUAGES (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN, UKRAINIAN, BELARUSIAN LANGUAGES)

I. A. Kudreiko

The article deals with comparative study of the terms of kinship by close consanguinity and affinal kins in the Russian, Ukrainian, Belarusian languages. The similarities and differences in the usage of certain names of consanguinity and affinal kins are revealed. Thematically identical collocations, which replace the terms of affinal kins in the modern society are identified. The terms of consanguinity used metaphorically as terms of address are indicated.

Key words: consanguineal kin, affinal kin, Slavic languages, comparative analysis.

Кудрейко Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

И.о.заведующего кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики.

E-mail: kudreiko@mail.ru

Kudreiko Irina Alexandrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Head of Slavic Philology and Applied Linguistics Department.

E-mail: kudreiko@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректурa статей авторам не высылаётся.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылаётся во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылаётся во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом **под**, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2021. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 10.04.21
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 18,1
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.